

ISSN 2619-1636

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ЭТНОЛОГИЯ

Historical
Ethnology
2025

Том 10. № 4

Vol. 10. No. 4

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭТНОЛОГИЯ. 2025. Том 10. № 4

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

«Историческая этнология» – рецензируемый научный журнал, в котором освещаются новые методы и результаты исследований, стимулирующие дальнейшее становление в России и в сопредельных странах исторической этнологии как самостоятельного научного направления, тесно связанного со смежными историческими, этнографическими, культурологическими, антропологическими, социологическими дисциплинами.

Миссия журнала – содействие формированию новых стандартов историко-этнологических исследований на евразийском пространстве и укрепление международного сотрудничества в области исторической этнологии как объединительного механизма различных историко-социальных направлений гуманитарной науки.

В журнале публикуются работы по следующим темам: теория этнического, этническая реальность: синхронный и диахронный анализ, идентичность в теории и прикладных исследованиях, микроистория и культура повседневности, национальное образование.

Журнал принимает к публикации: оригинальные статьи, обзоры, переводы зарубежных материалов, мнения экспертов, дискуссионные, методические и информационные статьи, эссе, комментарии.

Год основания: 2016 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

Государственное научное бюджетное учреждение «Академия наук Республики Татарстан»
(420111, ул. Баумана, 20, Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация)

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ЭЛ № ФС 77-86148 от 19 октября 2023 г.

Выходит 4 раз в год

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420111, ул. Батурина, 7, Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация
Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан
Тел./факс +7(843)292-84-82 (приемная)

© Академия наук Республики Татарстан, 2025

© «Историческая этнология», 2025

<https://historicaethnology.org>

E-mail: his.ethnology@gmail.com

HISTORICAL ETHNOLOGY. 2025. Vol. 10. No. 4

ONLINE SCIENTIFIC JOURNAL

“Historical Ethnology” is a peer-reviewed scientific journal which highlights new methods and research results that stimulate the further development of historical ethnology in Russia and neighboring countries as an independent scientific field, closely related to allied historical, ethnographic, cultural, anthropological, and sociological disciplines.

The mission of the journal is to promote the formation of new standards of historical and ethnological research in the Eurasian space and to strengthen international cooperation in the field of historical ethnology as a unifying mechanism for various historical and social areas of the humanities.

The journal publishes works on the following topics: ethnic theory, ethnic reality: synchronous and diachronic analysis, identity in theory and applied research, microhistory and the culture of everyday life, national education.

The journal accepts for publication: original articles, reviews, translations of foreign materials, opinions of experts; discussion article, methodological and informational articles, essays, commentaries.

Year of establishment: 2016

FOUNDER AND PUBLISHER:

State Institution “Tatarstan Academy of Sciences”
(420111, Bauman St., 20, Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation)

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor)
ЭЛ № ФС 77-86148 on October 19, 2023

Published 4 times a year

ADDRESS OF THE EDITORIAL OFFICE:

420111, Baturin St., 7, Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation
Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Tel./Fax +7(843)292-84-82 (reception)

© Tatarstan Academy of Sciences, 2025

© “Historical Ethnology”, 2025

<https://historicaethnology.org>
E-mail: his.ethnology@gmail.com

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор: Габдрахманова Гульнара Фаатовна, доктор социологических наук, доцент, заведующий отделом этнологических исследований, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Редактор английских текстов: Шарифуллина Диляра Рашитовна (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Российская Федерация)

Ответственный секретарь: Сагдиева Эльвина Азадовна (Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, Казань, Российская Федерация)

EDITORIAL OFFICE

Editor-in-Chief: Gulnara F. Gabdrakhmanova, Doctor Sc. (Sociology), Associate Professor, Head of the Department of Ethnological Research, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

English Editor: Dilyara R. Sharifullina (Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation)

Managing Secretary: Elvina A. Sagdieva (Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Ажигали Серик Ескендирулы – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Международной академии архитектуры стран Востока, почетный академик Национальной Академии наук Республики Казахстан, главный научный сотрудник отдела этнологии и антропологии Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (Алматы, Республика Казахстан)

Бари Донна – Ph.D. (политология), профессор политических наук, директор программы Патерно Феллоус, Университет штата Пенсильвании (Юниверсити-Парк, США)

Габдрафикова Лилия Рамилевна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Гарипова Розалия Равилевна – Ph.D., доцент кафедры истории, философии и религиоведения Школы естественных, социальных и гуманитарных наук, Назарбаев Университет (Астана, Республика Казахстан)

Гибатдинов Марат Мингалиевич – кандидат педагогических наук, заместитель директора по научной работе, руководитель Центра истории и теории национального образования, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Головнев Андрей Владимирович – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, директор Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Забирова Айгуль Тлеубаевна – доктор социологических наук, доцент кафедры социологии колледжа гуманитарных и социальных наук, Университет Зайед (Аль-Айне, ОАЭ)

Загребин Алексей Егорович – доктор исторических наук, профессор Российской академии наук, и.о. директора Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук; профессор кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии Удмуртского государственного университета, научный руководитель научно-образовательного центра «Современные этнополитические исследования» (Москва, Ижевск, Российская Федерация)

Иноуэ Ацуси – заведующий кафедрой Корнелиуса Вандербильта и профессор экономики факультета экономики, Университет Вандербильта (Нашвилл, Теннесси, США)

Канлыдере Ахмет – доктор наук, профессор кафедры истории, кафедры всеобщей истории Турции, Факультет гуманитарных и социальных наук, Университет Мармара (Стамбул, Турция)

Квилинкова Елизавета Николаевна – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы, Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси (Минск, Республика Беларусь)

Курбанова Земфира Ибрагимовна – доктор исторических наук, заведующий отделом этнографии Каракалпакского научно-исследовательского института гуманитарных наук Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан (Нукус, Республика Узбекистан)

Лентон Адам – Ph.D., факультет политических исследований, Университет Джорджа Вашингтона (Вашингтон, США)

Минниханов Рифкат Нургалиевич – доктор технических наук, президент Академии наук Республики Татарстан, академик Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Петров Юрий Александрович – доктор исторических наук, директор Института российской истории Российской академии наук (Москва, Российская Федерация)

Полунов Александр Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой управления в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений факультета государственного управления Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация)

Расулов Абдулла Нуритдинович – доктор исторических наук, профессор Наманганского государственного университета (Наманган, Республика Узбекистан)

Резван Ефим Анатольевич – доктор исторических наук, профессор, руководитель лаборатории «Международный центр исламских исследований» Музея антропологии и этнографии Петра Великого (Кунсткамеры) Российской академии наук, директор Санкт-Петербургского музея исламоведения (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Салихов Радик Римович – доктор исторических наук, директор Института истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан, академик Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Сейдаметов Эльдар Халилович – кандидат исторических наук, заведующий Крымским научным центром (КНИЦ), Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан; доцент кафедры истории, Крымский инженерно-педагогический университет (Симферополь, Российская Федерация)

Султангалиева Гульмира Салимжановна – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой «Всемирная история, историография и источниковедение», Казахский национальный университет имени аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Хакимов Рафаэль Сибгатович – доктор исторических наук, научный руководитель Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, академик Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Хотопп-Рике Миесте – доктор тюркологии, директор Института Кавказских, Татарских и Туркестанских исследований (ICATAT) (Магдебург, Германия)

Чичек Хусейн – Dr. habil., старший научный сотрудник кафедры религиоведения Венского университета; научный сотрудник Эрлангенского центра ислама и права в Европе, Университета Эрланген – Нюрнберг; Центр перспективных исследований безопасности, стратегических и интеграционных исследований Боннского университета (Эрланген, Германия)

Ягафова Екатерина Андреевна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры философии, истории и теории мировой культуры, Самарский государственный социально-педагогический университет (Самара, Российская Федерация)

EDITORIAL BOARD

Serik E. Azhigali – Doctor of Science (History), Professor, Corresponding Member of the International Academy of Architecture of Oriental Countries, Honorary Academician of the Republic of Kazakhstan National Academy of Sciences, Chief Researcher of the Department of Ethnology and Anthropology, Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology of the Science Committee of the Ministry of the Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Donna Bahry – Ph.D. in Political Science, Professor in Political Science, Director of the Paterno Fellows Program, Pennsylvania State University (University Park, USA)

Liliya R. Gabdrafikova – Doctor of Science (History), Chief Research Fellow at the Department of Modern History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Rozaliya R. Garipova – Ph.D., Assistant Professor of the Department of History, Philosophy and Religious Studies of the School of Sciences and Humanities, Nazarbayev University (Astana, Republic of Kazakhstan)

Marat M. Gibatdinov – Candidate of Science (Pedagogy), Deputy Director for Research, Chief of the Center for History and Theory of National Education, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Andrey V. Golovnev – Doctor of Science (History), Professor, Corresponding Member at the Russian Academy of Sciences, Director of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)

Aygul T. Zabirova – Doctor of Science (Sociology), Associate Professor at the Department of Sociology, College of Humanities and Social Sciences, Zayed University (Al-Ain, United Arab Emirates)

Aleksei E. Zagrebin – Doctor of Science (History), Professor at the Russian Academy of Sciences, Acting Director of the Institution of the Russian Academy of Sciences N.N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology; Professor at the Department of the History of Udmurtia, Archeology and Ethnology, Udmurt State University, Academic supervisor of the Research and Education Center “Modern Ethnopolitical Research” (Moscow, Izhevsk, Russian Federation)

Atsushi Inoue – Cornelius Vanderbilt Chair and Professor of Economics, Department of Economics, Vanderbilt University (Nashville, Tennessee, United States)

Ahmet Kanlidere – Dr., Professor, Department of History, Department of General Turkish History, Faculty of Humanities and Social Sciences, Marmara University (Istanbul, Turkey)

Elizaveta N. Kvilinkova – Doctor of Science (History), Associate Professor, Leading Research Fellow, K. Krapiva Institute of Art History, Ethnography and Folklore, Center for Research on Belarusian Culture, Language and Literature of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk, Republic of Belarus)

Zemfira I. Kurbanova – Doctor of Science (History), Head of the Department of Ethnography, Karakalpak Research Institute for the Humanities, Karakalpak Branch of the Uzbekistan Academy of Sciences (Nukus, Republic of Uzbekistan)

Adam Lenton – Ph.D., Department of Political Science, The George Washington University (Washington, USA)

Rifkat N. Minnikhanov – Doctor of Science (Technical Sciences), President of the Tatarstan Academy of Sciences, Academy Fellow of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Yuriy A. Petrov – Doctor of Science (History), Director of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Alexander Yu. Polunov – Doctor of Science (History), Professor, Head of the Inter-ethnic and Interfaith Relations Management Department of the Faculty of Public Administration, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation)

Abdulla N. Rasulov – Doctor of Science (History), Professor of the Namangan State University (Namangan, Republic of Uzbekistan)

Efim A. Rezvan – Doctor of Science (History), Professor, Head of the International Center for Islamic Studies, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, Director of St. Petersburg Museum of Islamic Studies (St. Petersburg, Russian Federation)

Radik R. Salikhov – Doctor of Science (History), Director, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Academy Fellow at the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Eldar Kh. Seydametov – Candidate of Science (History), Chief of the Crimea Research Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences; Associate Professor of the Department of History, Crimean Engineering and Pedagogical University (Simferopol, Russian Federation)

Gulmira S. Sultangalieva – Doctor of Science (History), Professor, Chief of the Department “World History, Historiography and Source Studies”, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Rafael S. Khakimov – Doctor of Science (History), Academic Director, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Academy Fellow of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Mieste Hotopp-Riecke – Doctor of Turkology, Director of the Institute for Caucasian, Tatar and Turkestan Studies (ICATAT) (Magdeburg, Germany)

Hüseyin Çiçek – Dr. habil., Senior Research Fellow at the Department of Religious Studies, University of Vienna; Erlangen Centre for Islam and Law in Europe, Researcher, University of Erlangen – Nuremberg; Center for Advanced Security, Strategic and Integration Studies, University of Bonn (Erlangen, Germany)

Yekaterina A. Yagafova – Doctor of Science (History), Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of World Culture, Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

Этнография тюркского мира

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

**Формирование культуры статусных похорон
в татарском обществе в 1910–1940-х гг.**

Шайхин А.Р. 525

КРАТКОЕ СООБЩЕНИЕ

**«Родовые вещи» мурз Кульмаметьевых в собрании
Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника**

Тычинских З.А. 539

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

**История формирования татарской коллекции
в собрании Костромского музея-заповедника:
этнографический и художественный аспекты**

Андрианова Н.В. 554

Женщина и семья в историко-этнологическом аспекте

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

**«Я закричала: что вы делаете, я пойду мужиков взбунтую»:
акушерки-фельдшерицы в российской провинции
на рубеже XIX–XX вв.**

Габдрафикова Л.Р., Миронова Е.В. 576

ОБРАБОТКА ДОКУМЕНТОВ

**Государственная регламентация заключения брака и проведения
свадебной обрядности у татар в середине 1970-х годов:
свидетельство одного документа**

Габдрахманова Г.Ф. 592

Идентичность в теории и прикладных исследованиях

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

**Сказать и назвать: декларируемая и вербализованная
территориальная идентичность на Северо-Востоке России**

Данилов И.А. 607

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Образ города Болгар и трансформация городской идентичности населения в контексте развития туристического потенциала*Максимова О.А., Маслова В.А.* 625

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

О некоторых российских и региональных выставочных проектах 2020-х годов в арт-пространстве Казани: опыт критического анализа*Лобашева И.Ф., Фахразиева Е.А.* ..... 648**Научный дебют**

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

RETRACTED**Изменение цивилизационного пространства Восточной Европы вследствие нашествия гуннов: культурно-геополитические предпосылки формирования славянской этнической доминанты как фактора зарождения российской государственности***Манаширов Д.И.* 671

КРАТКОЕ СООБЩЕНИЕ

Оживление истории города: кейс «Аудиогид "Околотки на перемотке"»*Мустакимова К.Р., Ротов И.М.* ..... 687**Хроника научной жизни**

КРАТКОЕ СООБЩЕНИЕ

К вопросу о методологических основаниях этносоциологии: по итогам Круглого стола «Этносоциальные и этнополитические процессы в Сибири и на Дальнем Востоке» (Якутск)*Маклашова Е.Г.* 697

CONTENTS

Ethnography of the Turkic world

ORIGINAL PAPER

Formation of the culture of public funerals in Tatar society in the 1910s–1940s

Shaykhin A.R. 525

BRIEF MESSAGE

“Family items” of murzas Kulmametyevs in the collection of Tobolsk Historical and Architectural Museum-Reserve

Tychinskikh Z.A. 539

ORIGINAL PAPER

The history of formation of the Tatar collection at the Kostroma Museum-Reserve: ethnographic and artistic aspects

Andrianova N.V. 554

Woman and family in a historical and ethnological aspect

ORIGINAL PAPER

“I screamed, ‘What are you doing, I’m going to raise the men’”: midwives-medical practitioners in the Russian province at the turn of the 19th–20th centuries

Gabdratkova L.R., Mironova E.V. 576

PROCESSING PAPERS

State regulation of marriage registration and wedding ceremonies among Tatars in the mid-1970s: evidence from a single document

Gabdrakhmanova G.F. 592

Identity in theory and applied research

ORIGINAL PAPER

To say and to name: Declared and verbalized territorial identity in Northeastern Russia

Danilov I.A. 607

ORIGINAL PAPER

**The city image of Bolgar and transformation of urban identity
in the context of tourism development potential***Maksimova O.A., Maslova V.A.* 625

ORIGINAL PAPER

**Regarding some Russian and regional exhibition projects
of the 2020s in the art space of Kazan: a critical analysis***Lobasheva I.F., Fakhrazieva E.A.* ..... 648**Scientific debut**

ORIGINAL PAPER

RETRACTED**Change in civilizational space of Eastern Europe due to the invasion
of the Huns: cultural and geopolitical prerequisites
for the formation of the Slavic ethnic dominance
as a factor in the emergence of Russian statehood***Manashirov D.I.* 671

BRIEF MESSAGE

**Reviving the history of Kazan:
a case-study of the audio guide “Okolotki na peremotke”***Mustakimova K.R., Rotov I.M.* ..... 687**Chronicle of scientific life**

BRIEF MESSAGE

**On the methodological foundations of ethnosociology:
summarizing the results of the roundtable discussion
“Ethnosocial and Ethnopolitical Processes in Siberia
and the Far East” (Yakutsk)***Maklashova E.G.* 697

Этнография тюркского мира

Ethnography of the Turkic world

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/he.2025-10-4.525-538>

EDN: AWLZIO

Формирование культуры статусных похорон в татарском обществе в 1910–1940-х гг.

А.Р. Шайхин

Национальный музей Республики Татарстан

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Казань, Российская Федерация

a-shayhi@yandex.ru

Резюме. Статья посвящена исследованию появления и эволюции культуры статусных похорон в татарском обществе между 1912 и 1942 гг. Под статусными похоронами понимаются публичные ритуальные мероприятия, прощания и захоронения, в которых выражается высокий общественный, социальный или культурный статус покойного. В работе анализируется влияние социальных, политических и религиозных факторов на коллективные ритуалы прощания и похорон, раскрывается историческая динамика изменений этих обрядов под влиянием модернизации, революции 1917 г. и послереволюционных трансформаций социума. В статье прослеживается, как публичные похороны стали пространством не только религиозного действия, но и ареной социального признания, демонстрации статуса и сплочения общины.

Отмечается, что статусные похороны были важным институтом символической борьбы и самоидентификации, отражающем как традиционные, так и современные для изучаемого периода идеалы, в том числе черты светскости и коммеморативности. Особое внимание уделяется роли ключевых общественных фигур, религиозных лидеров и интеллигенции – их похороны становились значимыми городскими событиями. Анализируется ход и специфические черты похорон Х. Ямашева, Г. Тукая, К. Якуба, Г. Баруди, Ф. Амирхана, Х. Такташа, Г. Камала, Ш. Камала. В статье выявляются социокультурные механизмы институционализации и переосмысления похоронного обряда, демонстрируется, как изменения в ритуале становились индикатором перемен в статусной структуре татарского общества и динамики его модернизации. Исследование основано на анализе источников из фондов Национального музея Республики Татарстан, периодической печати и мемуаров.

Ключевые слова: похороны, обряд, смерть, повседневная жизнь, похоронная культура, социальный статус, модернизация.

Для цитирования: Шайхин А.Р. Формирование культуры статусных похорон в татарском обществе в 1910–1940-х гг. *Историческая этнология*. 2025. Т. 10. № 4. С. 525–538. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-4.525-538> EDN: AWLZIO

Formation of the culture of public funerals in Tatar society in the 1910s–1940s

A.R. Shaykhin

National Museum of the Republic of Tatarstan

Kazan (Volga Region) Federal University

Kazan, Russian Federation

a-shayhi@yandex.ru

Abstract. The article examines the emergence and evolution of the culture of high-status funerals in Tatar society from 1912 to 1942. The term “high-status funerals” refers to public farewell and burial rites that articulated the social or cultural prominence of the deceased. The study analyzes economic, political, and religious factors shaping collective funeral practices and traces their transformation under the impact of modernization, the 1917 Revolution, and subsequent sociopolitical changes. It demonstrates how public funerals functioned as a space of religious ceremonies and simultaneously as instruments of social recognition and arenas for the display of status and communal solidarity. It is pointed out that high-status funerals served as an important platform of symbolical struggle and self-identification, which reflected both traditional and modern ideals of the period under review. Particular attention is devoted to the funerals of prominent public figures, religious leaders and intelligentsia, such as Kh. Yamashev, G. Tukay, K. Yakub, G. Barudi, F. Amirkhan, Kh. Taktash, G. Kamal, and Sh. Kamal, whose funerals were considered significant events in the city’s life. The study reveals distinctive features of Tatar high-status funerals during the early Soviet period and identifies mechanisms of institutionalization and reinterpretation of funeral rituals. The analysis shows that the transformation of burial rites reflected broader changes in the system of Tatar society’s social hierarchy and the dynamics of its modernization. The research is based on the analysis of sources from the funds the National Museum of the Republic of Tatarstan, periodical press, and memoirs.

Keywords: funeral, ritual, death, everyday life, funeral culture, social status, modernization.

For citation: Shaykhin A.R. (2025) Formation of the culture of public funerals in Tatar society in the 1910s–1940s. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 10. No. 4: 525–538. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-4.525-538> (In Russ.)

В дореволюционном татарско-мусульманском обществе похоронные практики регламентировались конфессиональными нормами, но при этом могла наблюдаться некая вариативность во включении тех или иных элементов общепринятых «стандартов» похорон, обусловленной региональными, социальными или религиозно-правовыми причинами. Процесс модернизации и внедрения западных практик в повседневность татарской жизни привел к появлению такого явления как публичные, или статусные похороны. Стоит отметить, что для мусульманской культуры похороны – это всегда публичное, а не частное событие, и с точки зрения религиозной практики, участие в проведении обрядов прощания с умершим, чтение коллективного похоронного намаза является безусловной обязанностью членов мусульманской общины. Но, начиная с 1910-х годов в жизни татар-мусульман Казани похороны некоторых выдающихся политиче-

ских и культурных деятелей становятся важным публичным событием, во время которого сталкиваются сакральный смысл похорон и их культурное и, нередко, политическое значение.

Это происходило под влиянием публичных политических похорон, вошедших в обиход городской жизни Российской империи с конца XIX в. Еще до революции 1917 г. формируется канон политических похорон жертв революционной борьбы (Соколова, 2016: 78). В это время встречались ситуации сочетания публичных политических похорон с православной традицией, с политическими проповедями. Но в большинстве случаев происходило замещение религиозного ритуала неким светским аналогом. Аналогичный процесс происходил и в татарском обществе.

Статусные похороны были не просто публичными мероприятиями. В отличие от похорон обычных людей, они были посвящены лицам, признанных «выдающимися» в конкретное время и место. Статусные похороны имели возвышенный, объединяющий и «торжественный» характер. Нередко они становились событиями, на некоторое время унифицирующими татарское общество.

Первыми политическими похоронами в жизни татар Казани стало прощание с журналистом, «революционером-большевиком» Хусаином Ямашевым (1882–1912). Молодой деятель большевистского движения, студент Казанского университета неожиданно скончался 13 марта 1912 г. Так как он вполне соответствовал сложившемуся канону героев политических похорон, сообществом студентов-демократов и большевиков было решено придать его кончине особое значение. Казанское губернское жандармское управление в этой связи сообщало губернатору, что студенты учредили три комиссии для лучшей организации похорон: комиссию погребения, комиссию подготовки статей для газет, комиссию для подготовки речей. Студенчество постановило собрать деньги для учреждения стипендии памяти Ямашева (Хәсәнов, 1959: 201).

Согласно воспоминаниям современников и по оценке советских биографов, похороны Ямашева приобрели характер демонстрации (Хәсәнов, 1959: 202). Публичная часть прощания – последний маршрут – начался со двора Казанского университета. Уже это выделяло прощание с Ямашевым от других масштабных татарских похорон, для которых был важен топос дома, в котором проживал покойный. Было заметно включение светских декоративных элементов погребальной обрядности – живые цветы, траурные ленты, венки. У могилы Ямашева произносились речи, в частности, выступил студент Абдрахман Мустафин. Были сделаны фотографии процессии у морга, во дворе университета и на площади перед чтением похоронной молитвы. Г. Камал в статье для газеты «Йолдыз», посвященной этим похоронам, кавычками выделяет слово «саубуллашу» – прощание: «*Һәркем аның илә иң актык мәртәбә күрешеп калу «саубуллашу» өчен килгәннәр иде*» (Камал, 1912: 4). Этим подчеркивается принципиальная новизна обряда для татарской общественности указанного периода.

В процессе прощания с Ямашевым соблюдались и конфессиональные нормы, и местные обряды. Были зачитаны аяты из Корана, произнесен *тахлил*,

сохранялся мусульманский характер похорон. Заметим, что, по воспоминаниям Г. Камала, женщины наблюдали за процессией из окон домов и не принимали непосредственного участия в похоронах.

Практически в течение одной недели в марте 1912 г. татарская общественность простилась с еще одним выдающимся деятелем. В Москве трагически оборвалась жизнь золотопромышленника и издателя Шакира Рамеева, а его похороны прошли 21 марта в Оренбурге. Само прощание было масштабным и широко освещалось в татарской прессе (Бертуган Рәмиевләр, 2002: 127). Однако в воспоминаниях не упоминается использование новых светских элементов, кроме как фотофиксации маршрута похоронной процессии. Несмотря на то, что семья Рамеевых была хорошо знакома с европейской похоронной культурой, в вопросах религиозной обрядности она сохраняла приверженность конфессиональным нормам.

Важнейшим событием, определившим развитие культуры статусных похорон в татарском обществе, стала смерть Габдуллы Тукая в 1913 г. Это одно из наиболее подробно задокументированных историй болезни, смерти и похорон татарского деятеля дореволюционной эпохи. В отличие от внезапной смерти Х. Ямашева, к кончине Тукая готовились, так как по прогнозам врачей в марте 1913 г. стало ясно, что поэту осталось жить совсем немного времени. Поэтому уже в больнице были сделаны его фотографии, а после смерти снята посмертная маска. Новости о состоянии поэта печатались в татарской прессе, а весть о смерти быстро дошла даже до отдаленных деревень и казахской степи (Дусаева, Гиматдинова, 2017).

Похороны Тукая прошли 4 апреля 1913 г. (по ст. стилю). Не имея политического характера, они, тем не менее, стали манифестацией национального единения. В день похорон закрылись редакции татарских газет, не велись занятия в медресе. Во всех воспоминаниях отмечается огромное количество участников траурной процессии, мусульман, принявших участие в коллективной молитве и непосредственно на погребении на Мусульманском кладбище. Процессия затрагивала центральные улицы «русской» и «татарской» Казани (начиналась с Молочного переуллка, шла по Проломной и Университетской, далее продвигалась по улицам Старо-Татарской и Ново-Татарской слобод), в связи с чем стала заметным событием для всех жителей города вне зависимости от конфессиональной принадлежности.

Для похорон Тукая было характерно естественное сочетание конфессиональных норм с элементами новой статусной обрядности. Было совершено омовение тела в соответствии с канонами ислама, неоднократно читался Коран (среди дежуривших у тела и читавших суры был будущий скульптор, тогда шакирд «Мухаммадии» Б. Урманче), произносился *тахлил*. Был совершен коллективный похоронный намаз, а после погребения, непосредственно у могилы, зачитаны дополнительные суры. Все это продолжало сложившуюся традицию прощания с умершими. Одновременно были использованы заимствованные и адаптированные из городской русской культуры элементы. Среди них, во-первых, выражение

признания с помощью цветов и венков, а также использование траурных лент с надписями. Обилие цветов упоминается в воспоминаниях и подтверждается фотофиксацией события. Во-вторых, это тщательная фотофиксация не только похорон, но и самого тела усопшего. Желание сохранить для будущих потомков образ человека, как живого, так и мертвого, стало новым явлением для татарской культуры. В-третьих, в похоронах, включая ту часть ритуала, которая совершается на кладбище, приняли участие и женщины. В-четвертых, как и на «политических» похоронах Ямашева, произносились речи и зачитывались стихи поэта. Среди выступавших упоминаются имена преподавателя медресе Габдуллы Гисмати, писателя Фахрислама Агиева, адвоката Шайхаттара Иманаева и издателя Гильмутдина Шарафа (Материалы..., 2021: 306).

Погребение Тукая на Мусульманском кладбище (современное название – Ново-Татарское кладбище) привело к переосмыслению этого топоса в татарской мемориальной практике. Старая центральная аллея кладбища постепенно стала пантеоном выдающихся деятелей людей эпохи Тукая и их духовных потомков, а могила поэта – местом совершения ежегодных коммеморативных практик.

Похороны Тукая стали важным маркером модернизации татарского общества. Новые элементы, пришедшие в публичную ритуальную сферу в 1912–1913 гг., быстро стали неотъемлемым стандартом похорон поэтов, учителей, представителей «демократических» кругов. Однако отношение к новой обрядности было неоднозначным даже в кругу джаидов. Наиболее четко свою позицию выразил Фатих Амирхан в статье *«Мәгънәсез тәкълid»* («Бессмысленное подражание») для газеты *«Кояш»* в 1914 г. В ней Амирхан осуждает «новую моду» на возложение цветов и венков во время похорон, считая, что это нововведение, пришедшее из европейской и русской культуры, не соответствуют исламскому взгляду на смерть. В конце этой небольшой статьи он призывает соотносить новые традиции с «национальным духом» и решать, стоит ли вводить новые обряды или нет (Әмирхан, 2016: 56). Как видно по событиям 1926 г., сам он не смог избежать вовлечения в дискуссию о правилах советских прощальных ритуалов.

Революция 1917 г. и Гражданская война в России разделили общество во всех сферах жизни. В стране появились некрополи и формы мемориализации новых героев. Менялось отношение к самой смерти и постмортальным обрядам: вместо похорон с религиозной семантикой началось утверждение материалистичных похорон, в которых смерть представлялась как абсолютный конец (Соколова, 2022: 101). Одновременно шло формирование новой гражданской обрядности в виде «красных» свадеб, именин, крестин и похорон.

Коммунистические похороны и церемонии прощания с жертвами Гражданской войны были резонансными событиями и способствовали дальнейшему утверждению новых похоронных практик. В татарской части общества они отличались от прежних, конфессионально окрашенных обрядов, светской и даже атеистической направленностью. Шел отказ от погребальных молитв, появился

порядок похорон с использованием гроба и погребением в одежде (например, в шинеле). Молчаливая и скромная сакральность обряда заменилась торжественностью в виде музыки, траурных речей и процессии.

Вероятно, одним из самых первых «коммунистических» похорон стало прощание с революционером Камилем Якубом (1894–1919). Он был убит в июне 1919 г. во время восстания Татарского запасного батальона. Гибель татарского большевика вызвала резонанс и резкую реакцию советских властей (в ответ на восстание и гибель Якуба был расстрелян имам Г. Апанасьев). Для татар-большевиков К. Якуб становится сакральной фигурой, пожертвовавшей собой во имя новой жизни, и субъектом мемориализации (в честь него названы улица в Казани и государственная типография).

После 1922 г. останки К. Якуба, Г. Ваисова и ряда революционеров, ранее захороненных на территории Казанского Кремля, были перенесены в «Русскую Швейцарию». Так в Казани появляется важная локация, призванная сохранить память о героях революционного движения – Братское кладбище. Как известно, братские захоронения и некрополи революционеров стали повсеместным явлением после 1917 г. Появлялись они не только в городах, но и в деревнях, в которых происходили военные действия или столкновения представителей противоборствующих сторон. В списке объектов культурного наследия, находящихся на территории современной Республики Татарстан, присутствуют индивидуальные и братские могилы комсомольцев, учителей, агитаторов, погибших от рук белых, кулаков или участников Вилочного восстания. Казанское Братское кладбище, расположенное на территории современного Центрального парка культуры и отдыха им. М. Горького, было призвано стать главным в ТАССР пантеоном новых героев и мучеников. В отличие от дореволюционных кладбищ, оно объединяло усопших и русского, и татарского происхождения. На кладбище имеются как собственно братские захоронения, так и индивидуальные могилы.

Параллельно с зарождением нового распорядка статусных похорон, случались и нечастые, но значимые статусные прощания «старого» формата. Так, в 1921 г. в Казани простились с муфтием и богословом Галимджаном Баруди. Он умер 6 декабря во время поездки в Москву, поэтому уже в столице было организовано торжественное прощание и отправка тела покойного в Казань. На фотографиях, сделанных в Москве, видно, как мусульмане сопровождают процессию с *табутом* покойного муфтия до Казанского вокзала. Среди участников прощания оказались консулы Турции, Ирана и Афганистана. Возможность организации такого масштабного для сложного 1921 г. мероприятия была обусловлена статусом Баруди как лидера российских мусульман. Разрешение на организацию перевозки дал И. Сталин, поручивший улаживание дальнейших вопросов М. Калинину. 8 декабря 1921 г. в Москве совершилась коллективная похоронная молитва, а 13-го числа вагон с телом муфтия прибыл в Казань. На следующий день тело было погребено на Ново-Татарском кладбище.

В случае похорон К. Якуба и Г. Баруди наблюдалось относительно спокойное, параллельное существование двух культур статусных похорон. Это бы-

ло связано с тем, что участники этих двух событий в 1917–1920-х гг., как правило, не пересекалась. Однако в 1926 г. умирает классик татарской литературы, писатель и драматург, журналист Фатих Амирхан (1886–1926). Прощание с ним ознаменовало существенный сдвиг в огосударствлении похорон значимых деятелей татарской культуры.

Сведения о смерти и похоронах Ф. Амирхана зафиксированы в нескольких опубликованных источниках, в том числе в памятных статьях и репортажах в газетах 1926 г. Краткая история болезни Ф. Амирхана была собрана И. Биккуловым. Репортаж с траурной церемонии и похорон опубликовала газета «Кызыл Татарстан» 14 марта 1926 г. Сохранился ценный источник сведений по изучаемой теме – специальный дневник друга Ф. Амирхана Карима Сагида. Он расшифрован и опубликован в 2016 г. (Кәрим Сәгыйд, 2016: 220).

К. Сагид дал не только краткое описание истории болезни Амирхана, но и скрупулёзно записал все события последних недель жизни писателя с 26 февраля до 12 марта (дня похорон) 1926 г. – медицинские показания, социальные связи писателя, вплоть до регистрации его посетителей. Из списка «дежурных» членов семьи, друзей и молодых татарских врачей видно, что соблюдалась традиция не оставлять больного и умирающего одного. 27 февраля в квартире К. Сагида состоялось совещание о дальнейших действиях. Рассматривался и сценарий смерти писателя, организации его похорон. Собравшиеся постановили собрать до 500 рублей на отправку Амирхана для лечения в Крым или для проведения похорон. Было решено, что к сборам не будут привлечены «посторонние, в том числе купцы из Сенного базара».

4 марта состояние Амирхана сильно ухудшается. На следующий день близкие друзья и родственники писателя встречаются для обсуждения «проекта» похорон и решения судьбы его мемуаров, писем и рукописей. 6 марта стало понятно, что надо начинать подготовку к погребальным обрядам, решать организационные вопросы. Близкое окружение Ф. Амирхана задается вопросом о наличии у него письменного завещания с пожеланиями о форме похорон. К. Сагид пишет о том, что до поездки в Крым осенью 1925 г. писатель устно определил исполнителей завещания и просил похоронить себя по исламскому ритуалу, но без «обрядов» – *бид'а*, т.е. «нововведений» из традиционного для казанских татар репертуара похоронно-поминальных практик: выплаты выкупной милостыни *фидия*, искупительного обряда *даур*, прочтения полного Корана нанятым человеком, проведения поминок в 7, 40 и 51 день. Примечательно, что Амирхан, по словам И. Биккула – одного из исполнителей завещания – отказался и от элементов гражданских похорон, траурных лент и цветов. 7 марта это устное завещание было подтверждено умирающим и переписано муллой Г. Амирханом. При этом сам писатель уже не был в состоянии подписать подготовленную бумагу, в итоге «мусульманское» завещание Фатиха Амирхана осталось не заверенным, что позже вызвало у сторонников светских похорон вопросы о легитимности бумаги.

9 марта 1926 г. в 10 часов 10 минут Фатих Амирхан умирает в окружении родственников и близких людей. Дневник К. Сагида показывает, что в последние дни писателя, когда уже было ясно, что исцеление невозможно, соблюдалась принятая в татаро-мусульманской среде практика прощания с умирающим и читалась сура «Ясин».

Однако имелась и светская статусная характеристика похорон Фатиха Амирхана. Со стороны «традиционалистов» – сторонников прощания с писателем по мусульманским канонам – светскость и статусность проявлялась в подходе к решению организационных вопросов. Сразу после смерти Амирхана появляется «Центральная похоронная комиссия» из близких и родственников. Она постановляет соблюсти пожелания писателя по проведению мусульманских похорон, а желающим принести венки и цветы предлагается передать деньги на покупку ненужных реквизитов «фонду Фатиха Амирхана».

С этого дня учреждались три «подкомиссии»: для информационной работы, оповещения и подготовки речей; для организации омовения, подготовки могилы, почетного караула, публичной прощальной церемонии, проведения похоронной молитвы и погребения; визуальной фиксации: снятия посмертной маски, фотографирования усопшего и похорон, записи похорон на киноленту. Предполагалось создание четвертой комиссии для практик памяти, установления надгробного камня и ограды, передачи наследия в музей и проведения ежегодных мероприятий.

По сценарию «центральной комиссии» тело усопшего должно было быть подготовлено к погребению утром 11 марта. 12 марта в 13:00 по сценарию начинается похоронная процессия: тело выносится из дома, дальше все участники идут до театральной площади. Похоронная молитва читается на площади Мулланура Вахитова (ныне Юнусовская площадь). Право нести покойного предоставлялось только представителям студенчества и преподавателям.

Однако после объявления кончины Ф. Амирхана его похороны становятся ареной борьбы «партийной» и «беспартийной» интеллигенции. Первые, в лице Ф.Бурнаша, настаивали на проведении светских публичных похорон, а чтение коллективного намаза предлагалось организовать непосредственно на кладбище. В период с 9 по 11 марта давление со стороны партийных активистов нарастает, в итоге вечером 11 марта проводится заседание похоронной комиссии с участием «традиционалистов» и «коммунистов».

По записям К. Сагида видно, что партийная интеллигенция не имела принципиальных возражений против проведения сугубо религиозной части похорон, но настаивала на включении в сценарий светской части на театральной площади с произнесением соответствующих речей. Несмотря на то, что в последние годы жизни Ф. Амирхана его имя постепенно обрастало критикой и негативной оценкой, после смерти т.н. «передовая» коммунистическая интеллигенция не хотела «оставлять» его людям «старого» порядка. В результате бурного обсуждения стороны пришли к компромиссному варианту: гроб с усопшим останавливается для митинга на театральной площади и для молитвы на площади М. Вахитова.

Сочетание новых гражданских практик и норм мусульманского похоронно-поминального обряда в случае прощания с Амирханом достигает апогея: проводится и «партийный» митинг (но без участников Съезда Советов ТАССР, который открывался в эти дни), и «джадидский» (с речами представителей близкого к Амирхану «фланга» татарской интеллигенции и молодежи). По словам К. Сагида, коммунисты невольно становятся частью коллективной похоронной молитвы, сопровождают процессию вплоть до погребения на Новотатарском кладбище. Показательно, что в описании последних этапов процессии сведения в дневнике К. Сагида и репортажной статье «*Фатих Әмирханны соңгы юлга озату*» из газеты «*Кызыл Татарстан*» разнятся: в последней подчеркивается, что на площади Вахитова выступали только родные и близкие Амирхана, а выступление муллы Габдуллы Амирхана перебивали молодежь и рабочие. Сагид пишет о многочисленности людей, читавших коллективную молитву и дошедших до кладбища, а газета сообщает ровно наоборот (Хәбәрче, 2005: 167).

Похороны Фатиха Амирхана отражали сложный процесс становления советской культурной политики и политики памяти. 1920-е годы были временем борьбы между различными группами татарских литераторов, по-разному представлявших для себя «канон» литературной истории. Смерть деятеля «буржуазной» эпохи дала свободу для приемлемой с точки зрения партийной интеллигенции интерпретации роли Ф. Амирхана в истории татарской культуры. При этом сами его похороны продолжали тренд, заданный организаторами прощания с Тукаем и включали в себя элементы светских и религиозных обрядов. Публичный характер события подчеркивался централизованной организацией всех процессов, наличием манифестации – митингов, широким освещением в СМИ и масштабностью (в прощании принимало участие несколько тысяч человек, а порядок обеспечивала конная милиция). Важно, что организаторы смогли договориться о форме обращения с телом усопшего: соблюдалась последняя воля писателя, тело было подготовлено в соответствии с мусульманским канонem (по фотографиям видно, что оно обернуто в саван), и он нашел место упокоения в профессиональном кладбище недалеко от могил родителей и родственников.

В целом, в конце 1920-х годов происходила стандартизация порядка советских статусных похорон. В татарской культурной жизни Казани в это время произошло несколько «знаковых» смертей. Так, в сентябре 1926 г. на Братском кладбище был похоронен молодой писатель Фахри Асгат, умерший в возрасте 24 лет. Его друзья-писатели организовали коммунистические похороны со всеми элементами статусных похорон, а сама его смерть парадоксальным образом стала олицетворением «гибели в борьбе за новую жизнь», но в условиях мирного времени (Әсгать, 1927: 10).

Творчество молодых революционных литераторов этого времени наполнено пафосом героической смерти и равнодушия к похоронам. Например, М. Аспиранский, умерший очень молодым, пишет о том, чтобы «товарищи оставили его тело и разошлись по своим делам, вершить дальше революцию в мире». В

рассказах Ф. Асгата присутствуют размышления автора о своей смерти, полные натуралистических описаний процессов гибели и разложения организма.

Несмотря на такой посыл, татарское советское общество продолжало внимательно относиться к прощальным церемониям. 28 февраля 1927 г. скончался актер Нури Сакаев, чья смерть вдохновила С. Сайдашева на написание первого татарского траурного марша «*Сакай маршы*». Постепенно утвердилась традиция исполнения этого марша на прощальных мероприятиях.

В 1930-х годах произошла окончательная победа гражданского подхода к организации статусных похорон деятелей татарской культуры. Прекрасным примером исполнения нового ритуала может служить прощание с Х. Такташем. Смерть культового татарского поэта Хади Такташа (1901–1931) была подробно описана в исследовательской литературе. Более того, история болезни Такташа практически сразу после его кончины была опубликована в газете «Кызыл Татарстан» в декабре 1931 г. (машинопись статьи хранится в НМ РТ, КППи–124352/1035). В ней описаны многочисленные процедуры, сделанные медицинскими работниками с целью спасения поэта, умирающего от менингита.

Поэт умер 8 декабря 1931 г. в 6 час утра. В этот же день его тело было перенесено сначала в анатомический театр Казанского университета, а затем в Белый зал Дома татарской культуры (тогда уже Дом союза просвещения). Уже в первый вечер к гробу покойного поэта пришло проститься более 700 человек. Поздно ночью скульптор Садри Ахун снял посмертную маску.

Для решения организационных вопросов было созданы две параллельные комиссии: правительственная во главе с Хакимовым и общественная, в которую вошли представители газеты «*Кызыл Татарстан*» и члены ТАПП. Дополнительно учредили погребальную комиссию для решения соответствующих вопросов и редакционную комиссию для описи архива поэта. Краткий отчет о деятельности всех органов был напечатан в специальном номере литературного журнала «Атака» (Атака, 1931: 4).

9 декабря на протяжении всего дня у гроба дежурил почетный караул из членов семьи, писателей, артистов, студентов и рабочих, был организован караул из пионеров. Траурный марш исполняли оркестры татарского театра и татаро-башкирской военной школы.

Похороны состоялись 10 декабря. В 13 часов гроб с телом Такташа вынесли на улицу Островского, затем прощальная колонна двинулась по улицам Баумана и Кооперативная. Траурный митинг состоялся на площади Свободы, где выступали представители правительства, писательской организации, Красной Армии и ведомств, имевших отношение к Такташу. Второй этап прощальных речей начался уже непосредственно на Братском кладбище. Здесь выступило близкое окружение поэта. Интересно, что организаторы выполнили еще одну важную часть торжественных советских похорон – это оружейный салют. Процессом командовал комдив Я. Чанышев.

В воспоминаниях о прощании с Такташем подчеркивается масштабность события, его значимость в жизни татарской культуры Казани. Популярность

Такташа как поэта и неожиданная кончина привели к тому, что церемонию посетило огромное количество человек. Описание происходящего оставил писатель Г. Иделле:

Табутны алып чыгу жиңел булмады. Бөтен Островский урамын халык дулкыны баскан. Бер-беренә сыланып, кысыла-кысыла шулкадәр тыгыз булып килеп терәлгәннәр ки, хәтта ишекне ачарлык та түгел. Юл бирүне сорап мөрәҗҗәгать итү-үтенүләр дә нәтиҗәсез калды. Атлы милиция чакыртылды. Аларга да бу эш жиңел булмады. Тәрәзәләрдән күзәтеп торабыз: берничә атлы милиция халыкны бик саклык белән генә, әкертен генә ерып килә, әмма ат алдында юл азрак ачылгандай була да шунда ук ябыла бара. Шулай шактый вакыт тырышкач, табутны алып чыгу өчен кечерәк мәйдан ачылды... (Иделле, 2020: 310).

Через два года, 19 июня 1933 г., в здании Татарского государственного академического театра на ул. Горького состоялось прощание с драматургом, одним из основоположников татарского театра Галиасгаром Камалом. Он скончался тремя днями ранее недалеко от с. Нижний Услон. Смерть очередного классика стала началом его культурной канонизации, которая достигла своей кульминации после переименования государственного татарского театра в Казани в ТГАТ им. Г. Камала.

Похороны Г. Камала проходили по тому образцу, который установился в качестве условного стандарта статусных похорон в начале 1930-х гг. По сложившейся практике, по постановлению ЦИК ТАССР создается правительственная комиссия. 17 июня тело покойного перевозится в Казань и размещается в зале Дома татарской культуры. На следующий день тело переносится в здание татарского театра для проведения публичных ритуалов.

Зал для прощальной церемонии был подготовлен соответствующим образом: на возвышении в центре фойе театра разместился гроб, рядом с ним многочисленные венки, ленты, цветы, огромный портрет. Установлен почетный караул, в составе которого участвовали писатели, деятели искусства, профессора, представители фабрик и заводов. За гробом размещались красные знамена, в том числе флаги с эмблемами правительства ТАССР.

В день прощальной церемонии фойе театра превратился в аналог мавзолея и музея, потому что помимо тела драматурга, здесь же была выставлена посмертная маска (автор С. Ахунов) и установлена витрина с рукописями, фотографиями, книгами и телеграммами о соболезновании.

В случае похорон Г. Камала интересна организация советского статусного прощания с точки зрения расписания программы. Люди могли в последний раз увидеть тело Г. Камала в течение одного дня с 9:00 до 17:00. Вынос тела из здания театра и начало последнего маршрута состоялось уже в 18:00. Колонна доходит до кладбища в 19:15. Гроб опускается в 19:50 (Әмир, 1972: 175). Такие поздние похороны были нетипичны для татарской погребальной практики, где

было принято не затягивать процесс до вечера. Впрочем, конкретно это прощание состоялось в летнее время с его поздними закатами.

Траурная колонна, идущая от театра к кладбищу, продолжала сложившуюся традицию: звучал оркестр, во главе колонны были важные деятели эпохи, проносились знамена автономной республики, знаки и эмблемы различных организаций. Похороны служили утверждению нового статуса Г. Камала как советского деятеля, поэтому было решено похоронить его не на Ново-татарском кладбище, а на Братском кладбище рядом с Х. Такташем.

В конце 1930-х годов статусные похороны татарских деятелей проходили по сложившемуся в начале десятилетия порядку. Часть деятелей хоронилась на Братском кладбище, однако большинство нашло место упокоения на Ново-Татарском кладбище. Некоторые представители советской татарской интеллигенции похоронены на Арском кладбище (например, педагог Н.С. Надеев).

К этому времени статусные похороны татар соответствовали общим советским стандартам. В декабре 1942 г. умирает классик татарской литературы Ш. Камал (1884–1942), чьи похороны, несмотря на условия военного времени, становятся еще одним масштабным событием в культурной жизни Казани. В них были использованы все утвердившиеся элементы: фотофиксация, снятие маски, посмертные зарисовки портрета, остановка часов в момент смерти для музеефикации, некрологи и траурные речи, почетный караул из красноармейцев, дежурные у гроба, флаги и огромные портреты в зале для прощания (Шәриф Камал, 2023: 179).

В 1912–1913 гг. на похоронах Х. Ямашева и Г. Тукая зарождается формат масштабных статусных похорон выдающихся деятелей татарской политики и культуры. В них соединились элементы конфессиональных и светских, европеизированных похоронных обрядов. Уже на этих первых статусных похоронах появился пафос героики и жертвенности (пока во имя интересов нации и ее светлого будущего).

В период Гражданской войны у татар появляются свои «мученики», погибшие во имя революции и советской власти. Так, в татарском обществе постепенно прививались формы «красных» прощаний, появилось Братское кладбище в Казани как место захоронения героев нового мира. Однако введение гражданских статусных похорон встречало противодействие сторонников традиционных обрядов. Иногда, как в примере с Ф. Амирханом, похороны становились ареной борьбы за право интерпретировать роль и место героя в истории нового общества.

В начале 1930-х годов советская власть в целом определила для себя приемлемый порядок проведения статусных похорон выдающихся деятелей культуры, науки, хозяйства и политики. В Казани образцами татарских статусных похорон эпохи стало прощание с Х. Такташем в 1931 г., Г. Камалом в 1933 г., А. Зулькарнаевым в 1935 г. и Ш. Камалом в 1942 г. Все эти похороны олицетворяли разные аспекты «стандарта» прощания с признанным значимым для советской власти деятелем эпохи. К этому времени включенные в идеологию

культурный канон деятели оказались лишенными возможности быть погребенными в соответствии с религиозным ритуалом.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Список сокращений

НМ РТ – Национальный музей Республики Татарстан

ТГАТ – Татарский государственный академический театр

ЦИК ТАССР – Центральный исполнительный комитет Татарской Автономной Советской Социалистической Республики

ИСТОЧНИКИ

Атака. 1931. №11–12.

Ахметова Д. Фатих Амирхан в фотографиях. Казань: ИЯЛИ, 2016.

Әмир М., Кәрим Ф., Рәмиев И. Галиәсгар Камалны күмгәндә // Галиәсгар Камал турында истәлекләр. Казан: Тат. кит. нәшр., 1979. Б.172–175.

Әмирхан Ф. Мәгънәсез тәкълид // Духовное наследие: поиски и открытия / под. ред. И.Г. Гумерова. Казань: ИЯЛИ, 2016. Вып. 2. С. 56–58.

Әсгать Ф. Сүзләрдән чәчәкләр. Казан: Татарстан дәүләт нәшрияты, 1927.

Бертуган Рәмиевләр: Фәнни-биографик җыентык. Казан: Рухият, 2002.

Камал Г. Хөсәен әфәнде Ямашевның мәрасиме // Йолдыз. 1912. №808.

Иделле Г. Шагыйрьне сагынганда // Нади Такташ: фәнни-популяр җыентык / төз. Л.Р. Гайнанова. Казан: Жыен, 2020. Б.303–310.

Кәрим Сәгыйд көндәлеге // Духовное наследие: поиски и открытия / под. ред. И.Г. Гумерова. Казань: ИЯЛИ, 2016. Вып. 2. С. 220–268.

Материалы к хронике жизни и творчества Габдуллы Тукая: в 3 кн. Кн. 3: 1911–1913 / под ред. М.И. Ибрагимова, Л.Р. Надыршиной. Казань, 2021.

Хәбәрче. Фатих Әмирханны соңгы юлга озату // Фатих Әмирхан турында истәлекләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 2005. Б. 163–167.

Шәриф Камал: фәнни-популяр җыентык / Төз. Шәйхин А.Р., Жиһангирова Г.Р. Казан: Жыен, 2023.

Фонд НМ РТ. КППи–124352/1035.

Фонд НМ РТ. КППи–124352/1170 Л–1343.

ЛИТЕРАТУРА

Дусаева Э., Гиматдинова Г. Габдулла Тукай: памятование татарского поэта в юбилейные даты // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2017. №6. С. 1577–1594.

Малышева С. Красный Танатос: некросимволизм советской культуры // Археология русской смерти. 2016. №2. С. 22–46.

Савин А.И., Тепляков А.Г. «Красные похороны». Новая похоронная обрядность в молодой Советской России // Идеи и идеалы. 2021. Том 13, №3, ч.1. С. 205–228. <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2021-13.3.1-205-228>

Соколова А. Новому человеку – новая смерть? Похоронная культура раннего СССР. М.: Новое литературное обозрение, 2022.

Хәсәнов Х. Революционер-большевик Хөсәен Ямашев. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1959.

REFERENCES

- Dusaeva E., Gimatdinova G.I. (2017) Gabdulla Tukay: Anniversary commemoration of the Tatar poet. *Uchenye zapiski kazanskogo universiteta. seriya gumanitarnye nauki* [Kazan Journal of Historical, Linguistic and Legal Research]. Vol. 159. No. 6: 1577–1594. (In Russ.)
- Khäsānov Kh. (1959) *Bolshevik revolutionary Khusain Yamashev*. Kazan: Tatar Book Publ. House. (In Tat.)
- Malysheva S. (2016) Red Thanatos: necrosymbolism of the Soviet culture. *Arkheologiya russkoy smerti* [Archaeology of Russian Death]. No 2: 22–46. (In Russ.)
- Savin A., Teplyakov A. (2021) “Red Funeral”. New funeral rites in early Soviet Russia. *Idei i idealy* [Ideas and Ideals]. Vol. 13. No. 3. Part 1: 205–228. <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2021-13.3.1-205-228> (In Russ.)
- Sokolova A. (2022) *A new man – a new death? Funeral culture of the early USSR*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ. (In Russ.)

Сведения об авторе: Шайхин Айдар Расимович, заведующий музеем истории татарской литературы с мемориальной квартирой Шари́фа Камала – филиала Национального музея Республики Татарстан, старший преподаватель кафедры религиоведения Казанского (Приволжского) федерального университета (420111, ул. Островского, 15, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0009-0008-2534-6522>; e-mail: a-shayhi@yandex.ru

About the author: Aydar R. Shaykhin, Director of the Museum of Tatar Literature with Sharif Kamal’s memorial apartment – a branch of the Republic of Tatarstan National Museum, Senior Lecturer at the Department of Religious Studies, Kazan (Volga Region) Federal University (15 Ostrovskiy St., Kazan 420111, Russian Federation); <https://orcid.org/0009-0008-2534-6522>; e-mail: a-shayhi@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 5.06.2025

Доработана после рецензирования / Revised 9.09.2025

Принята к публикации / Accepted 29.10.2025

Краткое сообщение / Brief message
<https://doi.org/10.22378/he.2025-10-4.539-553>

EDN: BFMYWS

«Родовые вещи» мурз Кульмаметьевых в собрании Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника

З.А. Тычинских

Тобольская комплексная научная станция

Уральского отделения Российской Академии наук

Тобольск, Российская Федерация

zaituna.09@mail.ru

Резюме. В статье представлен обзор комплекса предметов, относящихся к истории известного сибирско-татарского рода мурз Кульмаметьевых, которые хранятся в коллекциях Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника. Рассматривается ранняя история формирования коллекции по традиционной культуре сибирских татар, которая связана с передачей на рубеже XIX–XX вв. Кульмаметьевыми в музей «родовых вещей». Показана роль сотрудников музея Н.Л. Скалозубова и В.Н. Пигнатти в сборе предметов среди татарского населения Тобольска и округа для формирования этнографической коллекции.

Среди предметов, поступивших от Кульмаметьевых, значимое место занимают одежда и украшения, а также предметы позднесредневекового вооружения. На примере представленных в коллекциях музея костюмов Кульмаметьевых наглядно проявляются этнолокальные и региональные особенности традиционной одежды. Так, видно, что вплоть до начала XX в. сохранялся своеобразный сибирский вариант традиционного женского костюма, характерного для сибирско-татарской знати. В нем прослеживаются черты среднеазиатского влияния.

Особую ценность представляют широко известные в исторической литературе по военному делу, но обычно не атрибутируемые как «родовые вещи» Кульмаметьевых, предметы вооружения сибирских татар из Тобольского музея – шлемы, колчан, стрелы. Между тем, они были переданы в музей представителями конкретного рода и отражают ранние страницы истории военно-служилой верхушки татарского общества, берущей начало от военно-служилой знати Сибирского ханства. Музейные предметы, особенно при наличии их точной атрибуции, при соотнесении с другими историческими материалами являются надежным источником для реконструкции не только истории отдельного рода, но и в целом истории татарского народа. Они приобретают особую роль при изучении этнической истории, поскольку имеют отношение к столь известному и значимому роду, как род Кульмаметьевых.

Ключевые слова: Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник, мурзы Кульмаметьевы, сибирские татары, музейные коллекции, исторические источники.

Для цитирования: Тычинских З.А. «Родовые вещи» мурз Кульмаметьевых в собрании Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника. *Историческая этнология*. 2025. Т. 10. № 4. С. 539–553. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-4.539-553> EDN: BFMYWS

Благодарности. Автор выражает благодарность ГАУК ТО «Тюменское музейно-просветительское объединение», структурное подразделение «Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник» за возможность публикации фотографий предметов из фондов ТИАМЗ.

“Family items” of murzas Kulmametyevs in the collection of Tobolsk Historical and Architectural Museum-Reserve

Z.A. Tychinskikh

Tobolsk Complex Scientific Station

Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

Tobolsk, Russian Federation

zaituna.09@mail.ru

Abstract. The article presents an overview of a complex of items which are related to the history of the Kulmametyevs, a famous Siberian Tatar family of murzas, and are kept in the collections of the Tobolsk Historical and Architectural Museum-Reserve. The study examines the early history of the formation of the collection on the Siberian Tatars' traditional culture, which is associated with the transfer of “family items” by the Kulmametyevs at the turn of the 19th–20th centuries. The paper points out the role of N.L. Skalozubov and V.N. Pignatti, the museum staff members, in collecting objects from the Tatar population of Tobolsk and the area with the purpose to form an ethnographic collection.

Among the items received from the Kulmametyev family, clothing and jewelry as well as items of late medieval weapons hold a significant place. The examples of the Kulmametyevs' costumes presented in the museum collections clearly demonstrate the ethnolocal and regional features of traditional clothing. It is evident that up to the beginning of the twentieth century, there remained a unique Siberian version of the traditional women's costume, which was characteristic of the Siberian Tatar nobility and reflected some features of the Central Asian influence.

Items of weapons of the Siberian Tatars from the Tobolsk Museum, such as helmets, quiver, and arrows, are of particular value and are widely known in the historical literature on military affairs, but usually not attributed as “family items” of the Kulmametyevs. Meanwhile, they were donated to the museum by representatives of a specific family and reflect the early pages of the history of Tatar society's military elite, which originates from the military nobility of the Siberian Khanate. Museum objects, especially if they are accurately attributed and correlated with other historical materials, are reliable sources for reconstructing not only the history of a particular family, but also the history of the Tatar people overall. They acquire a special role in the research of ethnic history if they relate to such a well-known and significant family as the Kulmametyevs.

Keywords: Tobolsk Historical and Architectural Museum-Reserve, Murza Kulmametyev, Siberian Tatars, museum collections, historical sources.

For citation: Tychinskikh Z.A. (2025) “Family items” of murzas Kulmametyevs in the collection of Tobolsk Historical and Architectural Museum-Reserve. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 10. No. 4: 539–553. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-4.539-553> (In Russ.)

Acknowledgments. The author expresses gratitude to the State Autonomous Institution of Culture of the Tyumen Region “Tyumen Museum and Educational Association”, a structural subdivision of the Tobolsk Historical and Architectural Museum-Reserve (TIAMZ), for the opportunity to publish photographs of items from the TIAMZ collection.

Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник (ТИАМЗ)¹ с первых лет своего существования формировался как центр изучения края, оставаясь таковым на протяжении многих последующих десятилетий. Как пишет Л.П. Рощевская, «Музей создавался не просто как хранилище древностей и реликтов, а как научное учреждение...» (Рощевская, Коновалова, 2012: 175). Коллекции Тобольского музея по археологии, этнографии, истории Сибири, хранящиеся в его фондах, за его полуторавековую историю отражают традиционную культуру народов Сибири и представляют значительный интерес для исследователей.

В ТИАМЗ хранится значительная коллекция по этнографии одного из коренных народов Западной Сибири – сибирских татар. В настоящее время она составляет более 400 единиц хранения

История формирования «татарской» коллекции в ТИАМЗ остается слабо изученной, несмотря на то, что имеется ряд публикаций по отдельным аспектам данного вопроса (Лыткин, 1890; Краткий путеводитель, 1918; Ахунова: 2015; 2022). Эти работы не позволяют представить ранние этапы формирования фондов музея по сибирским татарам.

Целью работы является освещение ранней истории формирования коллекции музея по татарам, связанной с предметами, поступившими от представителей дворянского рода Кульмаметьевых, которые на протяжении ряда лет сотрудничали с Тобольским губернским музеем. В фондах музея хранится довольно значительная коллекция экспонатов, имеющих отношение к истории рода. Эти предметы поступили в основном в дореволюционный период и отражают некоторые страницы истории сибирско-татарской элиты, которую представляли мурзы Кульмаметьевы, относившиеся к верхушке татарского общества Тобольской губернии.

История рода Кульмаметьевых рассматривалась нами в целом ряде публикаций, включая изданную в 2024 г. монографию «Мурзы Кульмаметьевы» (Тычинских, 2024). Берущие свое начало от беклярибека Сибирского ханства Бегиша, представители рода Кульмаметьевых в течение длительного периода состояли на должностях голов тобольских служилых татар («*йомышлы*»), сосредоточив в своих руках власть над значительным числом татарского населения и фактически самостоятельно управляли им. Несмотря на то, что в начале XIX в. должности татарских голов были упразднены, Кульмаметьевы продолжали играть значимую роль в общественно-политической жизни города Тобольска, в т.ч. активно сотрудничая с различными учреждениями города и губернии.

Первые предметы, поступившие в Тобольский музей от Кульмаметьевых, относятся к концу XIX в. Их поступление было связано с подготовкой музея к крупнейшему культурному событию международного масштаба – Всемирной выставке в Париже. Следует отметить, что формирование коллекций музея в первые десятилетия его существования обычно приурочивалось к участию во

---

¹ ТИАМЗ является структурным подразделением ГАУК ТО «Тюменское музейно-просветительское объединение».

Всероссийских и Международных выставках, на которых особой задачей было отражение культуры коренных народов Западной Сибири. Важным этапом в дальнейшем формировании коллекций музея стала подготовка к Всемирной выставке в Париже, проходившей с 15 апреля по 12 ноября 1900 г. Известно, что в выставке принимало участие свыше 30 стран. В Русском павильоне одной из центральных была тема Сибири. Свою этнографическую коллекцию представил здесь Тобольский Губернский музей.

Подготовка к мероприятию осуществлялась сотрудниками музея в течение 1899 – начала 1900 гг. К Парижской выставке были предприняты сборы предметов по культуре и быту народов, населяющих Тобольскую губернию. Возник вопрос и о представлении на выставке не только коллекций по народам севера губернии – ханты и манси, но и коренного населения южных территорий – сибирских татар. Большую роль в подготовке к мероприятию сыграл Н.Л. Скалозубов. Судя по обнаруженным в научном архиве ТИАМЗ документам, именно им были приобретены предметы татарского костюма, украшения, бытовые вещи у Фатимы Урамаевны Кульмаметьевой (рис. 1). Эти предметы, по всей видимости, являются одними из первых по этнографии сибирских татар в фондах Тобольского музея. Среди них значатся:

яга – воротник, пришивается к платью, застегивается на 4 сердоликовых пуговицы, вышит позолоченными узорами;

сараутс – головная повязка;

плялик – браслет, усыпанный мелкими гранатами и аметистом в середине;

тумарча – украшение, надеваемое на грудь;

рубия – круглая серебряная подвеска (д.б. с бухарской надписью), надеваемая на грудь или пришиваемая к косам;

яхта – кафтан из лилового шелка с шитьем из позумента;

тюйма – пуговица посеребренная для кафтана;

кюлок – платье из голубого кашемира, ворот обшит позументом (серебро) (НА ТИАМЗ № 907).

Далее в списке перечислено несколько предметов с указанием цены: *тун* – 14 р., шапка – 5 р., *кунта* – 1 р. (НА ТИАМЗ № 907). Скорее всего, эти предметы были приобретены одновременно с выше обозначенными. На это указывает и то, что в книге поступлений (КП ТИАМЗ) под № 6844 «коробка – *кунта*» значится как медная шкатулка для драгоценностей, приобретенная у тобольских татар 18 августа 1899 г.

Среди приобретенных музеем татарских предметов значатся: платье женское из красного атласа (КП ТМ 6724), две головные повязки (*сарауц*) (ТМ–6701 и ТМ–6703), два нагрудных украшения (КП ТМ 6689 и КП ТМ 6687), воротник (КП ТМ 6698) и пуговица (КП ТМ 6662).

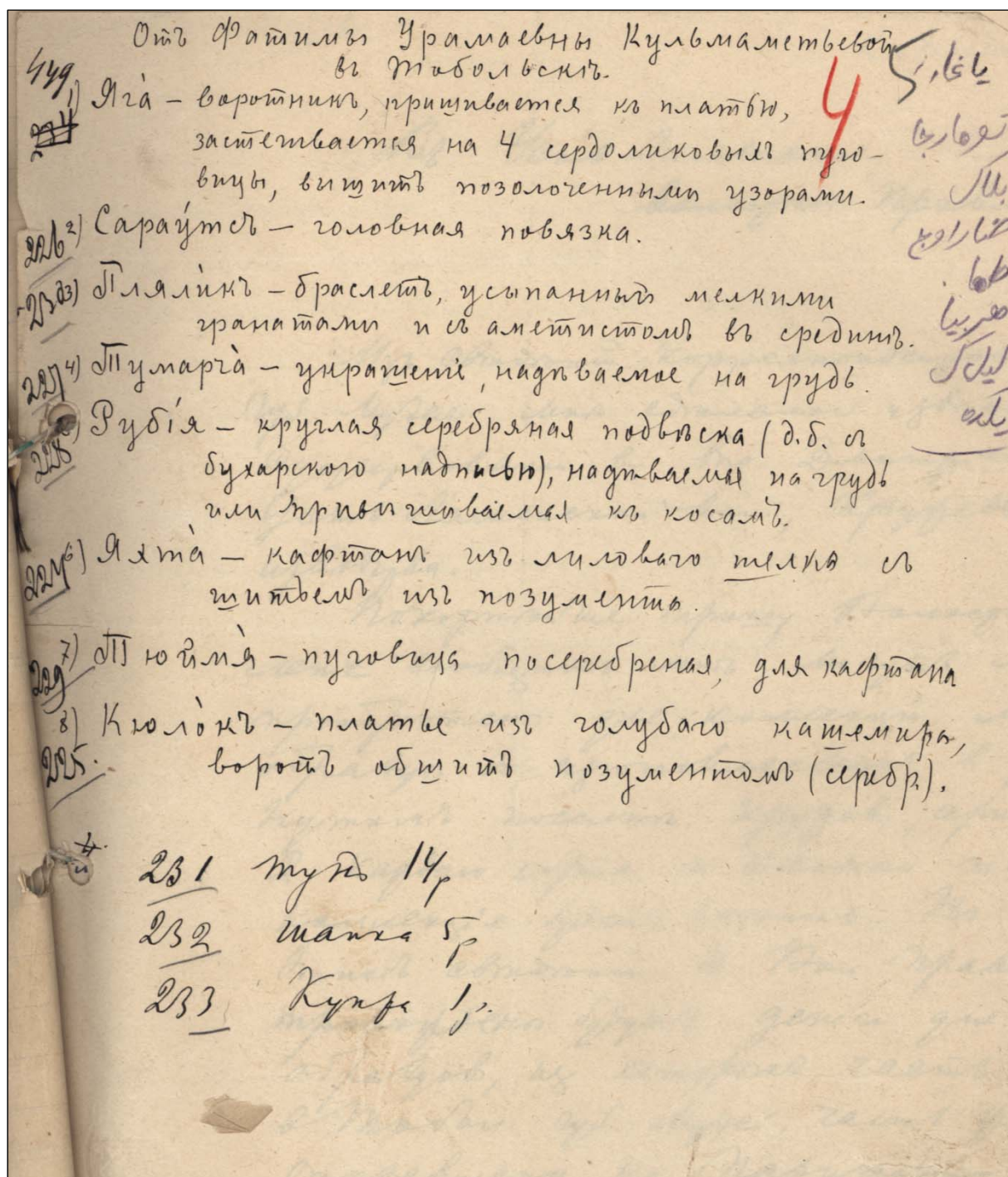

Рис. 1. Список предметов, полученных от Ф.У. Кульмаметьевой.
Научный архив Тобольского историко-архитектурного
музея-заповедника № 907. (1899–1900 гг.).
ГАУК ТО «Тюменское музейно-просветительское объединение».

Рис. 2. Платье женское. Вторая половина XIX – начало XX в.
ГАУК ТО «Тюменское музейно-просветительское объединение».

Рис. 3. Халат женский. Вторая половина XIX – начало XX в.
ГАУК ТО «Тюменское музейно-просветительское объединение».

Рис. 4. П. Чукомин. Портрет княжны Кульмаметьевой.
1910-е гг. Х., м.
ГАУК ТО «Тюменское
музейно-просветительское
объединение».

В комплекс праздничной женской одежды знатных татар, поступивший в Тобольский музей в начале XX в. от мурз Кульмаметевых входят платье (КП ТМ 6723) (рис. 2), камзол и халат (КП ТМ 6724) (рис. 3). Этот костюм наглядно представлен на известной картине тобольского художника П. Чукомина «Татарская княжна Кульмаметьева», написанной в 1910 г. (рис. 4). Бытование данного костюма относится ко второй половине XIX – началу XX в. Платье *киляк* широкое, туникообразного, лаконичного кроя, с длинными рукавами, спускающимися ниже колен, что свидетельствовало о высоком социальном положении обладательницы. Платье украшено рядом мелких пуговиц на груди, которые застегива-

лись на петли из золоченой узкой тесьмы. Дополняет платье съемный воротник-стойка, обшитый металлическими бляхами. Характерным моментом является присутствие широкой каймы из яркой однотонной ткани (в данном случае красной), которой обшивался подол и рукава платья с внутренней стороны. Поверх платья надевался камзол без рукавов, который сшит из плотной парчи с подкладом из хлопчатобумажной ткани. Завершает данный комплекс красный атласный халат туникообразного кроя с длинными рукавами с прорезями. Халат окантован узким плотным жгутом из золоченых нитей. Спереди халат украшен рядом горизонтально идущих полос широкого золоченого галуна. Поверх халата нагрудное украшение. Такое нагрудное украшение «коранница» могли носить как женщины, так и мужчины. Украшение массивное, состоящее из трех частей цилиндрической формы, внутри которых обычно хранили выписки сур Корана, на массивной серебряной цепочке. «Коранница» изготовлена из серебра, украшена позолотой и полудрагоценными камнями. В собрании Тобольского музея хранится несколько украшений, аналогичных представленному.

В подобном костюме запечатлена на фотографии, хранящейся в фондах музея, и некая Кульмаметьева (КП ТМ–15559/21) (рис. 5). Можем предположить, что на этой фотографии изображена Ф.У. Кульмаметьева, передавшая Н.Л. Скалозубову указанные предметы.

Рис. 5. Фотография Кульмаметьевой / Тобольская татарка в старинном костюме. Тобольский уезд Тобольской губернии. 1900-е гг. Фотобумага, картон. ГАУК ТО «Тюменское музейно-просветительское объединение».

В фондах ТИАМЗ имеется еще несколько, аналогичных вышеописанным, образцов праздничной женской одежды со схожим кроем и декором. Это позволяет говорить о существовании вплоть до начала XX в. определенного типа традиционного женского костюма, характерного для сибирско-татарской знати. Для этого типа были характерны как черты, присущие общенациональному татарскому костюму (туникообразный крой, наличие камзола, мозаичная кожаная обувь, комплекс ювелирных украшений и др.), так и специфические, в которых проявлялось сильное влияние среднеазиатского компонента (отдельные особенности кроя, использование для пошива восточных тканей с характерной расцветкой, использование массивных ювелирных украшений).

Таким образом, благодаря деятельности Н.Л. Скалозубова, Тобольский музей пополнился предметами по традиционной культуре сибирских татар, большинство из которых, по всей видимости, было приобретено у дворян Кульмаметьевых.

Заметим, что этнографическая коллекция Тобольского музея на Парижской выставке 1900 г. была удостоена диплома и Большой бронзовой медали.

Дальнейшим сбором предметов, относящихся к традиционной культуре татарского населения края, занимался консерватор (хранитель) Тобольского Губернского музея В.Н. Пигнатти. В своем ежегодном отчете за 1909 г. он отмечал, что в коллекциях Губернского музея практически отсутствуют вещи, украшения и одежда татар Тобольской губернии, что «составляет значительный пробел в отделе этнографическом» (ЕТГМ, 1911: 16). Видимо, этот дисбаланс особенно явно был виден по сравнению с богатейшими этнографическими коллекциями музея по северным народам.

В связи с этим обстоятельством В.Н. Пигнатти начинает работу по устранению этого пробела и дальнейшему комплектованию «татарской» коллекции. Так, в отчете музея за 1909 г., опубликованном в Ежегоднике ТГМ, он сообщает о том, что им было скуплено в окрестных татарских селениях «много татарских вещей», часть которых была передана им музею. Среди купленных предметов он называет головные уборы, посуду и другие бытовые предметы (ЕТГМ, 1911).

Ряд предметов был приобретен В.Н. Пигнатти у дворянского рода Кульмаметьевых. Так, в 1909 г. им были куплены шлем и «вещь неизвестного назначения в форме чашечки». Обе вещи, как отмечает в своем отчете В.Н. Пигнатти, приобретены у татарина из рода дворян Кульмаметьевых за 3 рубля. Далее идет описание приобретенного шлема: «Шлем хорошей сохранности сделан из железа с небольшим козырьком, оттянут кверху, – по тулье идет полоса, на которой сделан узор серебром в форме листьев. От задней части шлема спускаются наплечники, состоящие из металлических пластин, нашитых на грубое сукно красного цвета» (ЕТГМ, 1911: 15). В настоящее время этот шлем (КП ТМ 5419) экспонируется на постоянной выставке ТИАМЗ «Сибирские татары» (рис. 6). По мнению исследователей сибирского вооружения, подобные шлемы были широко распространены среди представителей кочевой знати Северной Азии.

В целом роль В.Н. Пигнатти на начальных этапах формирования коллекции по татарам была значительной. Особенно она была велика при систематизации и дальнейшем пополнении археологических материалов с городища Искер, бывшей столицы Сибирского ханства. Благодаря ему начинается планомерное комплектование коллекции по традиционной культуре сибирских татар.

Несколько ранее, в 1908 г. в коллекцию музея от жителя юрт Иртышатских Тобольского района Д.А. Кульмаметева «из рода князей Кульмаметевых», как указано в книге поступлений, приобретались предметы вооружения. Среди них стрелы с наконечниками вытянутой треугольной формы (КП ТМ 5424). В 1908 г. в Тобольский музей от Д.А. Кульмаметева поступил шлем типа *мисюрки*, который значится как «родовая вещь Кульмаметевых». Он представляет собой гладкое кованое полушарие. «Сверху – маленькое отверстие, на поверхности 4 ромбические медные бляшки, по всей окружности прикреплена бармица из 4-х частей, с лицевой стороны занавеска из густой мелкокольчатой кольчуги: с боков и сзади 3 отдельные части, фигурно вырезанные по краю и местам соединений из шести 4-х угольных пластинок и прикрепленных ...кольчужного широкого края. Сверху крыты синим сукном, прикрепленных к пластинкам пятью круглыми бляшками к каждой и были подбитые зеленым сукном» (КП ТМ 5420) (рис. 7).

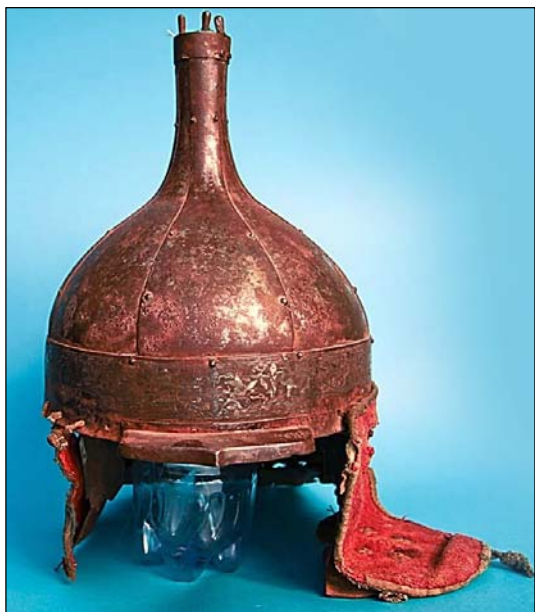

Рис. 6. Шлем-шишак. Джунгария. XVII в.
Железо, медь, сукно, кожа,ковка,
серебрение, клепка. ГАУК ТО «Тюменское
музейно-просветительское объединение».

Рис. 7. Шлем – типа мисюрки. XVII в.
Железо, медь, сукно, ковка, клепка.
ГАУК ТО «Тюменское музейно-
просветительское объединение».

В музей поступил шлем «полуяйцевидной формы чаша, выкованная из одного куска, на верху – 4-х угольное овальное отверстие. Тонкий прорезной орнамент из отдельных пластинок с пальметками» (КП ТМ 5422) и колчан татарский. В книге поступлений дается следующее описание колчана: «Восточного

типа. На коже орнамент золотом изображена гвоздика с ветками. Лицевая часть прибита 18 гвоздями с медными головками из шести лепестков. Украшен двумя железными бляхами (дм – 4,5 см). Выпуклые покрыты золотым орнаментом – пальметки и завитки» (КП ТМ 5423) (рис. 8).

Относительно последних двух предметов в книгах поступлений легенды о том, от кого и где они были приобретены, отсутствуют. Однако, исходя из того, что они записаны в старой книге поступлений рядом с теми предметами, которые были приобретены у Д.А. Кульмаметьева, мы можем предположить, что они поступили в музей именно от него.

Значительная часть предметов татарского костюма, украшений, предметов быта, хозяйственных занятий появляется в Тобольском музее в начале 20-х годов XX в. Практически по всем этим предметам информация, у кого они конкретно приобретены, отсутствует, время их приобретения по книгам поступлений ТИАМЗ датируется 1921 г. либо началом 20-х гг. и записаны они как «куплены у тобольских татар» / «приобретены у тобольских татар». Активное поступление предметов по культуре сибирских татар, судя по книгам поступлений, относится к началу 1920-х гг. У современных представителей рода Кульмаметьевых бытует мнение, что после революции много вещей от них было передано в Тобольский музей (ПМА). К сожалению, из-за утраты ранних книг поступлений и актов передачи, относящихся к этому периоду, мы не можем документированно атрибутировать ряд предметов, как поступившие от Кульмаметьевых, но косвенные данные позволяют сделать определенные предположения по этому поводу. На это указывает статусность ряда предметов (одежда, украшения), а также аналогии с ранее поступившими от этого рода вещами.

В Тобольском музее экспонируется еще один предмет, который непосредственно связан с историей мурз Кульмаметьевых – это намогильная плита с Ханского кладбища (КП ТМ 6223) (рис. 9). Она была найдена и привезена в музей В.Н. Пигнатти в 1912 г. Василий Николаевич описывает эту находку следующим образом: «Плита эта, высеченная из песчаника, имеет высоту в 99 см, шир. 42 см и тол. 10 см, верх ее полукруглый, низ несколько обколот» (Пигнатти, 1915). В 1915 г. профессор Казанского университета Н.Ф. Катанов перевел надпись, высеченную на плите:

Исходя из перевода надписи видно, что, что под плитой были погребены: «в тысяча восемьдесят четвертом году [(1673–1674 гг.)]: Мирза Бакай, (который) из страны бренности в страну вечности переселился...», а в «тысяча сто двенадцатом году [(1700–1701 гг.)]... Мухаммед-Мурад, сын Гавваза Бакыя переселился из страны бренности в страну вечности» (Пигнатти, 1915). Живший в Тобольске служилый татарин мурза Авазбакей Кульмаметьев с 1692 г. распоряжением воеводы... занимал должность головы служилых татар. Но и до этого он занимал довольно высокое положение в иерархии тобольских служилых людей. У мурзы Авазбакея Кульмаметьева было пятеро сыновей

– Назар, Мурзат, Сабанак, Маметмурат и Хоцамшукур (Самигулов, Тычинских, 2018: 102).

Рис. 8. Колчан для стрел восточного типа (саадак). XVII – середина XVIII в.

Кожа, металл, медь, позолота.
ГАУК ТО «Тюменское музейно-просветительское объединение».

Рис. 9. Намогильная плита с Ханского кладбища. Сборы В.Н. Пигнатти 1912 г.

ГАУК ТО «Тюменское музейно-просветительское объединение».

Учитывая знатность рода, место в социальной иерархии, можно с достаточной основательностью говорить о том, что под данной плитой были похоронены сыновья головы тобольских служилых татар мурзы Авазбакея / Гаввас-Бакия Кульмаметева.

С историей известного рода связаны хранящиеся в научном архиве музея рукописи: «Описание быта, обычаев и верований татар, бухарцев и других народностей Тобольского наместничества и Сибири. Сведения из нижних земских судов» 1785 г. (РО ТИАМЗ 12864) и «Сведения о законах и обычаях магометан» 1821 г. (РО ТИАМЗ 12887). В них приводятся сведения по нормам обычного права сибирских татар, относящиеся ко второй половине XVIII в. Рукопи-

си имеют прямое отношение к роду Кульмаметьевых, т.к. в составлении этих документов принимали участие головы служилых и ясачных татар Сабанак и Рахматулла Кульмаметьевы.

Таким образом, в фондах Тобольского историко-архитектурного музея хранится комплекс предметов XVII–XIX вв., отражающий страницы истории рода Кульмаметьевых. Эта уникальная коллекция позволяет не только изучать историю конкретного рода на протяжении длительного исторического периода, но и дает представление о жизни и быте верхушки татарского общества Сибири, которую представляла военно-служилая знать. Предметы вооружения, по всей видимости, хранившиеся у Кульмаметьевых как «родовые вещи» и переданные в начале XX в. в музей, отражают ранние страницы истории военно-служилой знати, когда в обмундировании и вооружении служилых татар сохранялись традиционные черты, характерные для периода Сибирского ханства. Вплоть до начала XX в. сохранялся своеобразный сибирский вариант традиционного женского костюма, характерного для знатных татарок, в котором прослеживаются черты среднеазиатского влияния. В целом следует отметить, что музейные предметы, особенно при наличии их точной атрибуции, при соотношении с другими историческими материалами, являются надежными источниками для реконструкции не только истории отдельного рода, но и в целом, истории народа. Особую роль при изучении этнической истории они приобретают, если имеют отношение к столь известному и значимому роду, как род мурз Кульмаметьевых, игравшем важную роль в истории сибирских татар на протяжении длительного исторического периода.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interest.

ИСТОЧНИКИ

ПМА – Полевые материалы автора в г. Тобольске и д. Сабанаки Тобольского района в 2023–2024 гг.

Ежегодник Тобольского Губернского музея. 1909. Вып. XIX.

Тобольск: Типография Епархиального братства, 1911. Отчет консерватора Тобольского Губернского музея за 1909 г.

Книга поступлений Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника

Научный архив Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника № 907. Деятельность Н.Л. Скалозубова в Тобольском губернском музее. Сбор материалов на Парижскую выставку (1899–1900 гг.)

Рукописный отдел Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника № 12864 «Описание быта, обычаев и верований татар, бухарцев и других народностей Тобольского наместничества и Сибири. Сведения из нижних земских судов».

РО ТИАМЗ № 12887 «Сведения о законах и обычаях магометан».

ЛИТЕРАТУРА

Ахунова Э.Р. Этнографические выставки и коллекции сибирских татар в Тобольском историко-архитектурном музее-заповеднике // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2022. Т. 28. С. 845–848.

Ахунова Э.Р. Формирование и состав этнографической коллекции сибирских татар в Тобольском историко-архитектурном музее-заповеднике // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2015. № 24. С. 53–55.

Краткий путеводитель по Тобольскому губернскому музею под ред. члена Музея В.А. Ивановского. Тобольск: Типография Епархиального Братства. 1918.

Лыткин Н.А. Краткий очерк открытия Тобольского губернского музея. Тобольск, 1890.

Пигнатти В.Н. Искер (Кучумово городище) // ЕТГМ. Вып. 25. Тобольск, 1915.

Рощевская Л.П., Коновалова Е.Н. Научные сообщества России. Исследования Северного Приуралья в XVII – начале XX в. Сыктывкар, 2012.

Самигулов Г.Х., Тычинских З.А. Новые источники по истории мурз Кульмаметевых // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 1 (40). С. 99–107.

Тычинских З.А. Мурзы Кульмаметьевы. Кн. 1. Власть и могущество. Тюмень: Тюм-Press, 2024.

REFERENCES

A short guide to the Tobolsk Provincial Museum (1918) Ed. by Museum member V.A. Ivanovsky. Tobolsk: Printing House of the Diocesan Brotherhood. (In Russ.)

Akhunova E.R. (2015) Formation and composition of the ethnographic collection of Siberian Tatars in the Tobolsk Historical and Architectural Museum-Reserve. In: *Vestnik Altayskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Altai State Pedagogical University]. No. 24: 53–55. (In Russ.)

Akhunova E.R. (2022) Ethnographic exhibitions and collections of Siberian Tatars in the Tobolsk Historical and Architectural Museum-Reserve. In: *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of Archeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Vol. 28: 845–848. (In Russ.)

Lytkin N.A. (1890) *A brief outline of the opening of the Tobolsk Provincial Museum*. Tobolsk. (In Russ.)

Pignatti V.N. (1915) Isker (Kuchumovo gorodishche). *Ezhegodnik Tobol'skogo Gubernskogo muzeya* [Yearbook of the Tobolsk Provincial Museum]. Tobolsk. No. 25. (In Russ.)

Roshchevskaya L.P., Konovalova E.N. (2012) *Scientific communities of Russia. Research of the Northern Urals in the 17th – early 20th century*. Syktyvkar. (In Russ.)

Samigulov G.H., Tychinskikh Z.A. (2018) New sources on the history of murzas Kulmametyevs. In: *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography]. No. 1 (40): 99–107. (In Russ.)

Tychinskikh Z.A. (2024) *Murzas Kulmametyevs*. Book 1. Power and Might. Tyumen: Tyum-Press Publ. (In Russ.)

Сведения об авторе: Тычинских Зайтуна Аптрашитовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Тобольской комплексной научной станции Уральского отделения Российской Академии наук (626152, ул. Академика Осипова, 15, Тобольск, Российская Федерация); <http://orcid/0000-0002-5378-8909>; e-mail: zaituna.09@mail.ru

About the author: Zaytuna A. Tychinskikh, Cand. Sc. (History), Senior Research Fellow at the Tobolsk Complex Scientific Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (15 Academician Osipov St., Tobolsk 626152, Russian Federation); <http://orcid/0000-0002-5378-8909>; e-mail: zaituna.09@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 29.05.2025

Доработана после рецензирования / Revised 23.07. 2025

Принята к публикации / Accepted 1.08.2025

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2025-10-4.554-575>

EDN: FNPGRD

История формирования татарской коллекции в собрании Костромского музея-заповедника: этнографический и художественный аспекты

Н.В. Андрианова

*ОГБУК «Костромской государственный
историко-архитектурный и художественный музей-заповедник»
Кострома, Российская Федерация
z45natasha@mail.ru*

Резюме. В Костромском крае представители татарского народа проживают с XVII в. Согласно документам Разрядного приказа, Татарская подгородная слобода была основана в 1680 г. в пригороде Костромы, за рекой Чёрной, по её левобережью, и существует до сих пор. Жизнью слободы начали интересоваться краеведы и этнографы, начиная с XVIII в., что нашло отражение в многочисленных публикациях. Первыми, кто обратил свое внимание на татар, проживающих в городе Костроме, были Николай Степанович Сумароков и Иван Кузьмич Васьков. Они проводили научные изыскания, направленные на изучение исторического и этнографического наследия Костромского края в XVIII в. В 1861 г. было опубликовано издание под названием «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Костромская губерния», подготовленное Яковом Степановичем Крживоблоцким. В 1881 г. Василий Геннадьевич Пирогов представил работу, посвящённую костромским татарам. Публикация вышла в четвёртом выпуске сборника «Материалы для статистики Костромской губернии» под заголовком «Татарская деревня под Костромой». Леонид Андреевич Колгушкин, уроженец Костромы, в своих мемуарах под названием «Костромская старина» представил детальные исторические свидетельства о татарской слободе начала XX в. Интерес этнографов к этой теме сохраняется, поскольку жители слободы продолжают чтить традиции и обычаи своего народа.

Коллекцию Костромского музея-заповедника пополнила значительная часть материальных объектов, характеризующих культуру и быт слобожан. Эти предметы представляют собой важный исторический источник о костромских татарах. В статье рассматриваются ключевые этапы формирования татарской коллекции, анализируются различные типы артефактов, включая традиционную одежду, украшения, предметы быта и художественные изделия.

Особое внимание уделено уникальным зарисовкам татарского быта, выполненным в начале XX в. сотрудниками Костромского научного общества, которое стало предшественником современного музея. Проведённое исследование подчёркивает уникальность коллекции и её значимость для сохранения и популяризации татарского культурного наследия в контексте региональной истории и межэтнических связей многонационального города Костромы.

Ключевые слова: татары, костюм, слобода, Кострома, музей, коллекция, традиции, краеведение.

Для цитирования: Андреанова Н.В. История формирования татарской коллекции в собрании Костромского музея-заповедника: этнографический и художественный аспекты. *Историческая этнология*. 2025. Т. 10. № 4. С. 554–575. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-4.554-575> EDN: FNPGRD

The history of formation of the Tatar collection at the Kostroma Museum-Reserve: ethnographic and artistic aspects

N.V. Andrianova

Kostroma State Historical, Architectural and Art Museum-Reserve

Kostroma, Russian Federation

z45natasha@mail.ru

Abstract. Representatives of the Tatar ethnic group have been living in the Kostroma region since the 17th century. According to the documents of the Razryadnyy Prikaz, the Tatar Suburban settlement was founded in 1680 in the suburbs of Kostroma, across the Chernaya River, on its left bank, and it still exists today. Local historians and ethnographers began to take an interest in the settlement's life in the 18th century, which is reflected in numerous publications. The first people to turn their attention to the ethnic group of Tatars living in the city of Kostroma were Nikolay Stepanovich Sumarokov and Ivan Kuzmich Vas'kov. They conducted research activities aimed at studying the historical and ethnographic heritage of the Kostroma region in the 18th century. In 1861, a publication titled "Materials for the geography and statistics of Russia, collected by officers of the General Staff. The Kostroma Province" was published by Yakov Stepanovich Krzhivoblotsky. In 1881, Vasily Gennadyevich Pirogov presented a work dedicated to the Kostroma Tatars. The publication was published in the fourth issue of the collection "Materials for the statistics of the Kostroma Province" under the title "The Tatar village near Kostroma." Leonid Andreevich Kolgushkin, a native of Kostroma, presented detailed historical evidence about the Tatar settlement of the early 20th century in his memoirs titled "Kostroma Antiquity." The interest of ethnographers in this topic remains strong, as the residents of the settlement continue to honor the traditions and customs of their people.

A considerable number of material objects that characterize the culture and everyday life of the village people have been added to the collection of the Kostroma Museum-Reserve. Those items are an important source of information about the Kostroma Tatars. The article examines the key stages of the collection formation and analyzes various types of artifacts, including traditional clothing, jewelry, household items, and artistic works.

Particular attention is given to the unique sketches of Tatar everyday life, made in the early 20th century by the staff of the Kostroma Scientific Society, which was the predecessor of the modern museum. The given research highlights the uniqueness of the collection and its significance for the preservation and promotion of the Tatar cultural heritage in the context of regional history and interethnic relations in the multinational city of Kostroma.

Keywords: Tatars, costume, Sloboda, Kostroma, museum, collection, traditions, local history.

For citation: Andrianova N.V. (2025) The history of formation of the Tatar collection at the Kostroma Museum-Reserve: ethnographic and artistic aspects. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 10. No. 4: 554–575. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-4.554-575> (In Russ.)

Коллекция татарских предметов в собрании Костромского музея-заповедника (КМЗ) начала формироваться в конце XIX в. Она неразрывно связана с историей развития музейного дела на Костромской земле, берущей свое начало в 1885 г., когда была основана Костромская губернская ученая архивная комиссия (КГУАК). В 1891 г. во время деятельности комиссии был инициирован процесс создания Музея древностей. С этого момента в его коллекционное собрание начинают поступать экспонаты, отражающие историческое и культурное наследие татарского народа. В музейном каталоге КГУАК за 1909 г. в Этнографическом отделе, в категории головных уборов, одежды и украшений, под номером 255 был зарегистрирован «шелковый, тканый блестками, платок, с восточным узором, употребительный у местных татар» (Каталог музея, 1909: 62).

Активное пополнение собрания комиссии осуществлялось Николаем Николаевичем Виноградовым, выдающимся краеведом, историком, этнографом и фольклористом, который с 1902 г. являлся действительным членом КГУАК. Примечательно, что значительное количество элементов татарского костюма, собранных Виноградовым, было передано в Этнографический отдел Русского музея. В настоящее время эти предметы составляют две уникальные коллекции Российского этнографического музея (РЭМ 1009; РЭМ 1445), включающие 30 предметов мужского и женского костюма, которые представляют собой ценный исторический источник о традиционной одежде костромских татар. Современная коллекция КМЗ насчитывает более 80 экспонатов татарской этнографии и продолжает пополняться. Историко-культурное происхождение некоторых предметов на данный момент не установлено, однако мы можем наметить ключевые вехи формирования коллекции.

В начале XX в. для музея КГУАК по проекту архитектора Н.И. Горлицына строится новое здание – Романовский музей. Открытие состоялось 19 мая 1913 г. в присутствии императора Николая II. В 1917 г. КГУАК, преобразованный в секцию, вошёл в состав Костромского научного общества по изучению местного края (КНО), которое было учреждено пятью годами ранее. КНО отличалось более демократическим составом участников, с более четкими и приближенными к жизни задачами (Шипилов, 1986: 57). С первых лет работы сотрудники КНО проявили живейший интерес к татарской слободе. В отчёте КНО за 1913 г. в конспекте доклада А.А. Яблокова, посвящённого демографическому анализу населения Костромского уезда, отмечается, что «особую группу составляют 600 человек татар в слоб. Татарской» (Отчёт 1913, 1914: 53). В 1915 г. в архив КНО была включена рукопись муллы М. Забирова «Описание свадьбы у татар Костромской подгородной слободы» (Отчёт 1915, 1916: 46). Сейчас эта рукопись хранится в фонде «Документы» КМЗ под № КП КМЗ КОК–41411. В 1924 г. научный сотрудник Этнологической станции КНО Нина Петровна Беляева начала проводить зарисовки в Татарской слободе. Эти материалы представляют собой уникальные свидетельства о бытовом укладе жителей слободы, включая сани, орнаменты расписных и резных дуг, костюмы и утварь (Отчёт 1924, 1925: 18). Почти все её рисунки имеют пометки с локальными

названиями изображённых предметов. Например, работая в семье зажиточных слобожан Булатовых, Нина Петровна изобразила хозяйскую постель (№ КП КМЗ КОК–28261): под цветастым ситцевым пологом, украшенным поверху оборкой и шёлковой бахромой синего цвета с кистями, лежит синее ватное стёганое одеяло, на котором пирамидой уложены шесть подушек в зелёных ситцевых наволочках. Подушек, тюфяков и перин в жилище у татар было всегда больше, чем у соседних народов. Для их изготовления использовали ситец, домотканую пестрядь, в богатых семьях – шёлк. На день постельные принадлежности складывали горкой и покрывали красивой накидкой *ямпа*. Эта традиция укладывания постели сохранилась у татар до наших дней (Татары, 2001: 240). Благодаря записям Нины Петровны, можно узнать, как назывались спальные принадлежности у костромских татар: полог – *сапальдек*, простыня – *царсау* (у казанских татар похожее слово *чаршау* означает занавеси), подушка – *кэндэр*, одеяло – *узунган*. Особое внимание привлекают простыни, которые имели широкий тканый край с геометрическими узорами красных и чёрных оттенков на белом фоне. Тканые изделия, как и вышивка, всегда были гордостью семьи, их тщательно берегли, передавали по наследству, на них учились мастерству и воспитывали художественный вкус. Многие из них тесно связывались с обычаями, бытовыми обрядами (Валеев, 2020: 23). Особенно ярко представлен на рисунке мотив ромба со стилизованными парными отростками-завитками по его двум сторонам. В целом постель на рисунке смотрится пышно, богато и гармонично (рис. 1).

В хозяйстве семьи Булатовых имелась старинная медная утварь. На рисунке (№ КП КМЗ КОК–28263) Н.П. Беляева изобразила ковш – *туштаган* и сосуд для омовения – *кумган*. Если медные ковши были широко распространены не только у татар, то *кумган* являлся для этого народа одним из характерных предметов домашней утвари. Он представляет собой металлический сосуд, использующийся для омовения перед намазом, а также для обычного умывания. Как правило, мужчины и женщины пользовались отдельными кумганами, поэтому в доме их всегда было несколько. Кумганы ставили на печь или в запечье, где их хранили вместе с медными круглыми тазами – *лаган* (Сулейманова, 2010: 55). Л.А. Колгушкин в книге «Костромская старина», посвящённой Костроме начала XX в., описывал Татарскую слободу, упоминая фамилию Булатовых, и особенности быта костромских татар, в том числе применение кумгана: «У входа всегда стоял высокий медный кувшин-кумган и таз для омовения. Этого мусульманского обычая все придерживались строго. У многих он дошёл и до нашего времени» (Колгушкин, 1999: 61). Вид кумгана на следующем рисунке (№ КП КМЗ КОК–28262), согласно Энциклопедии старого быта, можно назвать типичным для татар (Энциклопедия, 2011: 162). Мы видим узкогорлый сосуд для воды с носиком, ручкой и крышкой. Изображённый на рисунке сосуд принадлежал крестьянке Янтеревой. К этому же типу относится и кумган из собрания КМЗ (№ КП КМЗ ОФ–2146).

Рис. 1. Беляева Н.П. Рисунок. Постель в зажиточном крестьянском доме. Деревня Татарская слобода. 1924 г. СССР, Костромская губерния. Бумага; акварель, тушь, перо. 37х26,5 см. Костромской музей-заповедник. № КМЗ КОК-28261.

В хозяйстве Булатовых имелись сани городского типа, украшенные художественной росписью. На изображении под номером КП КМЗ КОК-43323/4 представлены сиденья, обитые красной тканью. Внешний слой ткани декорирован цветочным орнаментом. Аналогичный орнамент присутствует на боковых элементах саней (на крыльях), защищавших едущих в санях от снега и дорож-

ной грязи. В праздничные дни, особенно во время масленичных гуляний, лошади и сани татар заметно выделялись на улицах Костромы – красивым убранством, колокольцами и лентами, завитыми гривами и хвостами. Именно на таких экипажах, с такими бравыми извозчиками желала покататься праздничная публика, особенно ребяташки. Далеко по округе разносился веселый звон бубенцов, лихое гиканье рулевых и радостный смех пассажиров (Муренин, 2015: 33).

Отдельное внимание следует уделить этнографическим зарисовкам традиционных нарядов крестьянок Татарской слободы, которые также были задокументированы Н.П. Беляевой. Это одежда крестьян Булатовых и Янтеревых (№ КП КМЗ КОК–28259 и № КП КМЗ КОК–28260). В покрое рассматриваемых платьев прослеживаются признаки древней туникообразной рубахи: они сшиты из прямого полотнища, с ластовицами, с центральным грудным разрезом. Конструкция воротника-стойки указывает на то, что тип платья, характерный для костромских татарок, имел более близкое сходство с казанским вариантом. Рубаха (*кулмак*) являлась обязательным элементом традиционного женского костюма татарки. Она выполняла функции как нательной одежды, так и платья, обладая характерным глубоким разрезом. Варианты таких платьев и камзолов широко представлены в собрании КМЗ. Женские туникообразные рубахи шились длинными, почти до щиколоток. В середине XIX в. выделяются три типа туникообразных женских рубах: с цельным туникообразным остоном – *тоташ толпылкулмак*; с укороченным остоном и пришитым к его нижнему краю подолом – *таккан итэклекулмак*; с отрезным, чуть ниже талии, остоном, широким подолом и пришитым несколько выше талии широким воланом – *Өскеитэклекулмак* (Татары, 2001: 280). Два первых типа мы видим на рисунке под номером КП КМЗ КОК–28259. Верхнее на рисунке платье принадлежало крестьянке Булатовой. Его подол украшен декоративной лентой. Традиционно, орнаментальное декорирование подобных рубах включало использование разноцветных шелковых и атласных лент, кружев, позументных кистей и тесьмы (Татары, 2001: 281). Нижнее на рисунке платье принадлежало крестьянке Янтеревой. Оно демонстрирует характерные для второй половины XIX в. декоративные элементы, такие как мелкие оборки, использовавшиеся в оформлении одежды того времени – *бала итэк*. Нередко вся поверхность подола женской рубахи украшалась горизонтальными рядами оборок. В начале XX в. рубахи такого покроя преобладали на всей территории проживания татар (Суслова, 2018: 75). Оба платья на рисунке имеют глубокий разрез на груди. Такой разрез было принято закрывать нижним нагрудником (*кюкрекче*), который местные татарки называли *тятертя*. Помимо утилитарной функции, заключающейся в скрывании щели на груди рубахи, которая могла раскрываться при движении, данный элемент выполнял свою древнюю религиозно-магическую функцию. Она была связана с необходимостью защиты груди кормящей женщины от недоброго постороннего взгляда (Татары, 2001: 281). Ввиду того, что данный элемент женского костюма периодически находился в зоне видимости, его также считали целесообразным декорировать вышивкой, аппликацией и иными

разнообразными методами. Таким образом, нижний нагрудник выполнял не только функциональную, но и декоративно-художественную роль. В коллекции КМЗ есть примеры таких нагрудников (№ КП КМЗ КОК–5911 и № КП КМЗ КОК–5191) (рис. 2), в оформлении которых были адаптированы элементы от других костюмов. Это нетипичные татарские нагрудники, так как они не имеют традиционной татарской вышивки тамбуром и скошенной формы верхних углов, как это свойственно *кюкрекче*. Но местное название, небольшой размер, имитация ворота рубахи и сведения об источнике поступления данных предметов позволяют утверждать, что эти предметы являются нижними татарскими нагрудниками в costume замужних татарок подгородной слободы в Костроме. Это поздние замены традиционных нагрудников (Андрианова, 2024: 243).

Рис. 2. Неизвестный мастер. Татарское украшение *тjатер'тя*. Конец XIX – начало XX вв. Российская империя, Костромская губерния. Галун, парча, ткань хлопчатобумажная; сшито вручную. 10x28 см. Фотография А.Н. Коновалова 2020 г. Костромской музей-заповедник. № КМЗ КОК-5191.

Ряд графических работ о татарах принадлежит Елене Михайловне Полянской, сотруднику КНО. Ежегодно на Этнологической станции КНО разрабатывались тематические планы, за реализацию которых отвечали конкретные сотрудники. В 1926 г. темой исследования Е.М. Полянской стала конская упряжь, включающая костромские хомуты, дуги и подгарники. В отчет по данной теме

были включены описания приобретенных предметов, инструментов, а также результаты исследований, включая аналитические материалы, зарисовки и другие документальные данные. Именно зарисовки были наиболее продуктивным видом сбора сведений, особенно для росписей, где важен цвет, где описать все невозможно, нужна наглядность (Каткова, 2017: 29). Е.М. Полянская рисует в основном на костромском базаре, где встречались и татарские предметы (№ КП КМЗ КОК–10953; № КП КМЗ КОК–15344/40; № КП КМЗ КОК–15344/43). Один из них был опубликован ею в 1927 г. в книге «Костромской хомут» (Полянская, 1927: 8). В 1930 г. Елена Михайловна продолжила свою работу, будучи уже научным сотрудником Костромского базового музея (Сто лет..., 2014: 107). Узор, используемый в татарских дугах, характеризуется растительной тематикой, включающей изображения листьев, разнообразных цветов, гроздей спелых ягод и волнообразных побегов. Цветочно-растительный орнамент занимает важное место в декоративно-прикладном искусстве татарского народа.

Образ виноградной лозы, хотя и имеет архаические корни, был широко распространен в Верхнем Поволжье. Мастера часто заимствовали орнаментальные мотивы из других культур, адаптируя их к своим традиционным стилистическим предпочтениям и региональным особенностям. Это объясняет сходство татарских и русских упряжных дуг, которые демонстрируют влияние общих культурных и художественных традиций. Рядом с одной из них Елена Михайловна оставила заметку на своем рисунке: «Дуга из Татарской слободы. По словам владельца, дуге лет 75. Надпись на дуге стерлась».

Рассматривая некоторые зарисовки, чувствуется насколько колоритным и интересным был быт костромских татар. Согласимся со словами краеведа В.Г. Пирогова, называвшего татарскую слободу любопытным уголком. И если Василий Геннадьевич составил словесное описание Подгородной слободы, то внимательные и талантливые сотрудники КНО дали нам уникальную возможность через рисунки заглянуть в мир татарской деревни под Костромой в начале XX в. Это позволяет детально рассмотреть особенности их хозяйственной деятельности, культурные традиции, уровень жизни, характерные черты национальной одежды, проанализировать содержание декоративно-прикладного искусства. Все эти аспекты в совокупности формируют многомерное представление о быте костромских татар. Графические работы, в настоящее время представленные в коллекции «Графика» КМЗ, обладают как этнографической, так и в целом исторической ценностью.

Довольно полно в собрании КМЗ представлен татарский женский костюм. Здесь можно увидеть платья, камзолы, головные уборы, украшения, нагрудники и обувь. Эти вещи выглядят как сокровища из восточной сказки. Они удивляют, впечатляют, волнуют воображение, но до середины 70-х гг. прошлого столетия не изучались. В период с 1973 по 1974 гг. Фарида Лутфулловна Шарифуллина, этнограф, кандидат исторических наук и автор научных исследований, посвященных духовной и материальной культуре различных групп татарского населения, впервые посетила Кострому. Целью ее визита было проведение научного

исследования коллекции Костромского музея, изучение культуры и быта жителей Татарской слободы. Именно она описала комплексы местных мужских, женских и детских костюмов, указала некоторые местные названия элементов одежды, сделала зарисовки, записала особенности сохранившихся в Татарской слободе обрядов. В процессе знакомства с музейными фондами она охарактеризовала коллекцию как относительно небольшую, но обладающую высокой культурной и исторической значимостью. Ею было отмечено, что данное собрание датируется XIX в. и состоит преимущественно из предметов женской одежды (Костромские татары..., 2022: 84). В 2009 г. Фарида Лутфулловна приняла участие в Романовских чтениях, представив научную статью под названием «История формирования и традиционная культура татар города Костромы». Эта публикация стала основой для дальнейшего исследования музейной коллекции и истории слободы, оказав значительное влияние на костромских краеведов. Статья включена в фонд научной библиотеки КМЗ.

В татарской культуре существуют следующие пословицы: «Кто плохо одет, того и собака кусает», «Хорошую еду предлагай гостю, хорошую одежду носи сам», «Камень в колечке большим не бывает», «Дома хоть солому ешь, но на улице фасон держи» (Татарские народные пословицы..., 2020: 170–171). Костромские татарки не скупилась на наряды. Это видно по сохранившимся в коллекции комплексам одежды, украшениям, головным уборам и обуви. Особое внимание привлекает разновидность костромского камзола, известная как «корсет». Его надевали поверх платья при выходе из дома. Из описания В. Пирогова, он был в виде «...безрукавого, более короткого, сравнительно с платьем, полукафтана. Последний всегда гладкий, одноцветный, шьется из нанки, сукна или яркой шёлковой материи» (Пирогов, 1881: 67). В собрании КМЗ насчитывается десять камзолов, из которых семь представляют собой типичные костромские корсеты (КП КМЗ КОК–4570, КП КМЗ КОК–4571, КП КМЗ КОК–4572, КП КМЗ КОК–5075, КП КМЗ КОК–5078, КП КМЗ КОК–5080 и КП КМЗ/КХМ КП–7433) (рис. 3).

В коллекции музея представлены четыре разновидности женских головных уборов. Среди них *каттажи* (№ КП КМЗ ОФ–4573), *тастар* (№ КП КМЗ КОК–5274), *калфак* (№ КП КМЗ ОФ–832/3, КП КМЗ КОК–34480) и *камиля* (№ КП КМЗ ОФ–1686, КП КМЗ ОФ–1687). Традиционными головными уборами представительниц татарского народа являлись разнообразные по форме волосники, покрывала и шапки. В головных уборах прослеживается четкая возрастная дифференциация, выражающаяся в выделении девичьих и женских уборов. Девичьи головные убory имели одну отличительную особенность: они, как правило, имели шапкообразную или калфакообразную конструкцию и надевались без волосника. Традиционные головные убory замужних женщин более разнообразны и сложны. В отличие от девичьих головных уборов, женские покрывала предназначались для защиты не только головы, но и шеи, плеч и спины. Для этой цели использовались волосники, покрывала и верхние убory.

Рис. 3. Костромские «корсеты». Фотография М.А. Жезлова 2025 г. Костромской музей-заповедник. №№ КМЗ КОК-5080; КМЗ КОК-5075; КМЗ ОФ-4572.

К этой категории относится и *тастар* из собрания КМЗ (№ КП КМЗ КОК–5274). Он представляет собой полотенеобразное покрывало, которое использовалось для закрытия нижних головных уборов (волосников) замужних татарок. Данный элемент традиционного женского костюма был широко распространен среди всех субэтнических групп татар. Не являлась исключением и Костромская область, где в Татарских слободах женщины носили *тастар*. В очерке В. Пирогова «Татарская деревня под Костромой» отмечается, что костюм женщин поддался русскому влиянию в меньшей степени. Девушки и молодые женщины прикрепляли к волосам небольшие бархатные калфаки-наколки, а женщины старшего возраста повязывали полотенеобразный *тастар* (Романец, 2017: 137). Традиции и национальный костюм костромских татар на протяжении столетий оставались практически неизменными и обладали региональными особенностями. Ширина костромского *тастара* составляет всего 14 см, что значительно меньше, чем у тастаров, описанных этнографами в других регионах. Этот предмет долгое время считался поясом, несмотря на сохранившуюся на нем надпись с названием, сделанную во время его приобретения сотрудниками КНО.

В качестве примера традиционного головного убора татар можно привести крупный вязаный *калфак* (№ КП КМЗ КОК–34480). Он обладает богатым декоративным оформлением, включающим цветочно-растительный орнамент, выполненный синелью. Изделие характеризуется мягкостью и отсутствием бахромы, его длина составляет 52 см. Орнаментальный узор представлен чередованием узких и широких полос, образующих структурированный дизайн. Такие калфаки были в ходу до конца XIX в. Их носили, откинув лопасть набок. Мода диктовала свои правила: в это время начинают распространяться калфаки из бархата меньшего размера с золотым узором в виде букетной композиции. Они заметно короче, легче и изящнее, а золотая вышивка на тёмном фоне бархата смотрится еще наряднее. Такие калфаки имеют по ширине своей ниже цветочного букета узкую полосу узора в виде выходящего побега, чередующихся цветов, реже геометрических мотивов. Представленный предмет из коллекции КМЗ (№КП КМЗ ОФ–832/3) относится к категории калфаков. Изделие характеризуется композицией «золотое перо», которая является типичной для татарских женских головных уборов. Веточка, выполненная в изящной изогнутой форме, декорирована цветочными и листовыми мотивами. Композиционное решение отличается гармоничностью и выразительностью. Бархатные калфаки с вышивкой золотыми нитями постепенно приобретают популярность среди городского и сельского населения.

Женский головной убор *каттажи*, носимый поверх платка, представлял собой элемент традиционного костюма. *Каттажи* изготавливались из цветного шелка или бархата и имели форму, схожую с тюбетейкой, но с овальным основанием. В музейной коллекции представлен экземпляр данного головного убора, выполненный из бордового бархата и имеющий хлопчатобумажную подкладку светло-коричневого цвета. Верхняя часть *каттажи* декорирована складками, а на лобной части расположен орнамент в виде стилизованного цветка, созданный с использованием техники тунцал и блесток в золотисто-серебристых тонах. Для фиксации на голове *каттажи* оснащены бельевой резинкой (№КП КМЗ ОФ–4573).

Женский татарский национальный костюм не будет выглядеть завершенным без ювелирных украшений. Всем известно, что «идушую татарку всегда можно было раньше услышать, чем увидеть» (Сулова, 1980: 28). В татарской культурной традиции существует следующее изречение: «Мужчине не в тягость оружие, а женщине – украшения» (Татарские народные пословицы..., 2020: 242). В коллекции КМЗ сохранилось ожерелье из монет (№ КП КМЗ ОФ–523), брошь (№ КП КМЗ КОК–16121/25), нагрудные украшения *чуллы* (№ КП КМЗ КОК–21956; № КП КМЗ ОФ–526; № КП КМЗ/КХМ КП–7104), браслеты (№ КП КМЗ КОК–3276; № КП КМЗ КОК–3277; № КП КМЗ КОК–3278; № КП КМЗ КОК–3279; № КП КМЗ КОК–3304). В середине XIX в. монетные ожерелья и ожерелья, сконструированные из сканых или чеканных блях, бытовали у всех групп волго-уральских татар. Следует отметить, что монетные ожерелья, как правило, ассоциируются с сельскими комплексами одежды, в то время как юве-

лирные ожерелья из блях характерны для городской культуры. В целом, ожерелья у татар имеют глубокие исторические корни и являются традиционными элементами, уходящими в древность (Суслова, 2018: 149). Так, например, ожерелье, состоящее из тридцати подвесок, выполненных в виде серебряных пяточков, представляет собой типичный образец данного типа украшений.

В этнографической литературе редки упоминания о существовании у татар украшений в виде брошек. Брошь представляла собой специальную, декоративно оформленную булавку, которая кроме эстетической функции нередко выполняла и утилитарную роль: скрепляла грудной разрез женской рубахи. В традиционной культуре татарского народа выделяются два типа брошей. Первый представлен филигранными бляхами с подвесками или без них, известными как *кашлы инә* и *инәлек*. Второй – монетные броши, или *таңкале булавки*, которые изготавливаются из мелких, часто серебряных монет с позолотой, прикрепляемых к дугообразной булавке (Суслова, 2018: 150). Брошь второго типа представлена в коллекции КМЗ (№ КП КМЗ КОК–16121/25). Монетный комплект состоит из пяти монет номиналом пять копеек. Четыре монеты датированы 1884 и 1882 гг. соответственно. На двух монетах год чеканки не читается. Все монеты скреплены между собой с частичным наложением друг на друга. На цепочке имеется подвес, выполненный из монеты, датированной 1882 г. На лицевой стороне герб Российской империи – двуглавый орел, на оборотной стороне – номинал монеты и наименование монетного двора. Такой тип брошей считается более архаичным. Он перекликается с финскими фибулами типа *сюльгам* (Суслова, 2018: 151).

К старинным видам украшений относятся *чулпы* – накосники, которые носились в прошлом всеми женщинами, начиная с детского возраста (Валеев, 2020: 90). Особенность такого украшения заключается в том, что оно вплетается в косы, как лента, благодаря прикреплённой тесьме. В собрании музея представлен самый распространенный тип *чулпы*, имеющий в основе бляху лопастной формы с кольцами для крепления тесьмы и подвесок. Как правило, к фигурной бляхе такого типа *чулпы* через кольца крепятся три меньшие бляхи или же чаще, как в рассматриваемых вариантах, монеты. Обычно средняя монета выбиралась крупной (рубль), боковые – меньших размеров.

Традиционный татарский костюм немыслим без элегантной обуви *ичиги*. Особый интерес представляют две пары женских сапожек, выполненных в технике кожаной мозаики, известной как узорная или «азиатская» техника (№ КП КМЗ КОК–4461/1,2 и № КП КМЗ/КХМ КП–7103/1,2). Данный вид обуви представляет собой не только выраженный этнический маркер, но и уникальный объект народного искусства. Изготовление такой обуви всегда было сопряжено с высокими затратами: согласно татарской пословице, «Ичиги стоят три рубля, а вышивка на них – пять рублей» (Татарские народные пословицы..., 2020: 175).

Мужские ичиги (№ КП КМЗ КОК–4463/1,2) имеют голенище и передок из цельного куска кожи, который сверху имеет криволинейный край, а сзади сшит

по прямой линии, за исключением области пятки, где шов повторяет мозаичный рисунок. В области пятки вкроен фрагмент шагреновой кожи, при этом линия шва визуально растворяется благодаря технике кожаной мозаики. Такие сапоги являлись одним из элементов двойной обуви, популярной в XIX в. По мусульманскому обычаю нельзя было показывать голые ноги, при этом в обуви запрещалось заходить в мечеть. По этой причине существовала практика использования двойной обуви, состоящей из грубой наружной части и более мягкой внутренней – *ичиги*. Для передвижения по улице применялась верхняя обувь, которую оставляли у входа, в мечети или дома оставляя в ичигах. Однако даже они считались сакрально нечистым предметом. На обуви можно было занести в жилище не только уличную грязь, но и злого духа, джина, представляемого в виде насекомого, что могло привлечь беды и несчастья. Для защиты от негативных воздействий на обуви обязательно присутствовали обережные элементы. В данной паре обуви предусмотрена вставка из шагрени, декорированная орнаментальными элементами, имитирующими завитки, напоминающие рога барана, символику древа жизни или концентрические круги. Эти элементы служили для предотвращения проникновения злых духов и обеспечения благополучия в доме. Вставка была предназначена для обеспечения максимальной прочности конструкции задника. Шагрень (*саур*) изготавливали в Средней Азии из конской или ослиной кожи. Она отличалась большой прочностью, необычной фактурой и колоритом. На изнанке увлажненной кожи делали множество надрезов, которые заполняли просыянными зернами. Из просушенной кожи зерна удаляли, а полученную рельефную поверхность натирали медными опилками, в результате чего шагрень приобретала зеленовато-бирюзовый цвет (Калашникова, 2010: 28). Это видно на рассматриваемой паре мужских ичигов.

В собрании КМЗ широко представлены тюбетейки. Они у татар традиционно являлись главным мужским головным убором. Существуют два основных типа тюбетеек: *келепуш* и *такья*. *Келепуш* был в виде низкого усечённого конуса с плоским верхом, а *такья* имела форму полусферы. Оба вида татарских тюбетеек изготавливаются из жёстких или полужёстких материалов. *Келепуш* получил широкое распространение и является наиболее распространённым типом мужского головного убора в данной культуре (Крестьянская одежда..., 1971: 333). В музейном фонде под номером КП КМЗ КОК–5159 зафиксировано нетипичное наименование тюбетейки – *тальбэк*. Однако в других источниках данный термин пока не обнаружен. Предполагается, что слово *тальбэк* в прошлом использовалось исключительно костромскими татарами. В книге «Костромские татары» отмечается, что татары всегда носили тюбетейки на голове, что являлось отличительной чертой их внешнего облика по сравнению с русским населением города Костромы. *Тюрюк*, мужской головной убор, длительное время являлся одним из значимых элементов традиционной национальной одежды костромских татар (Костромские татары..., 2022: 178). Упоминание термина *тюрюк* встречается исключительно в этнографической литературе, на-

пример, в изданиях «Тысяча лет по соседству» и «Костромские татары», что свидетельствует о его локальной специфике и ограниченном распространении.

Рис. 4. Тюбетейки из собрания Костромского музея-заповедника. Фотография М.А. Жезлова 2025 г. Костромской музей-заповедник. №№ КМЗ КОК-5161; КМЗ КОК-5159; КМЗ КОК-5156; КМЗ КОК-5157; КМЗ КОК-56259.

В представленном собрании тюбетеек все изделия украшены цветочно-растительным орнаментом. Однако, они существенно различаются по времени создания. Тюбетейки с каталожными номерами КП КМЗ КОК–5156 и КП КМЗ КОК–5157 (рис. 4) изготовлены из лилового бархата и декорированы вышивкой золотой нитью, изображающей цветы и листья. На них присутствуют два ряда позумента. Форма тюбетеек круглая, выпуклая, полусферическая. Обе расшиты металлическими блестками в виде мелких дисков-пайеток. Такие головные уборы относятся к старинному типу *такыя*, который, как считают исследователи, развивался из подшлемника средневековых воинов. Именно для тюбетеек первой половины XIX в. характерны золотошвейные узоры, составленные из крупных, обобщенно трактованных цветочно-растительных мотивов, покрывающих всю украшаемую поверхность (Валеев, 2020: 53). У первого образца угадывается мотив вихревой розетки. По сложности орнамента, основной ткани и форме эти тюбетейки соответствуют головным уборам татар первой половины XIX в. К данному периоду относится тюбетейка под инвентарным номером КП КМЗ КОК–5159, изготовленная из вишневого бархата и имеющая плоский

круглый верх. Тулья и околыш тюбетейки декорированы золотным шитьем. Поверхность изделия украшена сплошным ленточным орнаментом, состоящим из цветов и листьев. На макушке расположена пуговица из бархата с блестками, а край околыша отделан позументом. Подкладка выполнена из красной бумаги.

Тюбетейка под номером КП КМЗ КОК–5161 из бархата тёмно-красного (вишнёвого) цвета, круглой формы, украшенная золотным шитьём, характерна для тюбетеек второй половины XIX в. В это время цветочные букеты приходят на смену цветочному бордюру и розетке посередине, свойственных более ранним образцам. Они равномерно размещены по всей поверхности головного убора. Поздние образцы такого типа тюбетеек имеют ещё более мелкие букеты, которые располагаются по поверхности тюбетейки в шахматном порядке, а на смену бархату приходят вельвет и тонкое сукно (Валеев, 2020: 54). Наблюдается тенденция к упрощению техники вышивки. В современных образцах орнаментальные элементы утрачивают свою выразительность, приобретая плоскую и упрощенную структуру. Декоративные элементы, такие как кисточки, блестки и другие средства украшения, также исчезают из композиций.

Самый поздний из представленных головных уборов – тюбетейка из темно-синего бархата под номером КП КМЗ КОК–56259. Она украшена бисером белого, голубого и жёлтого цвета, составляющим цветочный узор, расшита пайетками серебристого цвета. Внутренняя часть головного убора выполнена в чёрном цвете. Он имеет прошивку и клеевое соединение для обеспечения целостности и долговечности конструкции. Предмет поступил в музей в 2003 г. среди 78 предметов, переданных в дар музеем от Александра Леонидовича Синицина, помощника генерального директора по юридическим и кадровым вопросам ОАО «Фанплит». Эти экспонаты иллюстрируют историю костромского предприятия в период с 1990 по 2000 гг. и связаны с деятельностью Рашита Мифтаховича Мифтахова, который в этот период занимал руководящую должность на предприятии. Тюбетейка, представленная в экспозиции, является личным предметом этого выдающегося деятеля лесной промышленности Российской Федерации, удостоенного звания почетного гражданина Костромской области. Рашит Мифтахович родился 9 января 1941 г. в д. Большое Русаково, Кайбицкого района Татарской АССР. Окончил Костромской технологический институт по специальности инженер-технолог деревообработки. Общий стаж трудовой деятельности Р.М. Мифтахова составляет 46 лет. В период с 1964 г. он осуществлял профессиональную деятельность на Костромском фанерном комбинате, который в настоящее время функционирует как ОАО «Фанплит». В течение этого времени Мифтахов прошел путь профессионального роста от станочника производственного цеха до генерального директора предприятия. За заслуги перед отечеством Рашит Мифтахович был удостоен медали ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. В августе 2023 г., на 82-м году жизни Р.М. Мифтахов ушел из жизни.

Кроме зарисовок и вещевого материала внимания заслуживают экспонаты декоративно-прикладного искусства, посвященные татарской культуре. Напри-

мер, фаянсовая скульптура «Татарин-красильщик», выпущенная заводом товарищества М.С. Кузнецова (№ КП КМЗ/КХМ КП–5248), резная скульптура «Голова татарина» Исидора Григорьевича Фрих-Хара (№ КП КМЗ КОК–7544). Вызывают интерес татарские народные наигрыши на грампластинке (№ КП КМЗ КОК–28073/28), многочисленные открытки, фотографии и негативы слободы, которые сейчас хранятся в фонде «Фото-аудио-видео-материалы» КМЗ. На фотографиях и негативах изображены, как правило, пейзажи слободы и её окрестностей рубежа XIX–XX вв.: общий вид на Татарскую слободу, набережная Волги, вид рощи, мечети (рис. 5), татарского кладбища, колесный буксирный пароход «Маметевъ», принадлежащий братьям Ф.С. и М.С. Маметевым. На таких снимках мало людей, но чувствуется красота и простор волжских берегов, близость слобожан к природе, величие старых деревьев, в тени которых до сих пор хранится память о предках костромских татар. В настоящее время вид слободы претерпел значительные изменения. С появлением Горьковского водохранилища облик берега Волги в черте Татарской слободы стал другим. Сейчас с реки виднеются зелёные облака кустов и деревьев, упирающиеся прямо в воду. В этих облаках зелени кое-где просматриваются дома слобожан. Сложно представить, что за этой изумрудной грядой шумит город, а сто лет назад, наоборот, на широком открытом берегу стояли бесконечные мостки, лодки, лежали доски, брёвна, судовые детали, именно здесь шумели голоса рабочих, а поблизости стояла мечеть.

Рис. 5. Фотография на паспарту. Мечеть в Татарской слободе. Начало XX в. Российская империя, Костромская губерния, г. Кострома. Фотобумага, картон; фотопечать. 13х18 см; 17,5х24см (в паспарту). Костромской музей-заповедник. № КМЗ КОК-9707.

Веет покоем с открытки, на которой изображено татарское кладбище (№ КП КМЗ КОК–35997). В центральной части композиции изображены два мальчика в тюбетейках, стоящие на краю солнечной опушки. В сравнении с ними деревья предстают как внушительные гиганты. За этими природными исполинами можно различить очертания оград и тропинок, однако детали остаются неразличимыми.

Случались в слободе и несчастья. Так на одном из негативов был запечатлен пожар (№ КП КМЗ КОК–12009). На переднем плане слева – молодой татарин в тюбетейке, белой рубашке, жилете и кожаных сапогах. Его руки, утомленные физической работой, опираются на обломок трубы. На лице, выражая напряженную усталость, заметен приоткрытый рот. Он измучен жарой и работой, но, к сожалению, уже ничего нельзя изменить. Взгляд парня направлен в сторону сгоревших построек. Кругом дым, обгоревшие бревна, опаленные огнём деревья.

В 1917 г. в Татарской слободе был размещён Конный военный запас (№ КП КМЗ КОК–20670/1). На фотографиях запечатлен исторический эпизод, связанный с Первой мировой войной. Две почтовые карточки с изображениями Татарской слободы были отправлены солдатами, участниками Первой мировой войны, о чём свидетельствуют штампы 323-го пехотного Юрьевецкого полка, сформированного в июле 1914 г. из личного состава 183-го пехотного Пултусского полка (№ КП КМЗ НВ–5838). На одной из карточек присутствует штамп самого 183-го пехотного Пултусского полка (№ КП КМЗ НВ–5028/22).

В 1990-е годы наблюдался рост интереса к изучению истории региона, что нашло отражение в публицистических произведениях, научно-популярной литературе, музейных экспозициях и организации историко-культурных мероприятий, таких как фестиваль «Вехи». В этот период выходит краеведческий альманах «Костромская земля», в котором публикуются воспоминания Л. Колгушкина. В газете «Северная правда», в номере 146 от 1996 г., в разделе «Исторический вестник» была опубликована статья Н. Полетаева под названием «Как была закрыта мечеть в Татарской слободе». Жизнь костромских татар также нашла отражение в местной газете «Ислам», которая начала выпускаться 15 июля 1999 г. по инициативе мусульманского религиозного объединения города Костромы и Национально-культурной автономии татар Костромской области. Основной целью издания было укрепление этнического самосознания, сохранение обычаев и традиций, освещение основ ислама, культуры и истории татарского народа в целом и в частности в Татарской слободе. На данный момент восемнадцать выпусков газеты хранятся в фонде «Ценная редкая книга» КМЗ.

Несколько предметов из коллекции было передано слобожанами в собрание Костромского государственного объединенного художественного музея после открытия 15 октября 2003 г. в Костромском государственном объединённом ху-

дожественном музее первой в истории города Костромы выставки Государственного музея изобразительных искусств Республики Татарстан под названием «Искусство Татарстана», организованной в рамках культурного обмена между Костромской областью и Республикой Татарстан. В залах музея были представлены художественные картины, панно, национальная одежда, обувь, украшения. Выставка вызвала большой интерес и отклик у слобожан и жителей города, благодаря чему музеем были приобретены предметы татарской одежды конца XIX – начала XX в. В 2005 г. произошло объединение двух государственных учреждений культуры: Художественного музея, где проходила известная выставка, и Костромского государственного объединенного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника «Ипатьевский монастырь». В результате слияния произошло объединение их коллекций, а в учетной документации зафиксированы имена дарителей. Так костромичка Зельфия Хайдаровна Исаченко передала в коллекцию КМЗ пару ичигов (№ КП КМЗ/КХМ КП–7103/1,2) и накосное украшение *чулты* (№ КП КМЗ/КХМ КП–7103/1,2). Эти вещи принадлежали её матери – Шамшебян Исмаиловой (1910–1997), родившейся под Казанью в д. Шахмайкино (ныне Чистопольский район Республики Татарстан) и переехавшей в Кострому. Галия Ларионова, жительница Татарской слободы, передала полотенца (№ КП КМЗ/КХМ КП–7426; № КП КМЗ/КХМ КП–7427; № КП КМЗ/КХМ КП–7428; № КП КМЗ/КХМ КП–7429; № КП КМЗ/КХМ КП–7431) и подзор (№ КП КМЗ/КХМ КП–7430), который изготовила её мама Хадича Мухамедовна Курочкина. Вероятно, домотканые полотенца, бытовавшие в их доме, были украшены вышивкой, сделанной руками матери. Одно из них берегли особо – оно принадлежало двоюродной сестре мамы – Хабибе Хамидовне Бегильдеевой (1892–1976), и было изготовлено специально на её свадьбу. Рахилия Якубовна Маметева, жительница Татарской слободы, передала в коллекцию музея национальное татарское платье (№ КП КМЗ/КХМ КП–7432) и камзол (№ КП КМЗ/КХМ КП–7433), принадлежавшие её маме – Магире Мюфтяхудиновне Кадыбердиевой. Аминя Хайретдинова Клокова из Новгородской области, всегда интересовавшаяся жизнью и бытом своих предков, получила в наследство национальную татарскую одежду от своей тёти, старшей сестры матери, Марьям Бахтияровны Женодаровой (1901 г.р.), коренной слобожанки. Аминя Хайретдинова сочла нужным оставить эти предметы на исторической родине. Так коллекцию музея пополнили два платья (№ КП КМЗ ОФ–4568 и № КП КМЗ ОФ–4569), три камзола (№ КП КМЗ ОФ–4570; № КП КМЗ ОФ–4571; № КП КМЗ ОФ–4572) и девичий головной убор *каттажи* (№ КП КМЗ ОФ–4573).

Предметы татарской коллекции неоднократно экспонировались на выставках музея. В качестве примера приведем выставку «Губернский город К», которая была открыта в здании Дворянского собрания в 2011 г. На ней был представлен традиционный женский татарский костюм, включающий в себя следующие элементы: головной убор *калфак*, монетные подвески, украшения для кос *чулты*, браслет, шёлковое платье с камзолом, женские *ичиги*. В рекламном буклете читаем: «Город К – исконно православный город. Монастыри и храмы составляют

его исконное украшение. Кафедральный Успенский собор над Волгой славится своей красотой на всю Россию, а духовная семинария считается одной из лучших. Но есть в этом городе Татарская слобода со своей мечетью, и еврейская синагога, и католический костел, и лютеранская кирха. Всем хватает места под солнцем». На выставке «Романовы. Россия. Кострома», которая открылась в 2019 г. в здании Романовского музея, были представлены материалы, посвященные Татарской слободе, её жителям, а также татарской культуре как неотъемлемой части города. Отдельное внимание уделялось делегации татар, которая встретила с императором Николаем II в мае 1913 г. Для экспозиции был выставлен традиционный женский наряд слобожанки: татарский платок, платье и камзол, *калфак*, *каттажи* и *ичиги*. Во время презентации книги «Костромские татары», состоявшейся в ноябре 2022 г. в Синем зале Дома Губернатора, были представлены экспонаты, отражающие элементы традиционной татарской культуры. Среди них женские браслеты, накосные украшения *чулпы*, головные уборы, платья, камзолы, *ичиги* и кувшин для омовения *кумган*. Эти предметы, являющиеся яркими примерами татарского быта, неизменно привлекают внимание как посетителей выставок, так и исследователей.

Коллекционирование предметов татарского мира в музее носило преимущественно не системный характер, а фонды пополнялись во время отдельных событий и благодаря частным инициативам. Автор статьи впервые собрал и проанализировал историю формирования коллекции, проследил ее увеличение и развитие на протяжении длительного времени.

В собрании КМЗ хранятся аутентичные памятники татарской культуры, которые представляют собой не только ценный источник для исследователей и материал для создания разнообразных музейных экспозиций, но и являются значимым элементом исторической памяти. Эти артефакты способствуют формированию чувства толерантности и принадлежности к многонациональному миру России, противодействуют процессам культурной глобализации и вдохновляют многочисленных посетителей музея.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ИСТОЧНИКИ

Отчёт о деятельности КНОИМК за 1913 г. / КНОИМК. Кострома: тип. М. Ф. Риттер, 1914.

Отчёт о деятельности КНОИМК за 1915 г. / КНОИМК. Кострома: электро-печатня М. Ф. Риттер, 1916.

Отчёт о деятельности КНОИМК за 1924 г. / КНОИМК. Кострома: тип. Красный печатник, 1925.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреанова Н.В. Татарские женские нагрудники в собрании КМЗ // Музейный хронограф. Вып. 11. Кострома: ОГБУК КГИАХМЗ, 2024. С.232–245.
- Валеев Ф.Х. Татарское народное декоративное искусство (XVIII – начало XX в.): истоки и традиции: монография. Казань: Татар. кн. изд-во, 2020.
- Калашиникова Н.М. «Все́м богам по сапогам». Коллекция традиционной обуви из собрания РЭМ. М.: Северный паломник, 2010.
- Каталог музея Костромской ГУАК / сост. П.А. Алмазов, А.Н. Рождественский и др. Кострома: Губ. тип., 1909.
- Каткова С.С. Этнологическая станция КНО. Зарисовки праздничных дуг на костромском базаре. К вопросу о костромской крестьянской росписи // Костромской край и сопредельные территории в древности, Средневековье и Новое время. К 135-летию со дня рождения В.И. Смирнова: сб. науч. тр. Кострома: Линия График Кострома, 2017. С. 28–34.
- Колгушкин Л.А. Костромская старина // Костромская земля. Вып. 4. Кострома: Костромской филиал РФК, 1999. С. 45–67.
- Костромские татары: очерки по истории и традиционной культуре Татарской слободы / гл. ред. Р. Аббясов. М.: Буки Веди, 2022.
- Крестьянская одежда населения Европейской России (XIX – начало XX в.): определитель / отв. ред. А.А. Лебедева. М.: Советская Россия, 1971.
- Муренин Н. Татарская слобода и мечеть в Костроме. Кострома: Линия График Кострома, 2015.
- Пирогов В.Г. Татарская деревня под Костромой // Материалы для статистики Костромской губернии. Вып. 4. Кострома: Костромской губ. стат. комитет, 1881. С. 59–73.
- Полянская Е.М. Костромской хомут. Кострома: Красный печатник, 1927.
- Романец П. Татары // Тысяча лет по соседству. Повседневность и праздничность в культуре народов Костромской области. Кострома: Стандарт Принт, 2017. С. 133–142.
- Сто лет служения музею / сост., предисл., ступ. ст. И.С. Наградов; ОГБУК «КМЗ». Кострома: Костромаиздат, 2014.
- Сулейманова Д.Н. Интерьер татарского дома: истоки и развитие. Казань: Татар. кн. изд-во, 2010.
- Суслова С.В. Женские украшения казанских татар середины XIX – начала XX в. М.: Наука, 1980.
- Суслова С.В. Татарский костюм: историко-этнологическое исследование. Казань: Татар. кн. изд-во, 2018.
- Татарские народные пословицы и поговорки / сост. Л.Х. Мухаметзянова, И.И. Ямалтдинов. Казань: Татар. кн. изд-во, 2020.
- Татары / отв. ред. Р.К. Уразманова, С.В. Чешко. М.: Наука, 2001.
- Шипилов А. Костромская губернская ученая архивная комиссия (1885–1917 гг.) // Краеведческие записки. Вып. 4. Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1986. С. 49–58.
- Энциклопедия старого быта. Российская империя. Конец XIX – начало XX века / под общ. ред. А.Ю. Низовского. М.: Хобби Пресс, 2011.

REFERENCES

- Andrianova N.V. (2024) Tatar women's breastplates in the collection of the KMA. In: *Museum Chronograph*. Issue 11. Kostroma: OGBUK KGIAKhMZ Publ.: 232–245. (In Russ.)
- Catalogue of the Kostroma Museum of the Russian Geographical Society* (1909). Comp. P.A. Almazov, A.N. Rozhdestvensky, and others. Kostroma: Gubernatorial Printing House. (In Russ.)
- Encyclopedia of old life. The Russian Empire. Late 19th – early 20th centuries* (2011). A.Yu. Nizovsky (ed.). Moscow: Hobby Press. (In Russ.)
- Kalashnikova N.M. (2010) "To All the Gods, according to the boots." *A collection of traditional footwear from the Russian Ethnographic Museum*. Moscow: Severnyy Palomnik Publ. (In Russ.)
- Katkova S.S. (2017) Ethnological station of the Russian Geographical Society. Sketches of festive arcs at the Kostroma bazaar. On the issue of the Kostroma peasant painting. In: *Kostroma region and adjacent territories in antiquity, the Middle Ages and modern times*. Dedicated to the 135th anniversary of V.I. Smirnov: collection of academic papers. Kostroma: Liniya Grafik Kostroma Publ.: 28–34. (In Russ.)
- Kolgushkin L.A. (1999) Kostroma Antiquity. In: *Kostroma Land*. Vol. 4. Kostroma: Kostroma branch of the Russian Fund of Culture Publ.: 45–67. (In Russ.)
- Murenin N. (2015) *The Tatar settlement and mosque in Kostroma*. Kostroma: Liniya Grafik Kostroma Publ. (In Russ.)
- One hundred years of service to the museum* (2014). Comp., preface, step. art. I.S. Nagradov; OGBUK "KMZ". Kostroma: Kostromaizdat Publ. (In Russ.)
- Peasant clothing of the population of European Russia (19th – early 20th century): a guide-book* (1971). A.A. Lebedeva (ed.). Moscow: Sovetskaya Rossiya Publ. (In Russ.)
- Pirogov V.G. (1881) The Tatar village near Kostroma. In: *Materials for statistics of the Kostroma province*. Vol. 4. Kostroma: Kostroma gub. stat. committee: 59–73. (In Russ.)
- Polyanskaya E.M. (1927) *Kostroma Yoke*. Kostroma: Krasnyy Pechatnik Publ. (In Russ.)
- Romanets P. (2017) Tatars. In: *A thousand years of neighboring cultures. Everyday life and festivities in the culture of the peoples of the Kostroma region*. Kostroma: Standard Print Publ.: 133–142. (In Russ.)
- Shipilov A. (1986) The Kostroma Governor's Academic Archival Commission (1885–1917). In: *Local History Notes*. Issue 4. Yaroslavl: Verkhne-Volzhskoye Book Publ.: 49–58. (In Russ.)
- Suleymanova D.N. (2010) *Interior of the Tatar house: origins and development*. Kazan: Tatar Book Publ. House. (In Russ.)
- Suslova S.V. (1980) *Women's jewelry of the Kazan Tatars in the mid-19th and early 20th centuries*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Suslova S.V. (2018) *Tatar costume: a historical and ethnological study*. Kazan: Tatar Book Publ. House. (In Russ.)
- Tatar folk proverbs and sayings* (2020). Comp. L.Kh. Mukhametzyanova, I.I. Yamaltdinov. Kazan: Tatar Book Publ. House. (In Russ.)
- Tatars* (2001). R.K. Urazmanova and S.V. Cheshko (eds.). Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- The Kostroma Tatars: essays on the history and traditional culture of the Tatar settlement* (2022). R. Abbyasov (ed.). Moscow: Buki Vedi Publ. (In Russ.)
- Valeev F.Kh. (2020) *Tatar folk decorative art (18th – early 20th centuries): origins and traditions*. A monograph. Kazan: Tatar Book Publ. House. (In Russ.)

Сведения об авторе: Андрианова Наталья Вячеславовна, старший научный сотрудник Научно-информационного отдела, ОГБУК «Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник» (156000, проспект Мира, 7, Кострома, Российская Федерация); <http://orcid.org/0009-0006-6516-9263>; e-mail: z45natasha@mail.ru

About the author: Natalia V. Andrianova, Senior Researcher of the Scientific and Information Department, Kostroma State Historical, Architectural and Art Museum-Reserve (7 Mira Ave., Kostroma 156000, Russian Federation); <http://orcid.org/0009-0006-6516-9263>; e-mail: z45natasha@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 5.08.2025

Доработана после рецензирования / Revised 30.09.2025

Принята к публикации / Accepted 24.10.2025

Женщина и семья в историко-этнологическом аспекте

Woman and family in a historical and ethnological aspect

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2025-10-4.576-591>

EDN: LTEMEO

«Я закричала: что вы делаете, я пойду мужиков взбунтую»: акушерки-фельдшерицы в российской провинции на рубеже XIX–XX вв.

Л.Р. Габдрафикова

*Институт истории им. Ш.Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
bahetem@mail.ru*

Е.В. Миронова

*Институт истории им. Ш.Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
Yelena.Mironova@yandex.ru*

Резюме. В статье рассматриваются процессы становления профессии акушерок и характер медицинской деятельности женщин в Казанской губернии в конце XIX – начале XX в. На основе архивных, периодических и статистических материалов, а также опубликованной делопроизводственной документации уездных земств Казанской губернии 1870-х – 1900-х гг. показана подготовка акушерских и фельдшерских кадров в различных учебных заведениях страны и губернии. Проанализированы мотивы, побуждавшие женщин выбирать медицинские специальности, а также причины переезда столичных жительниц в провинцию для осуществления врачебной практики. Авторами изучены условия труда акушерок, в частности, размеры жалования, должностные обязанности, взаимоотношения с коллегами, уездной и губернской администрацией, а также с крестьянским населением. Показаны социальные барьеры на пути женщин, стремившихся заниматься медицинской практикой. Сделан вывод о привлекательности для них медицинских профессий как способа обеспечения экономической независимости, несмотря на трудности, с которыми приходилось сталкиваться в трудовой деятельности. Кроме того, подчеркивается, что медицинские специальности выбирали девушки из обеспеченных семей, так как только они могли внести плату за обучение, либо земства направляли своих стипендиаток в учебные заведения. Акцентируется внимание на

этноконфессиональной специфике Казанской губернии. Приведены примеры родовспомогательной практики в среде мусульманок.

Ключевые слова: Казанская губерния, акушерство, женщина-врач, земская медицина, акушерские курсы, эмансипация, татарки-мусульманки.

Для цитирования: Габдрафикова Л.Р., Миронова Е.В. «Я закричала: что вы делаете, я пойду мужиков взбунтую»: акушерки-фельдшерицы в российской провинции на рубеже XIX–XX вв. *Историческая этнология*. 2025. Т. 10. № 4. С. 576–591. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-4.576-591> EDN: LTEMEO

Финансирование. Исследование выполнено за счет предоставленного в 2024 г. Академией наук Республики Татарстан гранта на осуществление фундаментальных и прикладных научных работ в научных и образовательных организациях, предприятиях и организациях реального сектора экономики Республики Татарстан.

**“I screamed, ‘What are you doing, I’m going to raise the men’”:
midwives-medical practitioners in the Russian province
at the turn of the 19th–20th centuries**

L.R. Gabdrafikova

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
bahetem@mail.ru*

E.V. Mironova

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
Yelena.Mironova@yandex.ru*

Abstract. The article examines the processes of formation of the profession of midwives and the nature of medical activity of women in the Kazan province in the late 19th – early 20th century. Based on archival, periodical and statistical materials, as well as published records of the county zemstvos of the Kazan province in the 1870s – 1900s, the paper presents the training of obstetric and medical practitioner personnel in various educational institutions of the country and the province. The motives that encouraged women to choose medical specialties has been analyzed, as well as the reasons for the relocation of metropolitan residents to the province to practice medicine. The authors studied the working conditions of midwives, in particular, the size of salaries, job responsibilities, relationships with colleagues, county and provincial administrations, as well as with the peasant population. Social barriers on the way of women who aspired to practice medicine are shown. It is concluded that medical professions are of interest to them as a way to ensure economic independence, despite the difficulties they had to face in their work. In addition, it is emphasized that medical specialties were chosen by young ladies from wealthy families, since only they could afford to pay tuition fees, or alternatively zemstvos sent their scholarship holders to educational institutions. The focus is on the ethno-confessional specifics of the Kazan province. Examples of obstetric practice among Muslim women are given.

Keywords: Kazan province, obstetrics, female doctor, zemstvo's medicine, obstetric courses, emancipation, Tatar Muslim women.

For citation: Gabdrafikova L.R., Mironova E.V. (2025) "I screamed, 'What are you doing, I'm going to raise the men'": midwives-medical practitioners in the Russian province at the turn of the 19th–20th centuries. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 10. No. 4: 576–591. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-4.576-591> (In Russ.)

Financial support. The study was carried out using a grant provided in 2024 by the Tatarstan Academy of Sciences for the implementation of fundamental and applied scientific work in scientific and educational organizations, enterprises and organizations of the real sector of the economy of the Republic of Tatarstan.

Одной из «женских» профессий XIX в. стало акушерство. Появление образованных «повивальных бабок» по всей Российской империи свидетельствовало не только о распространении научной медицины в стране, но и о развитии женской эмансипации. Тема акушерства в Российской империи неоднократно становилась предметом изучения отечественных исследователей. В частности, были рассмотрены такие вопросы, как профессионализация акушерского труда в конце XVIII – начале XX в. (Мицюк, 2021), подготовка научных трудов по акушерству (Мицюк, 2017) и ряд других вопросов в контексте общероссийской истории (Мицюк, 2022). Все эти труды показывают невероятную сложность медиализации населения в условиях Нового времени и становления профессии акушеров. Они носят междисциплинарный характер, соединяют историю медицины с гендерными исследованиями. В этой связи представляется актуальным дополнение данного направления научных изысканий новыми сюжетами, в том числе с привлечением региональных архивных материалов.

Казанская губерния представляла собой один из уникальных регионов Российской империи, где имелись и свои этноконфессиональные особенности, и развитая земская медицина, сотрудничавшая с университетской клинической базой. Между тем, вопросы акушерства в Казанской губернии не становились предметом отдельного исследования и рассматривались в основном как часть становления земской медицины (Саматова, 2016; Валеева, 2019; Миронова, 2020).

Клиническая медицина, с одной стороны, ставит врачей и вспомогательный медицинский персонал на определенный пьедестал, т.к. именно они управляют своими пациентами (Фуко, 2010: 24). С другой стороны, акушерки-фельдшерицы работали под началом врачей и находились в зависимом от них положении, где их трудовые отношения были усугублены, в том числе гендерным различием. Кроме того, женский статус делал их особенно уязвимыми перед властью и обществом. На это неоднократно обращали внимание зарубежные исследователи (Энгель, 2023; 151). Но даже в таких исторических обстоятельствах женщина могла иметь собственную субъектность и быть частью женского движения (Пиэтров-Эннкер, 2005).

Цель нашего исследования – изучить женщин Казанской губернии рубежа XIX–XX вв., занятых в сфере акушерско-фельдшерской службы. Выбранный историко-антропологический подход позволяет обратить внимание на отдельные аспекты из жизни провинциальных акушерок-фельдшериц и раскрывает особенности этой «женской» профессии с нового ракурса.

Источниками исследования выступили документы из различных фондов Государственного архива Республики Татарстан (ГА РТ). Личные дела акушерок и фельдшериц, сохранившиеся в канцелярии губернатора, Губернском правлении, а также в земских управах, иллюстрируют их непростые трудовые будни, взаимоотношения с коллегами, социально-экономическое положение и другие вопросы их жизни. Кроме того, были использованы опубликованные статистические материалы уездных земств Казанской губернии, отчетная документация фельдшерско-акушерских школ и источники личного происхождения.

Акушерки в Казанской губернии в последней трети XIX в.

Акушерки и фельдшерицы сталкивались с разными трудностями в частной и профессиональной жизни. В пореформенное время они обычно работали в системе земской медицины. Жалованье зависело от нагрузки, которая определялась размером участка. Например, в конце 1870-х гг. в Лаишевском уезде Казанской губернии акушерки менее многочисленного, третьего участка получали 120 руб. в год, а первого и второго – в 2,5 раза больше. Им компенсировались расходы на разъезды и наем квартир (Саматова, 2016: 263). По Российской империи среднее жалованье акушерок варьировало от 250 до 400 рублей в год (Мицюк, 2022: 251).

Профессиональную подготовку будущие акушерки проходили в специальных школах. Появлялись они и в губернских центрах. В 1873 г. в Казани открылся Повивальный институт (школа) при медицинском факультете местного университета (Валеева, 2019: 323). Заинтересованные в подготовке собственных кадров земства назначали стипендии для учениц, по окончании учебного курса они проходили службу в уездных больницах (Отчет..., 1868: 19). К слову, согласно свидетельству Повивального института Казанского университета, в 1900-е гг. выпускницам присваивали звание «Повивальной бабки», а устраивались они тогда уже на должность «акушерок» (ГА РТ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 1973. Л. 3–4).

Но общее количество акушерок оставалось тогда незначительным. Например, в 1889 г. в земских больницах Казанской губернии работали по 1 акушерке, лишь в Казани и Цивильске было по 2, а в Чистополе Царевококшайске и Ядрине не было ни одной (Памятная..., 1890). Обязанности акушерок были обширными: они не только принимали больных, но и разъезжали по деревням (принимали роды и навещали рожениц в течение первых дней), составляли ежегодные отчеты о своей работе, а также выполняли ряд функций вне своей служебной компетенции – заведовали хозяйством в уездных больницах, проводили осмотр пациентов вместо фельдшера, выезжали в летний период для оспопрививания. Поэтому постепенно их начинают заменять окончившие фельд-

шерскую школу акушерки-фельдшерицы с более высоким окладом. Со временем акушерки-фельдшерицы становились обычным явлением в провинции, но работать с женщиной-врачом были готовы тогда не все.

В 1880 г. в Казанскую губернию приехала уроженка г. Вильно, выпускница Петербургских высших женских курсов Екатерина Ивановна Карасинская. Она была медиком, участвовала в русско-турецкой войне. 34-летняя женщина планировала устроиться врачом в Спасское уездное земство. Но на месте ей предложили формально занять должность фельдшерицы, а фактически выполнять обязанности врача. В провинциальном обществе, как и в органах власти, в 1870-е гг., очевидно, еще были сильны убеждения о недопустимости женщин на службе в государственных и общественных учреждениях. Е.И. Карасинская отказалась от предложения. Позже она стала заниматься частной практикой в Казани. Её работу ценили, особенно пациенты-татарки. Для них, в силу традиционных мировоззренческих установок, было важно оказание врачебной помощи именно женщиной. Е.И. Карасинская скончалась в 1887 г. во время родов. Первые роды в 42-летнем возрасте оказались для неё смертельными.

В некрологе Е.И. Карасинской в газете «Казанский биржевой листок» пишут, что в 1880 г. её трудоустройство в Спасском земстве не состоялось из-за особых взглядов женщины-врача, посчитавшей такой компромисс недопустимым для положительного разрешения «женского вопроса» (Габдрафикова, 2013: 370–372). В целом, именно со сферой медицины были связаны имена первых активисток женского движения в России (В.А. Кашеварова-Руднева, Н.П. Сулова и др.) (Пиетров-Эннкер, 2005: 244–247). Е.И. Карасинская тоже сформировалась в духе либеральных идей 1860-х гг. и её обращение именно в Спасское уездное земство, известное широкими связями с «вольнодумцами» пореформенной эпохи, было не случайным.

Однако уже в 1870-е гг. некоторые женщины-медики предпочитали другие сферы деятельности. Например, в 1871 г. в Казани супруги Шумковы открыли частную начальную школу. Лидия Петровна Шумкова в прошлом трудилась акушеркой. В последующем именно под её руководством школа станет успешной женской гимназией. Её многолетняя помощница П.Ф. Веселова, тоже ранее работавшая акушеркой, переключилась на педагогическую сферу (Казанская..., 1910: 18–19). Отметим, что акушеров-фельдшериц (впрочем, как и учительниц) нередко подозревали в противоправительственных настроениях. Например, за Л.П. Шумковой в 1886–1888 гг. был установлен негласный надзор казанской полиции, т.к. её связывали с последователями социал-демократических идей (ГА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7054. Л. 4), что позже не нашло прямого подтверждения. Такая подозрительность в отношении Л.П. Шумковой была продиктована общей обстановкой в Казани, в которой появились первые марксистские кружки (так, в одной из сходов участвовал в 1887 г. студент университета В.И. Ульянов). Организатором был бывший гимназист Н.Е. Федосеев, летом 1889 г. он и многие его соратники были арестованы.

«Недостойное поведение врача», или случай Александры Филипповой

На фоне новой политической обстановки в Тетюшском уезде Казанской губернии в 1887 г. случился конфликт между акушеркой Филипповой и врачом Тихомировым. Работа под руководством врачей-мужчин добавляла дополнительные сложности в становлении этой профессии. Конфликт Филипповой и Тихомирова, с одной стороны, имел сексуализированный характер, с другой, – политический оттенок из-за неверного толкования высказанных ею во время ссоры слов.

Александра Иванова Филиппова была родом из Симбирской губернии: окончила Алатырскую женскую прогимназию, затем сдала экзамены при Казанском университете на звание «повивальной бабки» (ГА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7242. Л. 1). С начала 1880-х гг. она работала в Тетюшском уезде Казанской губернии.

По данным 1879 г., в штате земской медицины Тетюшского уезда было 2 врача и 12 вспомогательных специалистов (8 фельдшеров, 1 фельдшерица и 1 акушерка). В уезде проживало 146 196 человек, на каждого специалиста приходилось 1426 пациентов в году или по 4 человек каждый день (Журналы..., 1881: 73).

Летом 1887 г. А.И. Филиппову направили в татарскую деревню Кабаланы, где она заняла должность фельдшерицы-акушерки при земской больнице. Она приступила к своим обязанностям 1 августа 1887 г., а уже 23 сентября того же года случился инцидент, который повлек за собой разбирательство в органах власти.

О произошедшем А.И. Филиппова сообщила не сразу, а лишь 28 октября 1887 г. «Врач г. Тихомиров оной больницы применил мне насилие под предлогом служебной обязанности», – начала она свое обращение. Ранним утром 23 сентября врач вернулся в больницу с рабочей поездки и постучался к ней в дверь. Она занимала одну из комнат в больнице. При ней же находилась её 12-летняя родственница¹. Акушерка спала, но быстро отреагировала на слова врача о том, что нужно переговорить о роженице. В жалобе она описала то утро: одевалась «не более 10 минут», а Степан Дмитриевич Тихомиров «нетерпеливо стучал» в дверь и ругал за медлительность, угрожая увольнением. Однако вызов был связан не с медицинским случаем: «...я подошла к столу, где стояла лампа, которую врач – мигом потушив, схватил меня, сильно, руками и свалил на кушетку, тут стоящую, для осмотра больных» (ГА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7242. Л. 2). Ей удалось убежать в соседнюю палату («под защиту больных и служащих»), а потом запереться в своей комнате. Тихомиров пытался открыть дверь. «Шум дребезжавших под дверью стеклянных рам разбудил всех и вышедший смотритель, уговаривая врача, просил его идти в свою квартиру – которая на-

---

¹ Характерный момент повседневности женщин-медиков – ребенок при них. Например, Е.И. Карасинская еще до замужества взяла на воспитание девочку-сиротку. Это могло быть связано с разными обстоятельствами и мотивами, но ребенок выступал своеобразным «талисманом», защитником репутации одинокой женщины.

ходится в отдельном, от больницы, здании на дворе» (ГА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7242. Л. 2). Земский врач находился в нетрезвом состоянии, а его буйное поведение не было для некоторых коллег открытием. В отличие от них, акушерка Филиппова была в замешательстве, не зная, как реагировать на «недостойное поведение врача». Она собиралась написать об этом родным, но через неделю в больнице случился новый скандал. На этот раз при проверке хозяйственной части больницы серьезно схлестнулись Тихомиров и смотритель-фельдшер Румянцев. Именно он пытался усмирить врача утром 23 сентября. 7 октября 1887 г. врач пожаловался исправнику на «буйство» фельдшера. Акушерка выступала свидетелем и придерживалась стороны Румянцева. «Врач под предлогом служебной обязанности, вызвал меня запискою к себе в квартиру – 14 октября в 9 часов вечера, он насильственным образом склонял меня на свою сторону предупреждая, что он как начальник имеет власть, доносить начальству, делать выговоры, наконец уволить, и не имея возможности, ни угрозой, ни лаской, склонить меня на ложное показание, врач отобрал от меня, в силу чего-то, ключи от медикаментов и хирургических вещей и разного рода принадлежностей для больных», – отмечала А.И. Филиппова (ГА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7242. Л. 2об.).

На следующий день, после уговоров акушерки, Тихомиров нагрубил не только ей, но и пациентке (ею оказалась супруга фельдшера Румянцева). Дело в том, что Филиппова продолжала распоряжаться лекарствами, что вызвало гнев врача. Он обозвал её «мерзавкой, развратницей». В ответ на ярость и оскорбления начальника, она закричала «что вы делаете, я пойду мужиков взбунтую». Тихомиров зацепился за это слово, потом А.И. Филиппова была вынуждена оправдываться, что она не против правительства или дома Романовых. «Взбунтую я в защиту себя, за мной нет стражи как за вами, я скромная девушка, далеко от родных в глуши среди татар людей непонимающих русского языка, понятно взбунтуются Вашими поступками...», – воссоздавала она свою прямую речь позднее (ГА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7242. Л. 3).

Слова А.И. Филипповой о «бунте» не остались без внимания – местный исправник был тестем врача С.Д. Тихомирова. Через два дня к акушерке приехал становой пристав и потребовал объяснения её слов. Такое внимание напугало её и лишь после этого, в свою защиту она решила изложить подробности сложных взаимоотношений в коллективе и домогательствах со стороны врача. Но сначала она обратилась в Тетюшское земство, где служила уже семь лет. Не дождавшись приезда членов управы в д. Кабаланы, 28 октября 1887 г. акушерка написала в канцелярию губернатора, т.к. боялась уголовного наказания и лишения должности (ГА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7242. Л. 4об.).

На запрос губернатора тетюшский исправник ответил, что заявления от Филипповой об инцидентах 23 сентября и 15 октября не поступало. Позднее свое видение ситуации в письменном виде подал и земский врач. Тихомиров писал, что акушерка «сначала довольно усердно занималась своим делом», однако потом «охладела к занятиям, став проводить время в праздности, пустяках,

неприличных разговорах, пляске (танцевала даже канкан) и пьянстве». Компанию Филипповой, по его словам, составляли фельдшер Румянцев и некоторые татары д. Кабаланы.

Интересно, что в обращениях к власти местное население использовалось для усиления нарратива. Если акушерка подчеркивала с их помощью неординарные условия работы («в глуши среди татар, людей непонимающих русского языка»), то врач указывал на вредное влияние Филипповой на них («спаивала водкой татар»). «Татары» могли, в зависимости от рассказа, выступать и как неуправляемая сила, и как жертва обвиняемого.

Помимо пристрастия к алкоголю, начальник указал на безнравственное поведение своей подчиненной. Он утверждал, что она состоит в любовной связи с фельдшером («целовалась», «позволяла держать себя за груди»). «Мне приходилось ей в адекватной форме давать намеки на ее неправильную жизнь», — отмечал Тихомиров. Тем не менее, несмотря на «некоторые вольности и неприличные поступки», врач подчеркивал, что трудовые отношения были «вполне нормальные и совершенно удовлетворительные», «акушерка была вежлива, беспрекословно исполняла требования по службе» (ГА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7242. Л. 19). Он считал, что открытая враждебность появилась лишь после 13 октября. Врач упоминает вечерний визит акушерки в его квартиру, а также её заявление на следующий день с угрозой «взбунтовать» кабалановских крестьян (ГА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7242. Л. 25об.).

Это дело закрыли довольно быстро. 11 ноября 1887 г. дознание по жалобе акушерки А.И. Филипповой «на оскорбление и на покушение производства над ней насилия» врачом 3-го участка С.Д. Тихомировым было прекращено из-за отсутствия «состава преступления» (ГА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7242. Л. 32). Между тем дальнейшие действия Тетюшской земской управы указывают на серьезные основания заявительницы. Было принято решение об освобождении от должности земского врача С.Д. Тихомирова, причем «без аттестации». Акушерка Александра Ивановна тем временем продолжала работать в Кабалановской больнице. Её бывший начальник был убежден, что она «одним почерком пера» заставила уволить его. После этого Сергей Дмитриевич вместе с семьей уехал в Казань и начал искать новое место. Со стороны казанского губернатора на это «не было никаких препятствий» (ГА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7242. Л. 33–34).

О проверке благонадежности «в политическом и нравственном отношении»

Проверка «политической благонадежности» акушеров и фельдшериц особенно усилилась в годы первой русской революции. Губернаторские канцелярии и жандармские службы разных губерний постоянно уточняли друг у друга данные соискательниц на должности медиков. Например, 28 марта 1906 г. екатеринославский губернатор запрашивал у казанского губернатора сведения о двух фельдшерицах, уроженках Казани, З.А. Тихомировой и М.М. Кунавиной. Девушки устраивались оспопрививательницами в Екатеринославской губернии.

Казанская полиция сначала дала обоим положительные характеристики, однако позднее губернское жандармское управление отправило справку о связи первой с социал-демократической партией (ГА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7242. Л. 1–8). Кроме политической благонадежности, работающим женщинам нужно было подтверждать перед обществом и властью свою нравственную чистоту, в некоторых случаях и в половом смысле (Энгель, 2023: 174).

Судя по всему, такая требовательность иногда приводила к трагическим последствиям. Например, 2 июля 1902 г. в Спасском уезде Казанской губернии произошла трагедия – «самоотравление» фельдшерицы-акушерки Татьяны Петровны Рахмановой. Причиной неожиданной смерти молодой женщины стал морфий, но поводом, вероятно, стали подозрения, подвергнувшие сомнению её «благонадежность в политическом и нравственном отношении». Она устроилась на 3-й медицинский участок Спасского уезда при Полянской земской больнице в начале апреля того года. Ей назначили оклад в размере 40 руб. в месяц, т.е. годовое жалованье должно было составить не менее 440 руб.

При написании прошения о принятии на работу от 15 февраля 1902 г. Т.П. Рахманова предъявила диплом об окончании акушерских курсов и свидетельство Императорской Военно-Медицинской академии клиники профессора Рейна. Своим местожительством она указала Петербург, набережную реки Пряжка, д. 46, кв. 10 (ГА РТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2496. Л. 1–8). Пока проверяли её документы, фельдшерицу-акушерку трудоустроили в Спасском земстве лишь временно. На процедуру согласования всех документов ушло больше двух месяцев. 10 июня 1902 г. в Спасске получили сообщение из Казани о том, что Т.П. Рахманова указала недостоверные сведения о себе и просили «немедленно доставить точные и достоверные данные» о её предыдущем местожительстве (ГА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7242. Л. 1–8). Как видно из пояснения акушерки от 23 июня того же года, она проживала в Петербурге до декабря 1901 г., но по другому адресу – в клинике баронета Виллие на Больше-Самсоновском проспекте. Вероятно, это было местом её работы. С конца декабря 1901 г. она находилась в пригороде, в доме своего отца, на Лесном участке (ГА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7242. Л. 10). Возможно, другой адрес был указан ею для удобства переписки со Спасским земством. Для подтверждения своих слов акушерка «прилагала паспортную книжку, если таковая нужна» (ГА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7242. Л. 12). Но 3 июля 1902 г. врач 3-го медицинского участка отправил в уездный город короткое сообщение о её смерти в Полянской больнице (ГА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7242. Л. 12). Спустя две недели нашли по тому самому «достоверному адресу» её отца – неграмотного крестьянина Петра Рахманова, которому местный пристав сообщил о самоотравлении дочери в далеком Спасском уезде Казанской губернии (ГА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7242. Л. 14об.). Остается лишь догадываться, как еще одна петербурженка оказалась в Спасском уезде. Безусловно, здесь нельзя исключать обширные неформальные связи между интеллигенцией разных губерний.

Социально-экономическое положение акушеров и фельдшериц

«Скоропостижная кончина» не была редкостью в трудовой практике акушеров и фельдшериц. Как и врачи, они находились в зоне постоянного риска из-за контакта с больными, среди которых встречались носители разных инфекций. В том же Спасском уезде в 1900 г. после четырех лет службы умерла молодая фельдшерица Анастасия Ивановна Антонова. Она была выпускницей Казанской земской фельдшерской школы. Сначала её хотели взять фельдшерицей-акушеркой, но она отказалась, сославшись на отсутствие соответствующего диплома и достаточной практики (ГА РТ. Ф. 242. Оп. 1. Д. 2042. Л. 3). А.И. Антонова работала в Спасском земстве с июля 1896 г. по декабрь 1900 г. Коллеги отмечали её «почти пятилетнюю полезную и безупречную службу». После смерти фельдшерицы выяснилось, что у неё не было «никаких средств» и земство приняло на себя расходы по её погребению. Судя по всему, у А.И. Антоновой не было и родственников, готовых взять на себя это (ГА РТ. Ф. 242. Оп. 1. Д. 2042. Л. 7). 2 февраля 1907 г. умерла акушерка Мария Симашенко, работавшая в Лаишево. При этом в январе того года её перевели на 6-й участок г. Казани, но она не успела даже перебраться из уездного центра в губернский город (ГА РТ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 1973. Л. 4).

Для некоторых девушек работа акушеркой или фельдшерицей была единственной возможностью вырваться из родительского попечения и вести самостоятельную жизнь. Например, фельдшерица Зинаида Тихомирнова, дочь казанского купца, вспоминала, что сначала хотела стать певицей («но отец не отпустил из Казани»), после этого в 1900 г. она поступила в фельдшерскую школу (ГА РТ. Ф. ПЗ0. Д. 2704. Л. 15).

Казанская земская фельдшерская и фельдшерско-акушерская школа открылась в начале XX в. Туда принимались лица старше 16 лет обоего пола, всех сословий и вероисповеданий, окончившие 4 класса государственных (правительственных) общеобразовательных школ. При этом для жителей Казанской губернии предоставлялись существенные льготы: если годовая плата за обучение для них составляла 10 руб., то для жителей других губерний – 40 руб. в год. Фельдшерский курс составлял 3 года, а фельдшерско-акушерский – 4 года (Правила..., 1907: 5–6). Преимущественно «женский» характер этих профессий показывают последующие отчеты учебного заведения. В 1911–1912 учебном году в школе числилось 117 учениц и 26 учеников (Отчет..., 1912: 1). В сословном отношении учились здесь, в основном, женщины из мещан и крестьян – 93 человека. Большинство учениц были незамужними (106 человек), лишь 5 состояли в браке, а 6 являлись вдовами. Среди учащихся преобладали лица в возрасте от 17 до 25 лет, но встречались и те, кому исполнилось 30 лет и старше. Самой старшей ученице был 41 год. Интересен этнический состав учащихся. Кроме русского большинства, эту профессию стремились получить в Казани в 1911 г. четыре еврейки, три чувашки, две полячки, немка и шведка (Отчет..., 1912: 2).

«В фельдшерской школе я близко столкнулась с нуждой большинства учащихся, а также узнала, что среди нас были работники партии РСДРП», – вспоминала З. Тихомирнова уже в советское время (ГА РТ. Ф. П30. Д. 3. Д. 2704. Л. 15). Она сама выросла в богатой купеческой семье и эти проблемы не были ей знакомы. Профессия фельдшерицы не стала для нее возможностью заработка, в отличие от многих её сокурсниц. Вплоть до 1917 г. Зинаида училась на частных женских курсах, позднее работала врачом в системе Наркомздрава (ГА РТ. Ф. П30. Д. 3. Д. 2704. Л. 27об.).

Но для большинства девушек и женщин акушерство, действительно, стало источником дохода. Обрести «почву под ногами» таким образом стремились, прежде всего, девушки из небогатых семей, не имевшие родителей. Например, в 1903 г. свидетельство Повивального института Казанского университета получила Мария Лаврова. Она была приемной дочерью вдовы мелкого служащего (коллежского асессора). Сразу после успешного окончания учебного заведения молодая девушка устроилась акушеркой в 6-ой участок г. Казани (ГА РТ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 1973. Л. 1, 4). Даже по рекламным объявлениям рубежа XIX–XX вв. в провинциальной прессе можно увидеть насколько большим спросом пользовались акушерские услуги (особенно анонимные роды). Реклама такого рода регулярно появлялась на страницах газет «Казанский телеграф», «Камско-Волжская речь» и других периодических изданий (Казанский..., 1895; Камско-Волжская..., 1913).

К этому времени казанскими врачами Бузуновым, Захарьевским, Климовичем, Клячкиным, Кривоносовым, Лурия была учреждена частная женская фельдшерско-акушерская школа. Каждая ученица должна была провести не менее 20 самостоятельных приемов (Устав..., 1912: 2). Обучение в частной школе было значительно дороже, чем в земской. Вероятно, поэтому, для подтверждения платежеспособности в правилах было примечание о том, что абитуриентки должны внести залог в размере 25 руб. Плата за обучение в этой школе составляла 100 руб. в год (Правила..., 1910: 1–2).

Профессию фельдшериц-акушеров выбирали и представительницы благородных семейств, причем не только из разорившихся дворян. Например, в Полянской земской больнице, почти сразу после кончины Т.П. Рахмановой, в июле 1902 г. была трудоустроена Татьяна Сергеевна Геркен. Она была дочерью местной помещицы Любови Павловны Геркен, родовое имение которой находилось в с. Ромодан Спасского уезда. Претендентка летом 1902 г. окончила Казанскую фельдшерскую школу и сразу же была принята на работу в Спасское уездное земство Казанской губернии (ГА РТ. Ф. 242. Оп. 1. Д. 2043. Л. 3, 6).

Этноконфессиональная специфика в работе фельдшериц-акушеров

Казанская губерния, как и сопредельные территории, отличались полиэтничным составом населения. Такая специфика влияла на работу местной медицинской службы. Так, нерусские пациенты не всегда доверяли русскоговорящим медикам. В таких условиях важной была не только подготовка собствен-

ных кадров, но и гендерный подход. Пациентки-татарки чаще обращались к женщинам-медикам, поэтому фельдшерицы-акушерки были особенно востребованы в этой среде. Это подтверждает приведенный выше случай Е.И. Карасинской и А.И. Филипповой. Встречались даже ситуации, когда акушерка оказывалась единственным близким человеком для бывшей пациентки. Например, в 1902 г. в Казани купеческая жена Гайша Апанаева обратилась за помощью к акушерке Н. Нелидовой, когда нетрезвый супруг выгнал её из дома с младенцем на руках. Позднее акушерка выступила в качестве свидетеля при бракоразводном процессе Апанаевых (Габдрафикова, 2013: 327).

Способность фельдшерицы или акушерки работать в инородческой среде (среди татар, чувашей и др.) обычно подчеркивалась особо. Это учитывалось и при назначении им пенсии по выслуге лет (Татарские селения..., 2021: 232). Приветствовались и медики из числа татарок. Например, в Мензелинском уезде Уфимской губернии в 1907 г. высоко оценили работу М.С. Резяповой во время эпидемии цинги. Участковый врач отмечал в отчете «её татарское происхождение и её язык, родственный больным», которые вместе с «её приветливым отношением» способствовали особой любви пациентов (Татарские селения..., 2021: 238). Вместе с тем, появившиеся на рубеже XIX–XX вв. медицинские работники-татарки воспринимались мусульманским населением не всегда однозначно. Например, по словам врача А. Сухарева, в Казанском уезде мало кто доверял акушерке-татарке. Для русского населения медицинского участка было неприлично видеть акушерку-мусульманку, а сами татары не одобряли профессиональную деятельность незамужней женщины (Габдрафикова, 2013: 304). Показательно и то, что упомянутая выше М.С. Резяпова еще в 1907 г. работала лишь временно и только в период эпидемии в качестве сестры милосердия. Между тем Резяпова Марьям Мирсаидовна с 1902 г. училась на Санкт-Петербургских медицинских курсах (Биктимирова, 2011: 167). Поэтому она могла бы как выпускница профильного учебного заведения занимать и более высокую профессиональную позицию. Однако такая возможность для неё открылась лишь после начала Первой мировой войны: с 1914 по 1925 гг. М.М.-С. Резяпова заведовала Кармаскалинской земской больницей в Уфимском уезде. В целом, если обратить внимание на опыт первых женщин-врачей из татарок (Разия Кутлюярова-Сулейманова, Суфия Кулахметова-Агеева, Рукия Губеева-Кутлубаева) профессиональную деятельность они осуществляли, будучи либо замужними женщинами, либо вдовами. Вероятно, такой социальный статус вызывал большую лояльность у традиционной части татарского сообщества.

В начале XX в. с развитием земской медицины образованные и состоятельные татарские семьи все чаще прибегали к помощи медиков, в том числе акушерок. В 1912 г. по инициативе Мусульманского благотворительного общества Казани открылось родовспомогательное лечебное учреждение для мусульманок (татарок). Открытие мусульманского роддома (*вилядатхана* на татарской книжной лексике начала XX в.) было встречено образованными татарками положительно. В 1913 г. известная вероучительница из Казани Магруй

Музаффария отмечала, что в учреждении работают грамотные акушерки, и женщины теперь больше полагаются на них, нежели на традиционных повитух (Габдрафикова, 2025: 57).

Накануне 1917 г. в фельдшерско-акушерской службе были задействованы десятки татарок. Их стало еще больше в первые годы советской власти: среди них была Амина Валиулловна Алимбек. Её профессиональная деятельность любопытна тем, что она была задействована в становлении дипломатической миссии Советской России в Саудовской Аравии. Как акушерку-мусульманку её пригласили на работу в больницу г. Рияд, а также для медицинского надзора за пациентками из дворца саудовского короля (Таиров, 2008: 283–285).

* * *

Изучение архивных и других материалов, связанных с жизнью фельдшериц и акушеров Казанской губернии, показывает, что данная профессиональная область имела тогда свои особенности. Самостоятельность таких женщин была вызовом для общества и власти. Ассоциирование (иногда небезосновательное) земских медиков с нелегальными кружками и партиями осложняло, прежде всего, жизнь работающих женщин – любые их высказывания и действия могли быть интерпретированы в негативном ключе. Все это приводило к некоторому оттоку женщин из сферы медицины в пореформенный период. Между тем к началу XX в. экономическая выгода от такой трудовой деятельности привлекала все больше женщин из разных социальных групп. Женщины таким образом реализовали свое стремление к эмансипации.

Хотя трудовая деятельность женщин на рубеже XIX–XX вв. была явлением достаточно новым и продолжало господствовать общее отношение к ним как к исключительно хранительнице семейного очага, в общественном сознании стали постепенно происходить изменения. Случай с фельдшерицей-акушеркой А.И. Филипповой показывает, что земство могло постоять за права женского персонала.

Определенное влияние на становление акушерской профессии в Российской империи оказывала этноконфессиональная специфика населения. Неслучайно первая женщина-врач В.А. Кашеварова-Руднева начинала свой путь в качестве акушерки среди мусульманок Оренбургской губернии. Фельдшерицы-акушерки были особенно востребованы среди татарок Казанской губернии. В начале XX в. эту профессию выбирали и сами татарки-мусульманки. В их среде чаще всего встречались замужние женщины. Такой социальный статус, судя по всему, вызывал большее доверие в традиционном сообществе.

Несмотря на различные трудности в конце XIX – начале XX в. акушерки и фельдшерицы стали обыденным явлением, расширяя возможности для развития самих женщин и социума в целом.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests.

ИСТОЧНИКИ

ГА РТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2496.

ГА РТ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 1973.

ГА РТ. Ф. 242. Оп. 1. Д. 2042.

ГА РТ. Ф. 242. Оп. 1. Д. 2043.

ГА РТ. Ф. 242. Оп. 1. Д. 2052.

ГА РТ. Ф. П30. Оп. 3. Д. 2704.

ГА РТ. Ф.1. Оп.3. Д.7054.

ГА РТ. Ф.1. Оп. 3. Д. 7242.

Журналы XVI очередного Тетюшского уездного земского собрания, состоявшегося 25–28 сентября 1880 г. Казань: тип. Губ. правл., 1881.

Казанская частная женская гимназия с профессиональным отделением Л.П. Шумковой с 1871 по 1910 г. Казань: Центральная типография, 1910.

Казанский телеграф. 1895. №656. 2 апреля.

Камско-Волжская речь. 1913. №100. 7 мая.

Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства в 1867/1868 г. Казань: Губ. тип., (б.г.), 1868.

Отчет Педагогического Совета о состоянии Казанской Земской Фельдшерско-акушерской школы за 1911–1912 учебный год. Казань, 1912.

Памятная книжка Казанской губернии за 1889 – 1890 гг. Казань: тип. Губ. правл., 1890. – 317 с.

Правила для учащихся Казанской земской фельдшерской и фельдшерско-акушерской школы. Казань: Типо-литография Окружного Штаба, 1907.

Правила и сведения для учащихся Казанской частной женской фельдшерской школы. Казань: тип. Губ. правл., 1910.

Устав Казанской частной женской фельдшерско-акушерской школы. Казань: тип. Губ. правл., 1912.

ЛИТЕРАТУРА

Биктимирова Т.А. Ступени образования до Сорбонны. Казань: Татарское книжное издательство, 2011.

Валеева Н.Г. Чистопольское уездное земство Казанской губернии (1865–1914 гг.): историко-краеведческое исследование. М.: Перо, 2019.

Габдрафикова Л.Р. Повседневная жизнь городских татар в условиях буржуазных преобразований второй половины XIX – начала XX века. Казань: Институт истории АН РТ, 2013.

Габдрафикова Л.Р. Татарская женщина на рубеже XIX–XX вв.: традиции и новации в уходе за детьми // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2025. Т.15. №1. С. 55–67. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-1.55-67>

Миронова Е.В. Медицинские работники и служащие Лаишевского земства // Историческая этнология. 2020. Т. 5. № 1. С. 110–127. <https://doi.org/10.22378/he.2020-5-1.110-127>

Мицюк Н.А., Пушкарева Н.Л., Белова А.В. Человек рождающий: История родильной культуры в России Нового времени. М.: Новое литературное обозрение, 2022.

Мицюк Н.А., Белова А.В. Акушерский труд как первая официальная профессия женщин в России в XVIII – начале XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 2. С. 270–285. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-2-270-285>

Мицюк Н.А., Пушкарева Н.Л. От повивального искусства к акушерской науке: анализ акушерской литературы, изданной в России в 1760–1860 гг. // Вестник Смоленской государственной медицинской академии. 2017. Т. 16. №3. С. 151–164.

Пиетров-Эннкер Б. «Новые люди» России. Развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции / пер. с нем. Ю.П. Шаттона; ред. М.П. Мохначевой. М.: РГГУ, 2005.

Саматова Ч.Х., Ибрагимов Р.Р. Становление и развитие земской медицины в Лайшевском уезде Казанской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // Гасырлар авазы = Эхо веков. 2016. №3/4. С. 260–268.

Таиров Н.И., Таиров И.Н. Амина Валиулловна Алимбек // Гасырлар авазы = Эхо веков. 2008. №1. С. 283–285.

Фуко М. Рождение клиники / пер. с фр. А.Ш. Тхостова. М.: Академический проект, 2010.

Энгель Б. Женщины в России. 1700–2000 / пер. с англ. О. Полей. СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2023.

REFERENCES

Biktimirova T.A. (2011) *Educational stages before the Sorbonne*. Kazan: Tatar Book Publ. House. (In Russ.)

Engel B. (2023) *Women in Russia: 1700–2000*. Transl. from English by O. Poley. St. Petersburg: Academic Studies Press / Bibliorossika Publ. (In Russ.)

Foucault M. (2010) *The birth of the clinic: An archeology of medical perception*. Transl. from French by A.Sh. Tkhostov. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ. (In Russ.)

Gabdrāfikova L.R. (2013) *Everyday life of urban Tatars in the conditions of bourgeois transformations of the second half of the 19th – early 20th centuries*. Kazan RT AS Marjani Institute of History Publ. (In Russ.)

Gabdrāfikova L.R. (2025) Tatar woman at the turn of the 19th–20th centuries: traditions and innovations in childcare. *Iz istorii i kul'tury narodov Srednego Povolzh'ya* [From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region]. Vol. 15. No. 1: 55–67. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-1.55-67>. (In Russ.)

Mironova E.V. (2020) Medical workers and employees of the Laishevsky zemstvo. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 5. No 1: 110–127. <https://doi.org/10.22378/he.2020-5-1.110-127>. (In Russ.)

Mitsyuk N.A., Belova A.V. (2021) Obstetric work as the first official profession of women in Russia in the 18th – early 20th centuries. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii* [RUDN Journal of Russian History]. Vol. 20. No. 2: 270–285. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-2-270-285>. (In Russ.)

Mitsyuk N.A., Pushkareva N.L. (2017) From midwifery to obstetric science: analysis of obstetric literature published in Russia in 1760–1860. *Vestnik Smolenskoy gosudarstvennoy meditsinskoy akademii* [Vestnik of the Smolensk State Medical Academy]. Vol. 16. No. 3: 151–164. (In Russ.)

Mitsyuk N.A., Pushkareva N.L., Belova A.V. (2022) *The man giving birth: the history of maternity culture in modern Russia*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ. (In Russ.)

Petrov-Ennker B. (2005) *New people of Russia. The development of the women's movement from its origins to the October Revolution*. Transl. from German by Yu.P. Shatton; ed. by M.P. Mokhnacheva. Moscow: RGGU Publ. (In Russ.)

Samatova Ch.Kh., Ibragimov R.R. (2016) The formation and development of zemstvo medicine in the Laishevsky district of the Kazan province in the second half of the 19th – early 20th centuries.). *Gasyrlar avazy = Ekho vekov* [Echo of Centuries]. No. 3/4: 260–268. (In Russ.)

Tairov N.I., Tairov I.N. (2008) Amina Valiullova Alimbek. *Gasyrlar avazy = Ekho vekov*. [Echo of Centuries]. No. 1: 283–285. (In Russ.)

Valeeva N.G. (2019) *Chistopol district zemstvo of the Kazan province (1865–1914): historical and local history research*. Moscow: Pero Publ. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Габдрафикова Лилия Рамилевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0002-9940-9097>; e-mail: bahetem@mail.ru

Миронова Елена Валерьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0003-2818-8490>; e-mail: Yelena.Mironova@yandex.ru

About the authors:

Liliya R. Gabdrifikova, Doctor Sc. (History), Chief Research Fellow of the Department of Modern History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7 Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0002-9940-9097>; e-mail: bahetem@mail.ru

Elena V. Mironova, Cand. Sc. (History), Senior Research Fellow of the Department of Modern History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7 Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0003-2818-8490>; e-mail: Yelena.Mironova@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 1.06.2025

Доработана после рецензирования / Revised 15.08.2025

Принята к публикации / Accepted 24.10.2025

Обработка документов / Processing papers
<https://doi.org/10.22378/he.2025-10-4.592-606>

EDN: NEKSUA

Государственная регламентация регистрации брака и проведения свадебной обрядности у татар в середине 1970-х годов: свидетельство одного документа

Г.Ф. Габдрахманова

*Институт истории им. Ш.Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
medi54375@mail.ru*

Резюме. В архиве отдела этнологических исследований Института истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан обнаружен документ о том, как в середине 1970-х гг. в Татарской АССР осуществлялось государственное управление традиционной духовной культурой татарского народа. Источник представляет собой рекомендации по заключению и регистрации брака, проведению свадебной обрядности. Они были подготовлены Р.К. Уразмановой, старшим научным сотрудником Института языка, литературы и истории им. Г.Ибрагимова Казанского филиала Академии наук СССР, кандидатом исторических наук. Материалы были изданы в 1977 г. отделом записи актов гражданского состояния Совета Министров Татарской АССР заданию Совета Министров Татарской АССР (Постановление № 228 «О состоянии работы по внедрению новых гражданских обычаев в быт Татарской АССР и мерах по их совершенствованию» от 7 апреля 1976 г.). Брошюра является библиографической редкостью и представляет собой ценное свидетельство о советской национальной политике. Документ раскрывает как органы советской власти стремились изменить традиционный комплекс свадебной обрядности. Некоторые из обычаев и обрядов осуждались, высмеивались, другие поощрялись и обрастали новыми смыслами. Самой поощряемой частью свадьбы являлась официальная регистрация брака. Сценарий ее проведения стал основной частью рекомендаций партийных органов ТАССР. Он дает богатую информацию о том, как в советское время изменялась культура свадьбы у татарского населения.

Ключевые слова: татары, традиционная духовная культура, брак, семья, свадьба, государственная национальная политика.

Для цитирования: Габдрахманова Г.Ф. Государственная регламентация заключения брака и проведения свадебной обрядности у татар в середине 1970-х годов: свидетельство одного документа. *Историческая этнология*. 2025. Т. 10. № 4. С. 592–606. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-4.592-606> EDN: NEKSUA

State regulation of marriage registration and wedding ceremonies among Tatars in the mid-1970s: evidence from a single document

G.F. Gabdrakhmanova

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

Kazan, Russian Federation

medi54375@mail.ru

Abstract. A document describing how state governance of the traditional spiritual culture of the Tatar people was implemented in the mid-1970s in the Tatar ASSR was discovered in the archives of the Ethnological Research Department of Sh. Marjani Institute of History of the Republic of Tatarstan Academy of Sciences. It contains recommendations on the conclusion and registration of marriages and the conduct of wedding ceremonies. They were prepared by R.K. Urazmanova, a senior researcher at G. Ibragimov Institute of Language, Literature, and History of the Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences and Candidate of Historical Sciences. The materials were published in 1977 by the Civil Registry Department of the Council of Ministers of the Tatar ASSR, pursuant to the instructions of the Council of Ministers of the Tatar ASSR (Resolution No. 228 “On the status of work on the introduction of new civil customs into everyday life in the Tatar ASSR and measures for their improvement” dated April 7, 1976). This brochure is a bibliographic rarity and a valuable source on the Soviet nationality policy. It reveals how Soviet authorities sought to change the traditional complex of wedding rituals. Some customs and rites were condemned and ridiculed, while others were encouraged and imbued with new meanings. The most encouraged aspect of the wedding was the official registration of the marriage. Its script became a key component of the recommendations of the party organs of the Tatar ASSR. It provides a wealth of information on how wedding culture changed among the republic’s Tatar population during the Soviet era.

Keywords: Tatars, traditional spiritual culture, marriage, family, wedding, state national policy.

For citation: Gabdrakhmanova G.F. (2025) State regulation of marriage registration and wedding ceremonies among Tatars in the mid-1970s: evidence from a single document. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 10. No. 4: 592–606. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-4.592-606> (In Russ., Tat.)

Свадебная обрядность представляет собой сложную систему обычаев и обрядов, на которую влияет целый комплекс причин исторического, социально-политического и правового характера, особенности развития этнической общности и бытующих в ее среде религиозных воззрений. Известно, что при всей вариативности свадьбы у разных этнических (субэтнических) групп татар со специфичными комплексами и нередко характерной для конкретной общности терминологией обрядов, структурообразующие элементы были едиными для всего народа (Уразманова, 2014: 90).

Коренные социально-экономические преобразования в СССР предопределили существенные изменения в обрядах и праздниках народов страны, но наиболее значительные трансформации коснулись свадьбы. Выделяется три этапа перестройки свадьбы у татар в советское время: 20-е годы, с начала 30-х

до 60-х годов и с начала 60-х годов до 90-х годов XX столетия (Уразманова, 2014: 106). Все они характеризуются тем, что свадьба стала частью государственной национальной политики. На третьем этапе «основой для государственного регулирования брачной обрядности стало принятое Советом Министров РСФСР Постановление 1964 г. (Постановление Совета Министров РСФСР №203 «О внедрении в быт советских людей новых гражданских обрядов» от 18.02.1964 г. – прим. авт.), направленного на борьбу с религиозными суевериями путем внедрения в социуме новых гражданских праздников и обрядов с целью «воспитания советского патриотизма, коммунистического отношения к труду», а также укрепления семейных ценностей» (Ханипова, 2024: 186). Продолжением работы партийных органов уровня РСФСР стала деятельность региональных органов государственной власти. Ее ярким свидетельством является найденный документ – подготовленные в соответствии с Постановлением № 228 «О состоянии работы по внедрению новых гражданских обычаев в быт Татарской АССР и мерах по их совершенствованию» (от 7 апреля 1976 г.) рекомендации по проведению свадьбы среди татарского населения ТАССР. Работа по их подготовке была проведена отделом записи актов гражданского состояния Совета Министров Татарской АССР, по заданию Совета Министров Татарской АССР и при участии Р.К. Уразмановой, старшего научного сотрудника Института языка, литературы и истории им. Г.Ибрагимова Казанского филиала Академии наук СССР, кандидата исторических наук. Публикуемый материал раскрывает процесс изменения свадебного комплекса у татар в 1970-е годы, появления в нем новых обрядов и элементов. Он показывает образ «правильной свадьбы», который внедрялся в это время в сознание татар.

ТАТАРСТАН АССР МИНИСТРЛАР СОВЕТЫНЫҢ ЗАГС БУЛЕГЕ
Өйләнешү, никахны теркәү һәм туй йолалары буенча кайбер киңәшләр
Казан 1977

Бу тәкъдимнәрне, Татарстан АССР Министрлар Советының “Татарстан АССРда яңа гражданлык йолаларын көнкүрешкә кертү эшенең торышы һәм аны яхшырту чаралары турында» 1976 ел 7 апрельдәге 228 нче карарына туры китереп, Татарстан АССР Министрлар Советының Гражданлык хәле актларын теркәү бүлегенә чыгара.

Тәкъдимнәрне СССР Фәннәр академиясе Казан филиалының Г.Ибраһимов исемендәге тел, әдәбият һәм тарих институтының өлкән гыйльми сотруднигы, тарих фәннәре кандидаты Р.К.Уразманова әзерләде.

§ 1. Өйләнешү йолалары

Өйләнешү, кияүгә чыгу – һәр кешенең тормышында бик әһәмиятле, тирән эз калдыра торган вакыйга. Иң элек, ул ике сөйгән йөрәкнең бергә тормыш башлап жибәрүе. Ләкин бу вакыйга аларның ата-аналарын, туган-тумачаларын

да игътибарсыз калдырмый. Хөкүмәтебезне дә яңа гаилә барлыкка килүе кызыксындыра.

Билгеле булганча, өйләнешүнең үз тәртибе, кагыйдәләре, гадәтләре, йолалары бар. Алар башка йолалар кебек үк үзгәрәп тора. Урта буын кешеләре алдында гына да, өлкәннәр турында әйтсә дә юк, өйләнешү йолалары, туй үткәрү гадәтләре зур үзгәрешләр кичерде. Аларның асылы нидән гыйбарәт?

Иң беренче өйләнешү йоласын башлап жибәрүче димләүне алырк.

Бу гасыр башында гына да әле өйләндерү, кыз бирү күбесенчә димләп үткәрелгән. Ул чорда кыз белән егет туйга кадәр бер-берсен еш кына белмәгәннәр дә. Ата-аналары, туганнары үзара килешеп хәл иткәннәр моны. Кайчак яшьләрнең, бигрәк тә кызның ризалыгын сорап та тормаганнар.

Революциядән соң, дөресрәге, егерменче еллар азагында “ябышып чыгу” киң таралган. Билгеле, моның үзенә күрә сәбәбе дә бар. Шул чордагы экономик авырлыкка бәйле булган ул. Чөнки димләп бирү билгеле бер дәрәжәдә материал чыгымнар таләп итә: туй, кунак-төшем, күп санлы бүләкләр алу һ.б. Ә инде “ябышып чыкканда” туй чыгымнары күпкә кими – туйны кияү өендә генә, бик зурламый гына үткәргәннәр. Бүләкләр дә артык күп булмаган. Экономик сәбәпләрдән тыш шуны да истә тотарга кирәк: гомумән, ул еллар революцион үзгәрешләр нәтижәсендә яшьләрнең иске горейф-гадәтләргә буйсынмавы, алар урынына яңа революцион традицияләр барлыкка китерергә тырышулары белән характерлана. “Кызыл туй”ның тууы нәкъ шул елларга туры килә. Болардан тыш, “Ябышып чыгу”ның киң таралуында ата-анасының кайбер яшьләрне көчләп кияүгә бирүе дә сәбәпче булган.

“Ябышып чыгу”, икенче төрле әйтсәк, кызның ата-анасы ризалыгын сорамай гына кияүгә чыгуы, 1960 еллар азагына кадәр дәвам итте. Хәер, киң таралгач, гадәткә кергәч, “ябышып чыгу” сүзе онытыла да башлады. Бу “кичә фәлән кыз кияүгә чыккан икән”, дип әйтүгә кайтып калды. Ләкин тормыш яхшыра барган саен, ашык-пошык өйләнүләр яшьләрдә дә, олыларда да канәгатьсезлек тудыра башлады. Әкрәнләп, яңадан димләү гадәте тормышта урын алды. Ләкин димләүнең мәгънәсе хәзер бөтенләй башка. Белмәгән егеткә кызның ризалыгын сорамай-нитми генә, көчләп кияүгә бирү, яки калым-мәһәр килешү турында сүз булуы да мөмкин түгел. Күбесенчә, бу бары тик кызның ата-анасының ризалыгын сораудан гына гыйбарәт. Димче булып еш кына берәр туганы белән егет үзе бара. Ул килешеп кайткач, ата-анасы барып, буласы кодалар белән яхшырак танышып, туйны ничегрәк һәм кайчан үткәрү турында вәгъдәләшә. Безнеңчә, бу бик күркәм, һәм бер үк вакытта бик кирәкле дә гадәт. Ләкин республиканың кайбер районнарында “ябышып чыгу” да әле бетмәгән.

Хәзерге чорда болай кияүгә чыгу гадәте белән килешеп булмый. Ни өчен дисәк, кызны үстергән ата-ана хөрмәт урынына, яшьләрнең шундый ваемсыз, битараф булуларын күргәч, бик авыр хәлдә кала: сыкрана, жәберләнә. Әлбәттә, ата-ана йөрәге гафу итүчән: алар тора-бара килешәләр, күнәләр. Ә башкача нишләмәсеннәр соң? Әмма, барыбер, ата-ана күңелендә ризасызлык, канәгатьсезлек тойгысы кала. Гадәттә егет кешенең бүген кыз алып кайтачагын аның

туганнары белеп тора. Ата-анасы олы яшьтә, бай тормыш тәжрибәсе булуга карамастан, кыз ягын кисәтү хакында уйламыйлар.

Нишләп соң алдан эзерләнеп, жыенып, борынгы гадәтнең яхшы якларын искә алып, егет үзе, яки аның кеме дә булса кызны сорап бармаса? Барыбер иртәгәсен алар тарафыннан: “Кызыгыз бездә”, – дип белдерелә бит. Туганлашасы кешеләр булгач, алдан ук бер-береңне яхшырак белеп, аралашып торсаң, киләчәк мөнәсәбәтләр дә, һичшиксез, шомарак булыр иде. Кызларның ашыгулары да урынлы микән? “Ашыккан-ашка пешкән” дигән мәкальне халык белми әйтмәгәндер. Моны онытмау шарт. Гомумән, туйга кадәр халык һәм дәүләт алдында законлаштырылмый гына яшә кияү белән кәләшнәң бергә тора башлавы беркайчан да булмаган. Чынлап та, бергә тора башлагач, тормыш мәшәкәтләренә чумгач, туйның кирәгә дә шул гына бит.

Кияүгә “ябышып чыгу” гадәте сакланып килә торган авылларда моны игътибарсыз калдыру дәрәс түгел. Бу хакта халык арасында аңлату эше алып барырга кирәк, чөнки законга да сыймый торган хәл бу.

Биредә өйләнешүгә караган икенче мәсьәләгә тукталу урынлы.

Совет хөкүмәте, хатын-кызларның хокукларын яклап, язылышуны үз кулына алды.

Рәсми төстә расланган никах кына дәрәс, законлы санала. Соңгы елларда кертелгән гаилә төзү һәм никах турындагы яңа закон буенча, язылышырга гариза биргәч, яшьләр бер ай көтеп торырга тиеш. Бу үзенчәлек гаилә коруга житди караш йөзеннән, яшьләр бер-берсен һәм туганнарын яхшырак белсеннәр, дигән максаттан чыгып кертелде. Шунның белән бергә, язылышу тәртибен тантаналы итеп үткәрү дә таләп ителә, чөнки яңа совет гаиләсенә барлыкка килүе дәүләт күләмендә дә әһәмиятле, хуплап алына торган вакыйга.

Тантаналы итеп никахлашу нәрсәдән гыйбарәт соң? Беренчедән, аны үткәрү өчен аерым шартлар тудырылу кирәк. Жирле Советларның башкарма комитетлары житәкчеләре тантаналы язылышу өчен кирәкле шартлар тудыру ул – житәкчеләрнең рәхимлеләге һәм киң күңеллеләге генә түгел, ә бәлки РСФСР Министрлар Советының карарын үтәү дә икәннен истә тотарга тиешләр. Әлегә карарда болай диелгән: “Автономияле республикаларның Министрлар Советлары, край, өлкә Советлары башкарма комитетлары яңа гражданлык йолаларын тормышка кертү өчен, уңайлы биналар, жиһазлар булдыру, шушы максатларда культура йорты һәм Культура сарайлары, клублар, театр биналары һәм утырыш залларын биреп торы юлы белән ЗАГС органнарына кирәкле шартларны булдырырга тиешләр”.

Шул ук фикер Татарстан АССР Министрлар Советының 1976 ел 7 апрельдәге № 228 карарында да әйтелгән.

Соңгы вакытта республика шәһәрләрендәге ЗАГС биналарын ямьләндерүгә, аларны жиһазлауга аеруча игътибар бирелә башлады. Авылларда да бу юнәлештә беренче адымнар ясала.

Аерым шартлар тудыру – ул, яраклы бина хәзерләү белән бергә, язылышунның үзен дә билгеле бер тәртиптә үткәрү дигән сүз.

Ләкин күп кенә күзәтүләр һәм төрле районнардан Татарстан АССР Министрлар Советы каршындагы ЗАГС бүлегенә жиһәрелгән берничә еллык мәгълүматларны жентекләп өйрәнү тантаналы никахлашу йоласының бездә әле житәрлек дәрәжәдә аныклап житкерелмәгәнлеген күрсәтә.

Йолаларны өйрәнү, күзәтүләр күрсәткәнчә, язылышуны чын мәгънәсендә тантаналы итеп үткәрү өчен түбәндәгеләрне истә тоту урынлы.

1. Авыл Советы бинасында бүлмәләр кечкенә, кысан булса, һәр парның язылышуын үткәрер өчен клублардан файдалану шарт. Ә бит еш кына язылышуда берничә пар берьюлы катнашсын дип тырышалар. Авыл жирендә бу гел булып тормый. Бер генә пар булгач, язылышуны клубта үткәрү белән мәшәкәтләнә тормыйлар. Бу дәрәжә түгел. Кайберәүләр өчен никахлашуны зур тантана ясап үткәрү, ә икенче кешеләрне игътибарсыз калдыру соңгыларын үпкәләтүе мөмкин. Яңа гадәт кертергә тырышканда, бу моментны беркайчан да онытырга ярамый. Гадәт булгач, ул бөтен кешегә дә кагылырга тиеш.

Кайбер авылларда клуб бинасының бүгенге таләпләргә җавап биреп житкермәве мөмкин. Андый очракларда авыл Советы бинасында тантаналы язылышу үткәрер өчен мөмкин кадәр уңай шартлар тудыру турында кайгырту кирәк. Ул шартлар нәрсәдән гыйбарәт соң? Тантаналы никахлашу үткәрелә торган урын кирәкле дәрәжәдә жиһазланган булсын. Иң элек сүз яраклы мебель – матур өстәл, житәрлек күләмдә матур урындыклар, аяк астына җәеп куярдай келәм, я юллык-жәймә булдыру турында бара. Ул бинада кирәгенчә яктылык булдыру әһәмиятле. Стеналар шып-шыр буш булса – күңелсез. Бүлмәсенә карап, я рәсем, портрет, ТАССР гербынан барельеф булдыру – бик урынлы. Чәчәксез тантана мөмкин түгел. Моны бөтенесе дә аңлый. Кайбер авыл Советларында тантаналы язылышу үткәргәндә чыгарып куяр өчен пластмасса, яки мамык, эффектән ясаган чәчәкләрне алып вазага утыртып куялар. Моның белән килешеп булмый, чөнки ясалма чәчәк, нинди генә матур булса да, ясалма инде ул. Ә гөрләп торган тантананы ясалма әйбер бизи алмый.

Татар авылларында һәрбер йортта диярлек төрледән-төрле гөлләр үсә. Ел буе чәчәк атып утыручы гөлләр дә шактый. Ни өчен соң аларның иң матурларын авыл Советы биналарында үстөрмәскә?

Кышын, чәчәк таппаган чагында берәр яшел үсенте, яки нарат, чыршы ботагы яшьләр кулында бик матур булып тора.

2. Гариза бирергә килгән яшьләргә булачак язылышу тәртибен аңлату, кайбер киңәшләр тәкъдим итү зарар итмәс. Шуңа икән:

а/ кайчан һәм кайда язылышу үткәреләчәк;

б/ язылышу вакытында ике шаһит булу шарт. Башка дуслар, туганнар, хезмәттәшләр килгән хәлдә тантана күңеллерәк була. Шуны да әйтергә кирәк, никахлашуга яшьләрнең ата-аналары да килә башлады. Бу, безнеңчә, бик уңай күренеш. Мондый җаваплы минутларда ата-ананың катнашуы бу вакыйганың әһәмиятен күтәрә.

Тантаналы язылышу була дип белдерү элөп кую яки радио аша игълан итү – артык эш, чөнки тантаналы язылышу – мәзәк, концерт түгел. Ә менә авыл

Советы секретареның гариза бирүче яшьләргә булачак тантаналы никахлашуга чакырып откыртка жиберүе әйбәт була. Ата-аналарын чакыру да урынлы. Ә яшьләр үзләре авыл Советы секретареннан, яки почтадан сатып алынган чакыру откырткаларын үз дусларына һәм туганнарына тантаналы язылышуга чакырып, көнен, сәгатен әйтеп, тараталар;

в/ киём турында кисәтеп куюның кирәге юктыр, чөнки хәзер яшьләр аны үзләре белеп эшли. Ләкин район үзәгендә яки башка урында яшьләр өчен махсус кибет, яки ателье эшләсә – моны тәкъдим итәргә кирәк. Яшь кәләшнән күлмәгә ак кына булу мәжбүри түгел икәнлеген истә тоту да зыян итмәс. Алсу, күк, хәтта кызыл төснә дә модельләр тәкъдим итә башладылар – үзәң килешкән төснә сайла! Хәер, махсус ак туй күлмәгә татар халкы өчен борынгыдан ук хас түгел. Ә менә матур калфак кыз йөзен бизәп, ачып кына жиберер иде;

г/ соңгы елларда тантаналы никахлашуга, ара якын булса да, машина белән килергә тырышалар. Машиналарны ленталар, чәчәкләр белән бизиләр. Машиналарга курчаклар утыртып кую, шарлар тагу, машинаны ленталарга төреп бетерү – артык эш. Ә нигә атларны бизәп, кыңгыраулар тагып килмәскә? Авыл жирендә торып та мондый гажәеп матур, дулкынландыргыч күренештән үзәңне мэхрүм итү кирәк микән?

д/ матур күренешләрнән тагын берсе – тантаналы язылышудан соң яшьләрнән Гражданнар яки Бөек Ватан сугышында һәлак булган якташлары һәйкәленә чәчәк куюы. Бу – яшьләрнән аларга рәхмәт билгесе. Моның шәһәрләрдә, район үзәкләрендә киң таралуын әйтергә кирәк. Ләкин әлеге күркәм күренеш авыл жирендә сирәк очрый. Шунның өчен яшьләр гариза бирергә килгәндә үк, булачак тантананың барышын аңлатканда, аларга моның кирәклеген турында киңәш итү бик урынлы;

е/ агач утырту да матур, уңай күренеш. Язылышкан көн генә димәгән. Язын, я көзен, бер көн билгеләп, яңа гаилә коручыларга агач утыртуны тәкъдим итсәң, катнашмаучылар аз булыр иде. Урыны гына кадерле урын булсын. Утырткан агачлар малдан таптатып бетерердәй жирдә генә булмасын;

ж/ тантаналы никахлашу вакытында кайчакта яшьләрне үбештерәләр. Әгерҗе районында, мәсәлән, “Шулай кирәк дип белдек”, диючеләр дә булды. Моның белән килешеп булмый. Чөнки кеше алдында үбешү һәм аны карап тору элек-электән безнән халыкта тыйнаксызлык санала. Мондый «яңа» гадәтне көчләп кертү – бөтенләй кирәкми;

з/ авыл жирендә кайчакта тантаналы язылышу вакытында ук яшьләрнән эшләгән жирләрәннән бүләк бирәләр. Иптәшләре дә кечкенә бүләк китерә /олырагын туйда бүләк итәләр/. Тантаналы язылышу вакытында бүләк бирү кирәкме икән? Хезмәттәшләрнен жылы теләкләр әйтеп тәбрикләүләре – бик җитә. Ә бүләкне гадәттә туйда тапшыралар.

Әгерҗе районының Исәнбай авылында һәм республикабызның башка кайбер авылларында бик күркәм күренеш гадәткә керә бара. Аларда Октябрь бәйрәменә багышланган тантаналы кичәдә шул ел дәвамында яңа гаилә кору-

чыларны сәхнәгә чакырып, чын күңелдән котлыйлар һәм колхоз исеменнән бүләк тапшыралар. Елдан-ел шундый тәртип булгач, яңа гаилә коручылар бу кичәгә алдан ук хәзерләнеп, киенеп-ясаып киләләр. Нинди хөрмәт бит бу!

и/ тантана музыкасыз күңелле булмый. Яшьләрнең үзләре белән ияртеп килгән гармунчы яки баянчыга гына ышанып калулары бик үк дәрәс түгел. Моңы тантаналы никахлашуны оештыручылар кайгыртырга тиеш. Музыка яшьләрне, кунакларны каршы алу моментында, тантананың рәсми өлешендә һәм тәбрикләүләр вакытында яңгырап торсын иде;

к/ тантаналы никахлашуның тагын бер мөһим шарты – өлкәнрәк, дәрәжәле кешеләрнең, гадәттә, авыл Советы депутатларының, яшьләрне тәбрикләве. Аларга булчак тантана турында алдан әйтеп куялар, тантанага, кешесенә карап, үзенәң әйтсә сүзләрен, киңәшләрен эзерләп килсен өчен бу шулай эшләнә;

л/ тантаналы никахлашуны әлегә эшкә җаваплы авыл Советы секретарена гына тапшыру көтелгән нәтиҗәне бирми, әлбәттә. Шуның өчен 1964 елда ук, бу эшкә ярдәм итү йөзеннән, махсус комиссияләр оештыруның кирәклегенә турында РСФСР Министрлар Советының махсус карары чыкты, мондый комиссияләрнең эшләрен әйбәт оештырган очракта – нәтиҗәсә дә күренә. Андый авылларда никахлашуны чын мәгънәсендә тантаналы итеп үткәрәләр. Мисал итеп Аксубай районы Иске Ибрай авылын китереп була. Биредә комиссия җитәкчесе булып күп еллар инде укытучы Тәскирә Саматова эшли. Комиссия 5 кешедән тора. Анда культура, медицина хезмәткәрләре, комсомол секретаре һ.б. актив катнаша.

Авыл Советы бинасы әйбәт, иркен булуга карамастан, никахлашуны еш кына Культура сараенда оештыралар. Авыл халкы бу яңа йоланы яратты. Хәтта яшьләрнең ата-аналары Тәскирә ханымга килеп яшьләргә җиткерәсе фикерләрен, сүзләрен белдереп, язылышу вакытын әйтүен үтенүчеләр дә бар.

§ 2. Тантаналы язылышуның якынча тәртибе

1. Бина бизәү:

Клубта үткәргәндә, лозунглар язып куярга мөмкин. Текстны халык мәкальләреннән алып була.

Залны бизәгәндә милли орнаментлардан киңрәк файдалану зыян итмәс иде. Ә бәлкәм борынгы кызыл башлы сөлгеләр белән бизәргә, бит элек-электән сөлгә – иң кадерле туй бүләкләренең берсе. Ике йөзек туй эмблемасы була ала.

Язылышуның үзен гадәттә сәхнәдә үткәрәләр. Залдан сәхнәгә күтәрелә торган баскычка ук юллык-жәймә жәеп куялар. Сәхнә уртасына – келәм. Сәхнәдә өстәл. Өстәл өстендә букет (елның вакытына карап). Бакча чәчәге булса да, кыр чәчәкләре булса да – букет зур булмасын /уртача күләмдә – гүзәлрәк була/. Чәчәк булмаса – зур булмаган гөл. Чәчәкле булмаса, яшел генә матур гөлләр дә аз түгел. Букетлардан тыш йөзекләренә салып куяр өчен матур савыт куела. Бәлки ваза астына матур итеп чигелгән салфетка салып куярга? Аерым

папкага язылышу китабы, паспортлар, язылышу турында таныклык салынып куелган була.

Сәхнәдә – дүрт урындык бер жирдә – ата-аналар өчен, ике урындык – ике шаһиткә. Калган кунаклар залда утыра.

2. Бинасына карап, яшьләрне каршы алуны алдан уйлап кую яхшы. Һәрхәлдә, ике-өч пар бер көнне язылыша икән, барысын да берьюлы клубка, сәхнәгә чакыру дәрәс түгел, чөнки һәрберсе өчен ул бик зур вакыйга. Кешесенә карап, әйтәсе сүзләр дә үзгә булуы мөмкин. Күмәк тәбрикләү әйбәт түгел. Кунаклар, яшьләр күрсәтелгән сәгатькә киләләр, өске киёмнәрен салып, залга керүгә хәзерләнәләр. Пычрак аяк киеме белән залга керү – күнелсез. Өске киёмнәрен салу өчен кыз белән егеткә аерым бүлмә булса, бигрәк тә әйбәт.

3. Шул ук вакытта залда, яки икенче бер бүлмәдә авыл Советы секретаре тиешле документларны тутыра.

4. Алып баручы башта яшьләрнең эти-әниләрен, шаһитларны һәм башка кунакларны залга чакыра, алар үз урыннарына утырышалар (бу вакытта музыка яңгырау урынлы була).

5. Алар урнашып беткәч, яшьләр керә. Икенче ишектән, үз бүлмәләреннән залга чыгарга мөмкинлек булса, бигрәк тә матур. Тантаналы музыка яңгырый. Барча кунаклар басып яшьләрне каршы ала. Алар жәелгән юллык-жәймә буенча сәхнәгә менәләр һәм келәмгә басалар.

6. Тантаналы язылышуны алып баручының чыгышы бер-берсенә нык бәйләнгән ике өлештән тора. Шуның берсе мәжбүри-зарури (юридик-норматив) өлеше, әйтик, болай яңгырый:

“Хәзер совет социалистик республикалар Союзы гражданны Кәримова Рәмзия Фәйзи кызы белән Исламов Таһир Сәлим улының тантаналы никахлашуын башлыйбыз. Никахлашуны теркәү алдыннан сезгә, хөрмәтле иптәшләр, сорау бирергә рөхсәт итегез.

– Таһир Сәлимович, сез өйләнгегез, икегезнең гаилә коруыгыз турында яхшылап уйладыгызмы?

– Әйе.

– Рәмзия Фәйзиевна, риза булып, үз теләгегез белән тормышка чыгасызмы?

– Әйе.

Ә хәзер, кадерле яшьләр, икегезнең дә ризалыгыгызны раслап язылышу китабына кул куюыгызны сорыйм.

– Сезде, Рәмзия.

– Сезде, Таһир.

– Бу никахны раслап, шаһитларның кул куюларын сорыйм.

РСФСРның никах һәм гаилә кору турындагы Законы нигезендә шаһитлар, туганнар, яқыннар-дуслар янында авыл Советы депутаты каршында һәм үзегезнең теләгегез буенча Сезде ирле-хатынлы дип игълан итәм”.

Икенче өлеше – мәжбүри – юридик булмаган, ирекле рәвештә кыз белән егетне матур итеп, жылы сүзләр белән котлау өлеше. Монда гаилә коруның

жаваплылыгы, бер-беренне хөрмәт итү, саклау, көндәлек тормышта булышу, ягъни бер-береннең кадерен белү турында кыска гына итеп әйтелә.

Тантаналы язылышуны алып баручының котлау сүзе, язылышучыларның кемлегенә карап, шактый үзгә булуы мөмкин. Мәсәлән, түбәндәге тәртиптә дә яңгырый ала:

“Хәзер Кәримова Рәмзия Фәйзи кызы белән Исламов Таһир Сәлим улының тантаналы никахлашуын башлыйбыз.

Хөрмәтле кияү, хөрмәтле кәләш, хөрмәтле кунаклар!

Бүген, кадерле яшьләр, сезнең һәм туганнарыгыз, дусларыгызның ин бәхетле, тантаналы көннәренәң берсе. Сөз яңа гаилә тормышын башлап жибәрәсез, һәм бу көн сезнең күңелегезгә якты, шатлыклы бәйрәм көне булып кереп калсын.

Сөзгә чын йөрәктән зур бәхетләр телибез! Сөзне монда китергән изге хисләр мәңгегә саклансын. Бер-берегезне яратып һәм хөрмәтләп, тормыш юлларыңнан кулга-кул тотынышып барыгыз. Бу көн сезнең өчен күңелле генә түгел, бик җаваплы да. Сөз тормышыгызда житди адым ясыйсыз, үз өстегезгә зур бурычлар аласыз”.

Тантаналы никахлашуның матур йоласы булып яшьләрнең мәңгелек сөю хисләрен һәм бер-берсенә тугърылыклы булуларын белдерә торган балдак алышу гадәте керде.

– Яшьләр, балдакларыгызны бер-берегезгә кигезегез.

– Гаиләгезнең беренче документын – никахлашу таныклыгын сөзгә авыл Советы депутаты иптәш Гәрәев Кәрим ага тапшырыр”.

Депутатның сүзе һәм тәбрикләве озын булмый. Ул, гадәттә, гаилә коруның шәхси тормыш өчен һәм дәүләт өчен булган әһәмияте тарында әйтә. Мәсәлән:

"Хөрмәтле Рәмзия һәм Таһир!

Авил Советы башкарма комитеты исемнен Сөзнең тормышыгызда булган күңелле һәм шатлыклы вакыйга белән чын күңелдән котлыйм. Сөз, яна гына биргән вәгдәләрегездә нык торып, Совет илебөзнең нигезе булып саналган гаилә тормышын матур итеп корып жибәрүегезгә чын күңелдән өметләнеп, ышанып, никахлашу таныклыгын тапшырам.

Бер-берегезне яратыгыз, хөрмәтләгез, тормышыгызда һәм мәхәббәтегездә саф һәм эчкерсөз булыгыз. Илебөзне /Ватаныбызны/, халкыбызны сөегез. Сөзнең гаиләгез лачын кебек балалар үстерер, дип ышанабыз”.

Никахлашуны алып баручы тантаналы дәвам итә.

Шуннан соң яшьләрне эти-әниләре, шаһитлар, башка кунаклар котлый. Әлбәттә, барысы да берьюлы түгел, ә бер-бер артлы. Монда ашыгу урынсыз. Ләкин котлау дигәч тә, ул мәжбүри тәртиптә речъ әйтү түгелдер. Озын теләкләр, тостлар гадәттә туйда әйтелә.

Шул ук югарыда әйтелгән Иске Ибраһим авыл Советында яшьләрне тәбрикләгәндә бик уңай, халык арасында киң таралган туй йоласыннан файдаланалар.

“Бал белән авызланганның теле татлы булып,

Май белән авызланганның теле йомшак булып”, – ди халык.

Шулай бал-май каптырып егет белән кызны котлыйлар. Тантаналы язылышу дәвам итә.

“Кадерле Рәмзия һәм Таһир! Яңадан бер мәртәбә сезне тәбрик итәм, бәхет һәм мәхәббәт, озын гомер телим.

Илебездә никахлашуның матур йоласы булып бер гадәт: сугышта һәлак булган якташларыбызның һәйкәленә чәчәк кую – керә. Сөз дә, үзегезнең бәхетле көнегездә Ил өчен, безнең барыбызның да тынычлыгы өчен гомерләрен биргән авылдашларыбызның якты истәлегенә башларыгызны иярсез һәм чәчәк куярсыз дип уйлыйм”.

7. Авылда туйлар бик үк еш булмый. Тантаналы язылышуны клубта үткәргән хәлдә, яшьләрнең анда озаграк булулары да мөмкин. Шунның өчен клуб хезмәткәрләренең алар өчен кирәкле шартлар тудыруы мөһим, шул исәптән музыка турында да онытмаска кирәк.

§ 3. Туй

Туй мәжлестәре – өйләнешүнең үзәк, иң дулкынландыргыч, гомерлеккә истә кала торган өлеше. Туй гомердә бер генә тапкыр булганга күрә, һәркем аны матуррак, истә калырдай итеп үткәргәгә тырыша.

Туй барышы элеккегедән шактый үзгә хәзер. Күбесенчә, ул гажәеп күңелле, уен-көлкеле, жыр-бию, яңа гаилә төзүчеләргә карата изге теләкләр белән уза. Яшь килең белән кияүнең беренче көннәренә кешегә күренмәүләре, үзәк туй мәжлестендә катнашмаулары /гадәт кушмый иде!/ тарихта гына калды инде. Хәзер алар туйга ямь биреп, иң түрдә утыралар.

Туйга озаң хәзерләнү хас. Шуңа да карамастан, кайчакны мәжлес сүлпән бара, матур итеп әйтелгән тәбрик-котлаулар да килеп чыкмый. Андый очракта кунаклар да тизрәк китү ягын карый. Мондый хәл булмасын өчен нәрсә эшләргә кирәк соң? Билгеле, һәр очракка яраклы рецепт бирү мөмкин түгел. Ләкин күп кенә күзәтүләр нәтижәсендә туган кайбер фикерләренә әйтеп үтү һәм шуларны истә тоту артык булмастыр.

1. Хәзерге вакытта туй мәжлестенә барышы аны алып баручының осталыгына, сәләтенә бәйле. Шунның өчен мәжлестә алып баручыны алдан ук билгеләп, аның белән сөйләшеп кую бик мөһим. Хәер, халык өчен бу гомумән яңа күренеш түгел. Элек-электән үк аргыш кодалар булган /әйтк, керәшен-нәрдә/. Алар сүзгә бай, жырға оста кешеләрдән билгеләнгән. Ә туйның ничек барышы шулар кулында дияргә мөмкин.

2. Аш-суны озаңлап, жентекләп хәзерләгән кебек үк, туй барышы турында да алдан ук уйлап кую кирәк. Еш кына бу нәрсә игътибардан читтә кала. Үзеннән-үзе килеп чыгар әле кебек. Ә чынлыкта алай булмый.

Чакырыласы кунакларны билгеләгән кебек үк, мәжлестә ачып жибәрү, кемгә һәм кайчан сүз бирү, жырланасы жырлар, уеннар, гармунчы, башка музыка турында алдан ук кайгырту бик мөһим. Тәбрикләүчеләр белән сөйләшеп кую да яхшы. Алары эзерләнә тора. Ә бу үзә генә дә кешене дулкын-

ландырмый калмый. Боларның барысын да кем эшлэргә тиеш соң? Әлбәттә, яшьләрнең яқыннары, туган-тумачаларыннан берсе. Дуслары ярдәм итешсә дә зарар булмас. Шуның өчен, борынгы гадәтне онытмыйча, “кияү егетләрен” билгеләп кую (алар инде сүзгә оста, тапкыр, оештыра белүчеләр булсыннар) мәслихәт. Ә инде яшь килең кияү егетләренә иң матур сөлгеләрен бирергә эзер булсын (алар 2–3 кеше булырга мөмкин).

3. Шуны да истә тотарга кирәк: өстәл янына утыргач кына тамада билгеләү килешмәгән кебек, тамаданың, хужа кеше табындагыларның ризалыгын сораганчы ук мәжлесне башлап җибәрүе дә килешеп бетми.

4. Тостлар туйда күп тә, төрле дә була. Ләкин алар белән бик мавыгырга да ярамый. Белгәнәбезчә, тост әйтүчеләр, гадәттә, соңгы сүзләрен эчәргә тәкъдим итү белән тәмамлыйлар. Тостлар берсеннән-берсе әйбәт, матур, эчтәлекле – эчми калыр хәлең юк. Ә тостны яклап һаман эз-мәз “төшерү” белән мавыгып китсәң, яшьләр турында да, гомумән туйда утыруың турында да онытып җибәрүең мөмкин.

5. Өйләнешкән яшьләрнең ата-аналарына, ике як кода-кодачаларга сүз бирүне онытырга ярамый. Сүз алгач, югалып калмас өчен, аларның әйтсә килгән фикерләрен алдан ук уйлап куюлары яхшы.

6. Өйләнешүчеләр турында да онытмаска кирәк. Котлау, тәбрикләү сүзләре белән бер рәттән, яшь кияү белән килеңне үзара ярыштыру, аларның осталык-җитезлекләрен сынап карау туй барышын тагын да җанландыра.

Ярыштырулар күп төрле булуы мөмкин. Менә шуларның берничәсе:

а/ кыз белән егеткә икесенә дә төргәк бирелә. Кат-кат кәгазьгә төргән төргәктән, нык бәйләнгән “серле” әйберне чишеп алырга кирәк. Эчәндә – я имезлек, я бәләкәй курчак. Кем тизрәк чишеп бетереп, эченнән чыгара ала?

б/ туй алып баручы – яшьләрне өй уртасына чыгара. Ике кодагыйны чакырып чыгара. Бер тәлинкәгә 100 тиен сала. Шуны кыз белән кияү берәмләп чүплиләр. Кем күбрәк алырга өлгерә – шуның кулында гаилә кассасы булачак, имеш. Ике кодагый һәрберсенекен саный – егетнең әнисе – килеңнең, кызның әнисе – кияүнең;

в/ бик кызык итеп “бала киендерү” уза.

Олы курчак – шәрә бала. Бала чүпрәкләре – гадәти чүпрәкләр.

Ике коданы уртага чыгарып: “Балаларыгызның бала чагын искә төшерегез әле”, диләр. Күпме маташсалар да, аларның бала киендерүләре килеп чыкмый. Соңыннан килең бала киендерә.

г/ чәк-чәк чыкканда аны килең белән кияү чыгарганда бик күңелне. Чыгып, аз гына кунакларны сыйлап алсалар да начар булмастыр.

Яшьләрнең табын түрәндә утырулары мәжлесне бизи, әлбәттә. Ләкин ким дигәндә 3–4 кич буена эссе һавада тирләп-пешеп, теләгәндә чыгып керү мөмкинлегеннән мәхрүм булып утыру бер дә килешерлек түгел. Моның белән аларны табын курчагына әйләндерергә тырышабыз түгелме соң? Азрак хәрәкәт итсәләр, осталыкларын күрсәтеп, кунакларның күңелен күтәрсәләр дә начар булмастыр.

д/ халыкта күркәм шундый бер гадэт тә булган. Яшь киленнән, ашлы-сулы булсын дип, “килен токмачы” кистереп караганнар. Хәзерге туйларда да килен үзенң осталыгын күрсәтеп алса, ямь өстенә ямь генә булып.

7. Туйда яшьләргә үбештерү белән чамадан тыш мавыгу – килешмәслек хәл. Мисалга, Әгерҗе якларында тост алдыннан “әче” дип, аш-бәләш алдыннан “тоссыз” дип, чәк-чәк чыккач “балсыз” дип һәм башка күп кенә сәбәп табып яшьләргә бертуктаусыз үбештерергә тырышалар. Бу кайберләргә ошап та киткән кебек. Ләкин туйда яшьләр генә түгел, аларның ата-анасы һәм башка олыларның булуын да онытмаска кирәк. Кайчак аларның кайберләре уңайсызланудан өйдән чыгып китәргә мәжбүр була. Чөнки, әйткәнбезчә, кеше алдында үбешү һәм аны карап тору элек-электән безнең халыкта тыйнаксызлык санала.

8. Туйның икенче өлешендә аш-су эзәрләүчеләргә табын янына чакырып, аларга рәхмәт сүзләре житкерү – игътибарга лаек күренеш. Бер туйда, мәсәлән, рәхмәт сүзгә белән бергә аш-су хәзерләүче ике хатынның билләренә килен альяпкычы бәйләделәр. ЗАГСтан алып кайтучы шоферга йон бияләй бирделәр. Кайчакта, туй мәжлесендә көтелмәгән “гаиб” кунак булуы мөмкин. Бәлкәм аңар да берәр бәләкәй бүләк бирергә, мәсәлән, килен кулъяулыгы. Кибетнеке булмыйча, үзе эшләгән булса, бигрәк яхшы.

9. Туйның азагына таба яшь кияүгә сүз бирелә. Ул икесе исемнән дә эти-әниләргә һәм кунакларга рәхмәтен белдерә.

10. Тәнәфес вакытында бию-уеннар оештырыла. Арча якларында, мәсәлән, соңгы елларда еш кына яңабаштан элекке күмәк жырлы биюләргә, шул исәптән “Наза”ны уйный башладылар. Аларга олырак яшьтәгеләр дә бик теләп кушыла.

11. Туйда, әйткәнбезчә, жырланасы жырларны я машинкада бастырып, я кулдан күбәйтеп булса да, эзәрләп куярга кирәк. Чөнки еш кына күп кеше, жырның сүзләрен белмәгәнгә, жырламыйча аптырап утыра.

12. Бик күңелле, яхшы туй истәлегә булып “Теләкләр альбомы” була ала. Альбомны алдан ук алып куялар. Беренче битенә кыз белән егетнең фото-рәсемнәре, аларның туйда катнашучыларга үтенечләре (мөрәжәгатьләре) – үз теләкләрен язып калдырырга. Ул альбом (эченә ручка салынган) туй барышында кулдан-кулга йөри, кунаклар теләкләрен яза бара. Туй барышына комачауламый.

13. Кайбер яңа туй йолалары күңелне борчый. Мәсәлән, туйда өйгә көчкә сыярлык күп итеп кунак жыю – шуларның берсе. Хәзер кемнәр генә чакырылмый: чыбык очы туганы да, дустаны да, таныш булганы да, танышның танышы да дигәндәй – берсе дә калмый. Кирәкме икән бу?

Кунак урынсыз калса яки утырган урыны бик тыгыз, уңайсыз булса, кунак – кунак түгел, күңелдә дә шат, көр булмый. Тилмереп кенә утыра. Үзгә шул хәлдә булсаң, охшармы? Шуны истә тот.

14. Берничә сүз туй бүләкләре турында. Ата-бабадан калган гадәт буенча, туйга бүләксез килмиләр. Яңа гаилә коручыларны хөрмәтләү һәм аларга ярдәм йөзеннән китерәләр аны. Бүгенге көндә дә бу гадәт дәвам итә. Еш кына берничә кеше, акчаларын берләштереп, ниндидер зуррак, көнкүрешкә бик кирәкле әйбер

– я телевизор, я кием шкафы, я булмаса башка шундый берэр кирэк-ярак бүләк итү гадәткә көрә бара. Кайбер авылларда, мәсәлән, туйга чакырылган кешеләр, кибеткә барып, үз акчаларын кибетчегә калдыралар. Жыелган акчага карата – күләмлерәк әйбер дә алына.

Ә менә табынга бүләк урынына акча калдыру – мәжлесне бизәми. Кайчакта бит берәрсе (еш кына алдан сөйләшенеп) күп итеп акча сала – башкаларга аннан күпкә калышырга оят! Кәсеңне әрче! Бүләккә килгән әйберне табынга махсус чыгарып, аны жентекләп тикшерү һәм хакларын әйтеп күрсәтү дә килешми. “Энә дә бүләк, дөя дә бүләк” дигәндәй – бүләкнең төрле булуы мөмкин.

Кайбер кунакларның уңайсызлануы бар. Бүләкләрнең кайчак зур һәм кыйммәтле булуы дә борчый. “Кешедән калышмаска” дип тырышу да зарарлы күренеш.

Монда китерелгән барлык бу киңәшләр – ниндидер, катгый үтәлергә тиешле инструкция яки күрсәтмәләр түгел, әлбәттә. Туй барышын алдан ук уйлап, хәзерләнеп торганда, сез үзегез дә күп кенә матур йолалар уйлап таба алырсыз. “Үз эшеңнең жимеше татлырак була” ди бит халык.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ЛИТЕРАТУРА

Уразманова Р.К. Праздничная культура и культура праздников татар. XIX – нач. XX вв. Историко-этнографические очерки. Казань: Ихлас, 2014.

Ханипова И.И. Визуальные источники о новой советской обрядности в татарской деревне 1970-х годов // Историческая этнология. 2024. Т. 9. № 2. С. 184–200. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-2.184-200>

REFERENCES

Khanipova I.I. (2024) Visual sources about new Soviet rituals in a Tatar village in the 1970s. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 9. No. 2: 184–200. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-2.184-200> (In Russ.)

Urazmanova R.K. (2014) *Festive culture and the culture of holidays of the Tatars. The 19th – early 20th centuries. Historical and ethnographic essays*. Kazan: Ikhlās Publ. (In Russ.)

Сведения об авторе: Габдрахманова Гульнара Фаатовна, доктор социологических наук, доцент, заведующая отделом этнологических исследований, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0002-1796-5234>; e-mail: medi54375@mail.ru

About the author: Gulnara F. Gabdrakhmanova, Doctor Sc. (Sociology), Associate Professor, Head of the Department of Ethnological Research, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7 Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0002-1796-5234>; e-mail: medi54375@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 9.06.2025

Доработана после рецензирования / Revised 26.08.2025

Принята к публикации / Accepted 30.09.2025

Идентичность в теории и прикладных исследованиях

Identity in theory and applied research

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2025-10-4.607-624>

EDN: OXHUTD

Сказать и назвать: декларируемая и вербализованная территориальная идентичность на Северо-Востоке России

И.А. Данилов

*Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук
Якутск, Российская Федерация
igor_danilov_2000@mail.ru*

Резюме. Статья посвящена изучению соотношения между декларируемой важностью территориальной идентичности и способностью вербализовать ключевые территориальные концепты у жителей Северо-Востока России. Актуальность исследования обусловлена необходимостью понимания глубины и содержательной наполненности территориальной идентичности в полиэтничных регионах. Цель исследования – выявить корреляции между декларируемой важностью российской и региональной идентичностей и способами концептуализации большой и малой родины. Эмпирическую базу составили данные репрезентативного социологического опроса 1436 респондентов в Республике Саха (Якутия) и Чукотском автономном округе, проведенного в марте–апреле 2024 года. Методология исследования сочетает традиционные опросные методы с психолингвистической техникой субъективной дефиниции, позволяющей получить спонтанные вербальные реакции на стимулы «Большая родина – это...» и «Малая родина – это...». Анализ основывался на разработанной 20-категориальной типологии территориальной идентичности, сгруппированной в пять основных блоков: пространственные конкретные, пространственные абстрактные, темпоральные, социальные категории и нулевые реакции. Результаты демонстрируют существенный разрыв между декларативным и вербальным уровнями территориальной идентичности: при высокой декларируемой значимости территориальной принадлежности треть опрошенных не смогли вербализовать содержание концептов родины. Установлена градиентная корреляция между важностью российской идентичности и государственно-ориентированной концептуализацией большой родины: большинство респондентов с максимальной весомостью российской идентичности определяют большую родину через категорию «страна». Региональная идентичность демонстрирует более сложную, нелинейную связь с концептом малой родины, который концептуализируется преимущественно через биографически-темпоральные категории и локально-территориальные представления. Выявлены существенные межрегиональные различия: в Якутии наблюдается сбалансированное соотношение региональной и российской

идентичностей при большом разнообразии способов концептуализации родины; в Чукотке доминирует российская идентичность при более унифицированных территориальных представлениях. Полученные данные расширяют понимание механизмов формирования территориальной идентичности и обосновывают необходимость комплексного подхода, учитывающего не только эмоциональную значимость, но и когнитивную проработанность идентификационных процессов.

Ключевые слова: территориальная идентичность, российская идентичность, региональная идентичность, большая родина, малая родина, Северо-Восток России, Якутия, Чукотка.

Для цитирования: Данилов И.А. Сказать и назвать: декларируемая и вербализованная территориальная идентичность на Северо-Востоке России. *Историческая этнология*. 2025. Т. 10. № 4. С. 607–624. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-4.607-624> EDN: OXHUTD

Благодарности. Исследование проведено по проекту «Патриотизм народов Северо-Востока России: большая и малая родина в нарративах жителей Якутии и Чукотки» в рамках реализации Программы научных исследований этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление российской идентичности, 2023–2025 гг. (поручение Президента Российской Федерации № Пр-71 от 16.01.2020 г.). Руководитель программы – академик РАН В.А. Тишков. Автор выражает благодарность руководителю проекта к.полит.н. О.В. Васильевой за внимательное прочтение рукописи и ценные замечания, способствовавшие улучшению статьи.

To say and to name: Declared and verbalized territorial identity in Northeastern Russia

I.A. Danilov

*Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Yakutsk, Russian Federation
igor_danilov_2000@mail.ru*

Abstract. This article examines the relationship between the declared importance of territorial identity and the ability to verbalize key territorial concepts among residents of Northeast Russia. The research is driven by the need to understand the depth and content of territorial identity in multiethnic regions. The study aims to identify correlations between the declared importance of Russian and regional identities and the ways in which the concepts of ‘big’ and ‘small’ homelands are conceptualized. The empirical basis consists of data from a representative sociological survey of 1436 respondents in the Republic of Sakha (Yakutia) and the Chukotka Autonomous District, conducted in March–April 2024. The research methodology combines traditional survey methods with the psycholinguistic technique of subjective definition, which allows for the collection of spontaneous verbal responses to the stimuli “Big homeland is ...” and “Small homeland is ...”. The analysis is based on a developed 20-category typology of territorial identity, grouped into five main blocks: specific spatial, abstract spatial, temporal, social categories, and null responses. The results demonstrate a considerable gap between the declarative and verbal levels of territorial identity: despite a high declared significance of territorial belonging, one-third of respondents could not verbalize the content of the homeland concepts. A gradient correlation was established between the importance of Russian identity and the state-oriented conceptualization of the large homeland: most respondents who

assigned maximum weight to Russian identity define the large homeland through the category “country”. Regional identity demonstrates a more complex, non-linear relationship with the concept of the small homeland, which is primarily conceptualized through biographical-temporal categories and local-territorial representations. Significant interregional differences were revealed: in Yakutia, there is a balanced ratio of regional and Russian identities with a greater diversity in the ways of conceptualizing the homeland; in Chukotka, Russian identity dominates, with more unified territorial representations. These findings broaden the understanding of the mechanisms of territorial identity formation and justify the need for an integrated approach that considers not only the emotional significance but also the cognitive elaboration of identification processes.

Keywords: territorial identity, Russian identity, regional identity, big homeland, small homeland, Russia’s Northeast, Yakutia, Chukotka.

For citation: Danilov I.A. (2025) To say and to name: Declared and verbalized territorial identity in Northeastern Russia. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 10. No. 4: 607–624. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-4.607-624> (In Russ.)

Acknowledgements. The research was conducted within the project “Patriotism of the Peoples of Russia’s Northeast: Big and Small Homeland in the Narratives of Residents of Yakutia and Chukotka” as part of the Program of Scientific Research on the Ethnocultural Diversity of Russian Society Aimed at Strengthening Russian Identity, 2023–2025 (Order of the President of the Russian Federation No. Pr-71 dated January 16, 2020). Program Director – Academician of RAS V.A. Tishkov. The author expresses gratitude to the project leader, Candidate of Political Sciences O.V. Vasilyeva, for her careful reading of the manuscript and valuable comments that contributed to improving the article.

Территориальная идентичность представляет собой один из компонентов социальной самоидентификации, особенно значимый в условиях полиэтнических регионов с выраженной спецификой исторического развития и современного социокультурного ландшафта. Как отмечали П. Бергер и Т. Лукман, «реальность повседневной жизни организуется вокруг «здесь» моего тела и «сейчас» моего настоящего времени» (Бергер, Лукман, 1995: 42). Однако это «здесь» не сводится к простой географической координате, через него формируется образ «Я – член территориальной общности», который имеет не столько пространственную, сколько социальную природу, определяясь накопленным биографическим опытом и способами восприятия социального пространства (Шматко, Качанов, 1998: 94).

Такая социальная природа территориальной идентичности проявляется в ее консолидирующей функции, позволяя индивидам не только определять свое положение в пространстве, но и объединяться вокруг общих интересов в рамках конкретных территориальных образований (Рой, 2024: 215). Таким образом, именно через механизмы территориальной идентификации происходит трансформация географического пространства в социально значимое место, где индивидуальное «здесь» становится коллективным «наше».

В каждом регионе процесс формирования этого коллективного «наше» наполняется особым содержанием, которое определяется местными условиями

жизни и культурно-историческими традициями восприятия пространства. Северо-Восток России, включающий такие национальные субъекты федерации, как Республика Саха (Якутия) и Чукотский автономный округ, представляет особый интерес для изучения механизмов формирования и вербализации территориальной идентичности. Здесь субъективное ощущение пространства и связанная с ним социальная идентификация формируется под влиянием уникального сочетания факторов: экстремальные природно-климатические условия, этническое и языковое многообразие, удаленность от федерального центра, специфика экономического развития и др.

Необходимо отметить, что исследования территориальной идентичности опираются преимущественно на прямые вопросы о важности и степени выраженности территориальной принадлежности. Такой подход позволяет получить декларативные оценки, отражающие социально одобряемые или рефлексивно осознаваемые аспекты идентичности. Вместе с тем остается открытым вопрос о когнитивной глубине и содержательной наполненности декларируемых идентификаций. Насколько заявляемая важность территориальной принадлежности коррелирует со способностью вербализировать содержание соответствующих концептов? Существует ли разрыв между значимостью территориальной идентичности и ее концептуальной проработанностью в сознании респондентов?

Эта методологическая проблема усложняется в контексте сосуществования различных уровней территориальной идентичности: глобального (универсального), наднационального (межконтинентального, субконтинентального), национального/государственного, регионального и локального вплоть до места проживания или дома (Михайлов, Рунге, 2019: 56). Такая множественность создает сложную иерархическую систему идентичностей, в которой разные уровни могут находиться в противоречивых отношениях друг с другом, порождая напряжения в процессах социальной консолидации (Рой, 2024: 223). Исследователи также отмечают, что территориальная идентичность «в социальной и политической практике остается ключевым коллектором таких видов идентичности, как этническая, гражданская, конфессиональная и др., часто «растворяя» их в себе, но при этом придавая им «особые» оттенки, маркируя ее носителей» (Мокин, Барышная, 2023: 102).

Одним из ключевых способов вербализации этой сложной системы территориальных идентичностей выступают концепты «родины» – как большой, так и малой. Эти культурные конструкты служат основными смысловыми рамками, через которые осмысливается территориальная принадлежность. Однако их содержательное наполнение может существенно варьироваться в зависимости от множества факторов: этнической принадлежности, пола, возраста, региона проживания, а также, вероятно, миграционной истории, уровня образования и других социальных характеристик.

Учитывая обозначенные методологические проблемы и особую роль концептов родины в структуре территориальной идентичности, цель исследования состоит в выявлении и анализе соотношения между декларируемой важностью

различных уровней территориальной идентичности (русской и региональной) и способностью респондентов вербализовать содержание ключевых территориальных концептов («Большая родина» и «Малая родина») среди жителей Северо-Востока России. Фокус на государственном (русском) и региональном уровнях обусловлен их особой значимостью в условиях субъектов федерации с выраженной этнокультурной спецификой.

Материалы исследования

Эмпирической базой исследования послужили данные социологического опроса, проведенного в рамках проекта «Патриотизм народов Северо-Востока России: большая и малая родина в нарративах жителей Якутии и Чукотки» (рук. к.полит.н. О.В. Васильева) в период с марта по апрель 2024 г. в Республике Саха (Якутия) и Чукотском автономном округе. Выборка формировалась по квотному принципу с учетом половозрастной структуры населения регионов, что обеспечило ее репрезентативность. В Республике Саха (Якутия) было опрошено 1066 респондентов при погрешности не более 3%, в Чукотском автономном округе – 370 респондентов при погрешности не более 5% (при доверительной вероятности 95%). Общий объем выборки составил 1436 человек.

Для анализа в рамках настоящей статьи из общего массива данных были отобраны ответы на следующие вопросы анкеты. Во-первых, это закрытые вопросы, измеряющие декларируемую важность территориальной идентичности: «Насколько для Вас важно осознавать себя жителем РС(Я)/ЧАО?» и «Насколько для Вас важно осознавать себя гражданином России, россиянином?». Для обоих вопросов использовалась трехбалльная шкала с вариантами ответов «очень важно», «важно», «неважно». Во-вторых, анализировались ответы на открытые вопросы о содержании территориальных концептов. Респондентам предлагалось завершить фразы «Малая родина – это...» и «Большая родина – это...».

Использование психолингвистической техники субъективной дефиниции позволило получить спонтанные вербальные реакции, отражающие субъективные представления о родине. Поскольку эти вопросы задавались после блока о патриотических установках, можно предполагать активизацию соответствующих когнитивных и эмоциональных состояний у респондентов, что способствовало получению более глубоких и личностно значимых ответов. При этом проведение опроса на русском языке создало единое коммуникативное пространство для всех участников, хотя и могло ограничить возможности вербализации этнокультурной специфики для носителей языков коренных народов. Отметим, что реакции на эти стимулы были предварительно проанализированы в рамках предыдущей статьи (Данилов, Степанова, 2025), поэтому данное исследование выступает логическим продолжением, фокусируясь на взаимосвязи между декларируемой важностью разных уровней территориальной идентичности и способами концептуализации родины в ее больших и малых измерениях.

Результаты и обсуждение

Анализ полученных вербальных реакций осуществлялся на основе выявленных ранее 20 категорий территориальной идентичности (Данилов, Степанова, 2025: 31–33). В процессе вторичного анализа категории представлений о родине обобщены в пять основных групп: пространственные конкретные категории (с географической конкретизацией), пространственные абстрактные категории (без географической конкретизации), темпоральные категории (связанные с биографическим временем), социальные категории (отражающие межличностные связи) и нулевая категория (отсутствие реакции). Подробная структура этой типологии представлена в таблице 1, которая демонстрирует весь спектр выявленных способов концептуализации территориальной принадлежности: от глобальной идентичности планетарного масштаба до интимно-личностной привязанности к дому и семье.

Таблица 1

**Типология категорий территориальной идентичности
в представлениях респондентов о родине**

№	Категории	Примеры реакций	Характеристика идентичности
	1. Пространственные (конкретные) категории		
1	Земля	‘Земля’, ‘наша планета Земля’, ‘планета Земля’	Глобальная идентичность без границ, универсальная принадлежность к планете
2	Страна (Россия)	‘Россия’, ‘РФ’, ‘Российская Федерация’, ‘наша Россия’, ‘моя Россия’ и др.	Государственная идентичность, гражданская принадлежность к стране
3	Страна (СССР)	‘СССР’, ‘Советский союз’	Историческая идентичность, связь с советским прошлым, ностальгическая память
4	Макрорегион	‘Сибирь’, ‘Дальний Восток’, ‘Север’	Макрорегиональная идентичность с общими природными и историческими чертами
5, 6	Регион (Якутия/Чукотка)	‘Якутия’, ‘РС(Я)’, ‘Чукотка’, ‘ЧАО’ и др.	Региональная идентичность с выраженной этнокультурной и территориальной спецификой
7	Район	‘Таатта’, ‘Амгинский улус’, ‘Алданский район’ и др.	Локальная идентичность с точной административно-территориальной привязкой
8	Населенный пункт	‘Якутск’, ‘Анадырь’, ‘Батагай’, ‘Ваеги’ и др.	Местная идентичность, непосредственная связь с конкретным поселением

2. Пространственные (абстрактные) категории			
9	Страна	<i>‘страна’, ‘моя страна’, ‘вся страна’, ‘страна, в которой живу’</i> и др.	Обобщенная государственная идентичность без указания конкретной страны, осознание принадлежности к государству как таковому
10	Регион	<i>‘мой регион’, ‘наша республика’, ‘республика’, ‘регион, в котором живу’</i> и др.	Обобщенная региональная идентичность без конкретизации, осознание региональной принадлежности
11	Район	<i>‘район’, ‘улус’, ‘родной улус’, ‘мой улус’, ‘наш район’</i> и др.	Обобщенная локальная идентичность без указания конкретного района, привязанность к районному административному образованию
12	Населенный пункт	<i>‘родная деревня’, ‘город’, ‘мое село’</i> и др.	Обобщенная местная идентичность, основанная на типе населенного пункта и личном восприятии места жительства без его наименования
3. Темпоральные категории			
13	Место, где живешь	<i>‘где я живу’, ‘мое место жительства’</i> и др.	Актуальная территориальная идентичность, основанная на текущем местоположении, отражающая современную мобильность и прагматизм
14	Место, где жили / живут предки	<i>‘где родились и жили предки’; ‘места, по которым кочевали предки’; ‘там, где родились родители’</i> и др.	Историко-генеалогическая идентичность, связь с родовыми корнями и культурным наследием через территорию предков
15	Место, где родился и вырос	<i>‘где я родился и вырос’, ‘где прошло мое детство’, ‘место, в котором родился’</i> и др.	Биографическая идентичность раннего периода жизни, эмоциональная привязанность к месту формирования личности
16	Место, где родился и живешь	<i>‘где я родился и живу’</i> и др.	Устойчивая территориальная идентичность, непрерывная связь с местом рождения на протяжении всей жизни
4. Социальные категории			
17	Народ	<i>‘народ’, ‘мой народ’, ‘наш народ’</i>	Этнокультурная идентичность, принадлежность к общности с единым языком, традициями и историей
18	Семья	<i>‘семья’, ‘моя семья’</i>	Родственная идентичность, эмоциональная привязанность к кругу близких людей как основе социальной поддержки
19	Дом	<i>‘дом’, ‘мой дом’, ‘свой дом’, ‘родной дом’, ‘отчий дом’</i>	Бытовая идентичность, личное пространство как центр жизненного уклада и эмоциональной безопасности

5. Нулевая категория			
20	Отсутствие реакции	Нет реакции	Отсутствие явной территориальной идентичности или ее неактуализированный (латентный) характер, возможное следствие миграционной мобильности, смешанной идентичности или ценностного безразличия к концепции родины

Данная типология послужила основой для анализа взаимосвязей между декларируемой важностью территориальной (региональной и российской) идентичности и конкретными способами вербализации концептов большой и малой родины.

Концептуализация российской и региональной идентичности как территориальных требует пояснения. Безусловно, российская и региональная идентичность включают правовые, политические и культурные компоненты, выходящие за рамки простой территориальной привязки. Исследователи выделяют два измерения российской идентичности – государственное и национально-гражданское (Дробижева, Рыжкова, 2010: 121). Для нашего исследования особенно релевантно первое измерение, поскольку российская государственная идентичность проявляется именно через «осознание общности в пределах государства» и «причастность к территориальному пространству» (Дробижева и др., 2013: 27). Значимость территориального компонента российской идентичности подтверждается эмпирическими данными: согласно исследованиям в регионах Азиатской России, при ответе на вопрос об объединяющих факторах с другими гражданами страны респонденты после «общего государства» вторым по значимости называли именно «родную землю, территорию, природу» (Томаска, 2023: 44). Региональная идентичность также имеет выраженную территориальную природу, она фокусируется на географически фиксируемой территории (Головнёва, 2013: 43). В контексте изучения пространственных представлений о родине ключевым становится именно этот территориальный аспект обеих идентичностей – их соотнесенность с конкретными географическими единицами разного масштаба. Гражданин России и житель субъекта – это прежде всего указания на территориальную принадлежность к стране и региону. Именно этот пространственный компонент позволяет исследовать, как декларируемая важность принадлежности к территориальным сообществам разного уровня коррелирует с вербализацией концептов большой и малой родины.

Исходя из такого понимания территориальных идентичностей, обратимся к анализу их значимости для респондентов. В таблице 2 представлены данные о декларируемой важности осознания себя жителем региона и гражданином России.

Таблица 2

**Степень выраженности региональной и российской идентичности
в самосознании населения Северо-Востока России, %**

Уровень	Регион	Очень важно	Важно	Неважно
Осознавать себя жителем региона	Якутия	48,8	42,6	6,9
	Чукотка	37,3	45,7	17
	Северо-Восток (в целом)	45,8	43,4	9,6
Осознавать себя гражданином России	Якутия	52,5	41,45	4,2
	Чукотка	64,9	31,1	4,1
	Северо-Восток (в целом)	55,7	38,8	4,2

Представленные данные позволяют увидеть важную особенность территориальной идентичности жителей Северо-Востока России. Так, подавляющее большинство респондентов (более 90%) считают значимым осознавать себя как жителем региона, так и гражданином России. Минимальная доля тех, кто считает эти идентичности неважными, свидетельствует о сформированности многоуровневой территориальной идентичности, где региональный и государственный компоненты не противопоставляются, а дополняют друг друга. Высокие показатели российской идентичности в обоих регионах отражают общероссийскую динамику: если в начале 2000-х годов российская идентичность не занимала доминирующих позиций, то к 2011–2012 гг. она стала наиболее распространенной в регионах с русским большинством, а в настоящее время утвердилась как приоритетная и в национальных субъектах федерации (Васильева, 2025: 90).

При этом межрегиональные различия весьма существенны. Если в Якутии наблюдается относительный баланс между региональной и российской идентичностями (разница между долей считающих «очень важным» быть жителем региона (48,78%) и гражданином России (52,54%) составляет менее 4%), то в Чукотке картина принципиально иная. Здесь российская идентичность явно доминирует: 64,86% считают очень важным быть гражданином России против 37,3% для региональной принадлежности. Показательно также, что в Чукотке почти в три раза выше доля тех, кто считает неважным осознавать себя жителем региона (17,03% против 6,95% в Якутии), хотя отношение к российской идентичности в обоих регионах практически идентично.

Такие различия в соотношении территориальных идентичностей создают разный социокультурный контекст для формирования представлений о большой и малой родине, что, предположительно, должно отразиться и в способах их вербализации. Для проверки этого предположения обратимся к корреляционному анализу.

Исследование показывает, что подавляющее большинство ответов о большой родине сконцентрировано в нескольких основных категориях. Рассмотрим, как распределяются эти доминирующие способы концептуализации в зависимости от значимости российской идентичности (табл. 3).

Таблица 3

**Распределение основных вербальных категорий концепта
«Большая родина» по степени важности российской идентичности, чел.**

Вербальная категория	Регион	Степень важности		
		Очень важно	Важно	Неважно
Страна (Россия)	Якутия	147	96	4
	Чукотка	84	33	4
	<i>Всего</i>	<i>231</i>	<i>129</i>	<i>8</i>
Страна (абстрактно)	Якутия	181	119	6
	Чукотка	79	25	4
	<i>Всего</i>	<i>260</i>	<i>144</i>	<i>10</i>
Регион (Якутия/Чукотка)	Якутия	15	12	2
	Чукотка	1	0	1
	<i>Всего</i>	<i>16</i>	<i>12</i>	<i>3</i>
Регион (абстрактно)	Якутия	16	14	3
	Чукотка	0	1	0
	<i>Всего</i>	<i>16</i>	<i>15</i>	<i>3</i>
Место, где живешь	Якутия	21	21	0
	Чукотка	2	4	0
	<i>Всего</i>	<i>23</i>	<i>25</i>	<i>0</i>
Отсутствие реакции	Якутия	162	156	29
	Чукотка	65	50	5
	<i>Всего</i>	<i>227</i>	<i>206</i>	<i>34</i>

Итак, корреляционный анализ взаимосвязи между декларируемой важностью российской идентичности и спонтанной вербализацией концепта «Большая родина» жителями Якутии и Чукотки выявляет сложную структуру территориальной идентификации в полиэтнических регионах Северо-Востока России. Центральным результатом исследования является обнаружение устойчивой положительной корреляции между высокой оценкой важности российской идентичности и государственно-ориентированными вербальными категориями территориальной идентификации.

В группе респондентов, для которых осознание себя гражданином России «очень важно» ($n=799$), доминируют две категории ответов: конкретная «Страна (Россия)» составляет 231 ответ или 28,9%, а абстрактная категория «Страна» представлена 260 ответами или 32,5%. Суммарно эти государственно-ориентированные категории охватывают 61,4% всех вербализаций данной группы, что свидетельствует о высокой согласованности между декларативным и вербальными уровнями российской идентичности. Примечательно, что данная корреляция носит градиентный характер: доля упоминаний России как Большой родины последовательно снижается при уменьшении субъективной важности российской идентичности: от 28,9% в группе с максимальной важностью до 23,2% при средней важности и лишь 13,3% при низкой важности. Аналогичная, хотя и менее выраженная динамика наблюдается для абстрактной категории «Страна»,

демонстрирующей снижение с 32,5% до 25,9% и 16,7% соответственно. Отметим, что выявленная закономерность сохраняется в обеих региональных выборках, подтверждая универсальность связи между декларируемой российской идентичностью и вербализованным восприятием страны как родины.

Особый интерес представляет присутствие региональных идентификаторов в ответах на вопрос о большой родине, что на первый взгляд может показаться парадоксальным. Так, в Якутии 15 человек из категории «очень важно» назвали большой родиной именно Якутию, в то время как в Чукотке только один респондент указал свой регион. Это различие становится еще более значимым на фоне общих показателей: якутяне чаще склонны воспринимать свой регион как большую родину независимо от силы российской идентичности. Данный факт согласуется с выявленным ранее более сбалансированным соотношением региональной и российской идентичностей в Якутии.

Анализ также выявляет существование альтернативных моделей концептуализации большой родины, не связанных напрямую с государственной принадлежностью. Темпоральная категория «Место, где живешь» фиксируется в 48 случаях, что составляет 3,3% от общей выборки, и демонстрирует относительную независимость от уровня российской идентичности – она практически равномерно распределена между респондентами с высокой (23 ответа) и средней (25 ответов) важностью. Это указывает на то, что для данной группы респондентов понятие родины имеет скорее экзистенциальный, нежели политико-административный характер. При этом показательно, что среди всех респондентов, определивших большую родину через темпоральные категории, не нашлось ни одного, кто считал бы неважным осознавать себя гражданином России. Такая закономерность свидетельствует о том, что экзистенциальное переживание места как родины не вступает в противоречие с российской идентичностью, а образует с ней комплементарную связь, где локальная укорененность служит основанием для более широкой государственной принадлежности.

Наиболее значимым и одновременно тревожным результатом исследования является крайне высокая доля нулевых реакций – 481 случай или 33,5% от общей выборки. Критически важно, что даже в группе респондентов с максимальной декларируемой важностью российской идентичности 227 человек (28,4%) не смогли предложить никакой вербализации концепта большой родины. Этот показатель закономерно возрастает при снижении важности российской идентичности, достигая 37,1% в группе со средней важностью и 56,7% в группе с низкой важностью. Как нам кажется, такая картина свидетельствует о существенном разрыве между эмоциональным и когнитивным компонентами идентичности, когда респонденты могут испытывать сильную эмоциональную привязанность к идее гражданства, но при этом затрудняются с ее содержательным наполнением.

Подытоживая, относительно региональных различий отметим, что в Чукотке наблюдается более однородная картина: подавляющее большинство ответов сконцентрировано вокруг страны (как конкретно, так и абстрактно) при ми-

нимальном разнообразии других вариантов. В Якутии спектр ответов шире, включая различные уровни территориальной идентификации от населенного пункта до макрорегиона.

Если в случае с большой родиной наблюдалась относительно четкая корреляция между декларируемой важностью российской идентичности и государственно-ориентированными вербальными категориями, то картина малой родины оказывается существенно более сложной и многомерной (табл. 4).

Таблица 4

**Распределение основных вербальных категорий концепта
«Малая родина» по степени важности региональной идентичности, чел.**

Вербальная категория	Регион	Степень важности		
		Очень важно	Важно	Неважно
Регион (Якутия/Чукотка)	Якутия	52	39	3
	Чукотка	27	28	14
	<i>Всего</i>	<i>79</i>	<i>67</i>	<i>17</i>
Регион (абстрактный)	Якутия	21	34	5
	Чукотка	11	7	0
	<i>Всего</i>	<i>32</i>	<i>41</i>	<i>5</i>
Район (конкретный)	Якутия	6	3	0
	Чукотка	0	0	0
	<i>Всего</i>	<i>6</i>	<i>3</i>	<i>0</i>
Район (абстрактный)	Якутия	31	21	0
	Чукотка	1	2	0
	<i>Всего</i>	<i>32</i>	<i>23</i>	<i>0</i>
Населенный пункт (конкретный)	Якутия	13	15	3
	Чукотка	8	4	0
	<i>Всего</i>	<i>21</i>	<i>19</i>	<i>3</i>
Населенный пункт (абстрактный)	Якутия	83	56	13
	Чукотка	10	11	6
	<i>Всего</i>	<i>93</i>	<i>67</i>	<i>19</i>
Место, где родился и вырос	Якутия	97	81	15
	Чукотка	29	53	11
	<i>Всего</i>	<i>126</i>	<i>134</i>	<i>26</i>
Семья	Якутия	8	2	1
	Чукотка	0	3	0
	<i>Всего</i>	<i>8</i>	<i>5</i>	<i>1</i>
Дом	Якутия	20	19	4
	Чукотка	1	4	3
	<i>Всего</i>	<i>21</i>	<i>23</i>	<i>7</i>
Отсутствие реакции	Якутия	155	153	28
	Чукотка	43	46	23
	<i>Всего</i>	<i>198</i>	<i>199</i>	<i>51</i>

Прежде всего обращает на себя внимание, что респонденты, высоко оценивающие важность региональной идентичности ($n=657$), демонстрируют значительно большее разнообразие концептуализаций малой родины по сравнению с большой. Доминирующей категорией становится «Место, где родился и вырос», которая фиксируется в 126 случаях (19,2%) среди тех, для кого региональная идентичность «очень важна», и в 134 случаях (21,5%) среди оценивающих ее как «важную». Эта темпоральная категория, связывающая территорию с личной биографией, оказывается наиболее универсальной: она сохраняет относительно высокую частоту даже среди респондентов с низкой важностью региональной идентичности (26 случаев или 19%).

Вместе с тем, особенно показательным является соотношение конкретных и абстрактных упоминаний региона как малой родины. Конкретное название своего региона (Якутия или Чукотка) встречается у 164 респондентов, в то время как абстрактное определение региона – только у 80. Анализ распределения этих категорий по степени важности региональной идентичности выявляет следующую закономерность. Среди тех, кто конкретно назвал свой регион малой родиной, 79 человек (48%) считают очень важным осознавать себя жителем региона, 67 (41%) – просто важным, и только 17 (10%) – неважным. Для абстрактных определений региона пропорции несколько иные: 32 (40%) – очень важно, 41 (51%) – важно, 5 (6%) – неважно. Таким образом, конкретное название региона чаще связано с максимально выраженной региональной идентичностью, в то время как абстрактные формулировки характерны для более умеренной позиции.

Региональная специфика этого феномена особенно интересна. Так, в Якутии конкретные упоминания региона составляют 95 случаев, а абстрактные – 62, что дает соотношение примерно 3:2. В Чукотке же при 69 конкретных упоминаниях фиксируется только 18 абстрактных – соотношение почти 4:1. Более высокая доля абстрактных определений в Якутии, как нам кажется, свидетельствует о большей рефлексивности регионального самосознания, когда респонденты не просто называют свой регион, но осмысливают само понятие региональной принадлежности.

Важно отметить, что среди якутян, использующих абстрактные определения региона, преобладают те, кто считает региональную идентичность просто важной (34 из 62), а не очень важной (21 из 62). По нашему мнению, абстрактное мышление о регионе как малой родине характерно для более сбалансированной, менее эмоционально окрашенной региональной идентичности. В Чукотке малое количество абстрактных определений не позволяет делать статистически значимые выводы, но общая тенденция сохраняется.

Существенное место в концептуализации малой родины занимают категории более локального уровня. Конкретные населенные пункты упоминаются 43 раза в пространственно-конкретном блоке и 180 раз в пространственно-абстрактном, что суммарно составляет 15,5% всех ответов. При этом абстрактная

категория «Населенный пункт» демонстрирует четкую положительную корреляцию с важностью региональной идентичности: от 93 упоминаний (14,2%) при максимальной важности до 19 (13,9%) при минимальной. Такая картина подчеркивает, что для значительной части респондентов малая родина ассоциируется именно с локальным, а не региональным уровнем территориальной принадлежности.

Социальные категории концептуализации малой родины представлены значительно богаче, чем в случае большой родины. Категория «Дом» фиксируется 52 раза, демонстрируя относительно равномерное распределение между группами с высокой и средней важностью региональной идентичности (21 и 23 упоминания соответственно). «Семья» как малая родина упоминается 14 раз, преимущественно респондентами с высокой важностью региональной идентичности. Полученные результаты указывают на существование альтернативной модели осмысления малой родины через призму приватного пространства и близких социальных связей, что контрастирует с публично-территориальным пониманием большой родины.

Региональные различия в структуре ответов весьма показательны. В Якутии наблюдается большее разнообразие способов концептуализации малой родины, включая частые упоминания районного уровня (52 абстрактных и 9 конкретных против 3 абстрактных в Чукотке). Якутяне также чаще используют темпоральные определения, связанные с местом жительства предков (16 против 2). В Чукотке же ответы более сконцентрированы вокруг регионального уровня и места рождения, что отражает особенности миграционных процессов в регионе, где преобладает приезжее население, ориентированное на временное пребывание и последующий отъезд «на материк» (Коломиец, 2020: 208). Такая миграционная специфика объясняет меньшую укорененность в локальных территориальных сообществах и отсутствие межпоколенческих связей с конкретными местами проживания.

Анализ ответов респондентов, считающих региональную идентичность неважной, обнаруживает интересную особенность: они не отказываются от концепта малой родины как такового, но определяют его преимущественно через личный опыт («место, где родился и вырос») или абстрактные категории, избегая конкретных территориальных привязок, что говорит о том, что отрицание важности региональной идентичности не означает отсутствия локальных привязанностей, но меняет способ их вербализации.

В целом, полученные данные свидетельствуют о многоуровневой структуре представлений о малой родине, где биографические, территориальные и социальные компоненты переплетаются в сложные конфигурации. При этом уровень важности региональной идентичности влияет не столько на наличие или отсутствие концепта малой родины, сколько на способы его вербализации и уровень территориальной конкретизации.

Сопоставление паттернов концептуализации большой и малой родины выявляет существенное различие в их когнитивной репрезентации. Если большая родина тяготеет к унифицированным государственно-ориентированным вербальным категориям, демонстрируя относительную гомогенность представлений, то малая родина характеризуется выраженной гетерогенностью и многоуровневостью. Для малой родины характерно сосуществование различных моделей концептуализации: от конкретно-территориальной (регион, район, населенный пункт) через темпорально-биографическую (место рождения и взросления) до социально-приватной (дом, семья).

Особенно показательно, что корреляция между важностью региональной идентичности и содержанием концепта малой родины оказывается менее линейной и более сложной, чем в случае с российской идентичностью. Это может объясняться тем, что региональная идентичность в полиэтничных северных регионах представляет собой не единый конструкт, а скорее констелляцию различных форм территориальной и социальной принадлежности.

* * *

Проведенное исследование выявило существенный разрыв между декларируемой важностью территориальной идентичности и способностью респондентов вербализовать содержание ключевых территориальных концептов. Этот разрыв проявляется асимметрично на разных уровнях территориальной принадлежности и имеет выраженную региональную специфику.

Наиболее согласованная картина наблюдается в отношении российской идентичности и концепта большой родины. Респонденты, высоко оценивающие важность гражданской принадлежности к России, демонстрируют предсказуемую тенденцию к государственно-ориентированной концептуализации большой родины. При этом сила корреляции имеет градиентный характер – чем выше декларируемая важность российской идентичности, тем чаще страна упоминается как большая родина.

Принципиально иная картина обнаруживается при анализе региональной идентичности и концепта малой родины. Здесь связь между декларативным и вербальным уровнями оказывается нелинейной и многовекторной. Высокая оценка важности региональной идентичности не приводит к доминированию какой-либо одной модели концептуализации малой родины. Вместо этого наблюдается сосуществование различных способов осмысления локальной принадлежности: от конкретно-территориальных до биографически-темпоральных и социально-приватных. Показательно, что концепт малой родины не имеет выраженного политико-административного характера. Даже среди респондентов с высокой региональной идентичностью только 16,8% ассоциируют малую родину с территорией региона в целом. На первый план выходят более локальные и личностно значимые образы: конкретные населенные пункты, место рож-

дения и взросления, дом и семья. Данная гетерогенность указывает на то, что малая родина осмысливается преимущественно через призму непосредственного жизненного опыта, а не через политические или административные категории.

Межрегиональные различия подтверждают влияние социокультурного контекста на формирование территориальной идентичности. В Якутии обнаруживается более сбалансированное соотношение региональной и российской идентичностей, что коррелирует с большим разнообразием способов концептуализации как большой, так и малой родины. Напротив, в Чукотке доминирование российской идентичности сопровождается более унифицированными и менее разнообразными представлениями о родине.

Еще одним интересным моментом является высокая доля респондентов, не способных вербализовать содержание концептов родины, несмотря на декларируемую важность территориальной идентичности. Треть опрошенных не смогли предложить никакой концептуализации большой или малой родины, причем этот показатель остается высоким даже среди тех, кто считает соответствующие идентичности очень важными. Этот феномен, вероятно, указывает на противоречие между эмоциональной значимостью территориальной принадлежности и ее когнитивной проработанностью в сознании респондентов.

Таким образом, обнаруженный разрыв между декларативным и вербальным уровнями территориальной идентичности демонстрирует ограниченность исследований, опирающихся исключительно на прямые вопросы о ее важности, поскольку они фиксируют эмоциональную значимость, но не раскрывают степень когнитивной проработанности идентификационных процессов. Эмоциональная привязанность к территории и способность концептуализировать эту привязанность представляют собой различные психологические феномены, которые могут развиваться независимо друг от друга. В этом контексте использованное в нашем исследовании сочетание социологических опросных методов с психолингвистической техникой субъективной дефиниции существенно расширяет аналитические возможности, позволяя не только измерить декларируемую важность территориальной принадлежности, но и оценить глубину ее осмысления, выявить содержательное наполнение и внутреннюю структуру территориальных концептов. Такая методологическая комплементарность создает основу для изучения не только того, что люди говорят о своей идентичности, но и того, как они способны ее осмыслить и вербализовать, что важно для понимания подлинной глубины и устойчивости социальных идентификаций.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interest.

ЛИТЕРАТУРА

- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.
- Васильева О.В. Конфигурация доминирующих идентичностей на Северо-Востоке России: к вопросу о цивилизационной специфике Российского государства // Арктика и Север. 2025. № 59. С. 82–99. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2025.59.82>
- Головнёва Е.В. Региональная идентичность как форма коллективной идентичности и ее структура // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 5. С. 42–50.
- Данилов И.А., Степанова Ю.Г. Малая и большая родина в языковом сознании жителей Северо-Востока России // Научный диалог. 2025. Т. 14, № 3. С. 25–42. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2025-14-3-25-42>
- Дробижеева Л.М., Арутюнова Е.М., Бравин А.Д., Валиахметов Р.М., Габдрахманова Г.Ф., Заитова Т.М., Ирназаров Р.И., Кузнецов И.М., Макарова Г.И., Мусина Р.Н., Мухарямов Н.М., Перебоева М.А., Рыжова С.В., Сагитова Л.В., Хилажева Г.Ф., Ходжаева Е.А., Щеголькова Е.Ю., Ямаева Л.А. Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / отв. ред. Л.М. Дробижеева. М.: Политическая энциклопедия, 2013.
- Дробижеева Л.М., Рыжкова С.В. Российская идентичность и межэтническая толерантность // Социальные факторы консолидации российского общества: социологическое измерение / под ред. М.К. Горшкова. М.: Новый хронограф, 2010. С. 116–135.
- Коломиец О.П. Особенности современных миграционных процессов на Крайнем Северо-Востоке России (Чукотский вариант) // Власть и управление на Востоке России. 2020. № 4(93). С. 207–214. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2020-93-4-207-214>
- Михайлов В., Рунге Й. Идентификация человека. Территориальные общности и социальное пространство: опыт концептуализации // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 52–62. <https://doi.org/10.31857/S013216250003747-4>
- Мокин К.С., Барышина Н.А. Территориальная идентичность: структура, границы, воспроизводство (сравнительный анализ Саратовской области, Республики Кабардино-Балкария и Республики Южная Осетия) // Социологические исследования. 2023. № 6. С. 101–111. <https://doi.org/10.31857/S013216250024235-1>
- Рой О.М. Территориальная идентичность российского общества: от поместной раздробленности к гражданскому согласию // Философское осмысление историографических и перспективных задач современного публичного права: сборник научных трудов / под ред. В.Н. Руденко. Екатеринбург: Институт философии и права УрО РАН, 2024. С. 211–226.
- Томаска А.Г. Особенности идентичностей населения Республики Саха (Якутия) // Вестник антропологии. 2023. № 4. С. 37–50. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2023-4/37-50>
- Шматко Н.А., Качанов Ю.Л. Территориальная идентичность как предмет социологического исследования // Социологические исследования. 1998. № 4. С. 94–98.

REFERENCES

- Berger P., Luckmann T. (1995) *The social construction of reality: A treatise in the sociology of knowledge*. Moscow: Medium Publ. (In Russ.)
- Danilov I.A., Stepanova Yu.G. (2025) Small and big homeland in the linguistic consciousness of residents of Russia's Northeast. *Nauchnyy dialog* [Scientific Dialogue]. Vol. 14. No. 3: 25–42. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2025-14-3-25-42>. (In Russ.)
- Drobizheva L.M., Arutyunova E.M., Bravin A.D., Valiakhmetov R.M., Gabdrakhmanova G.F., Zaitova T.M., Irnazarov R.I., Kuznetsov I.M., Makarova G.I., Musina R.N., Mukharya-

mov N.M., Pereboeva M.A., Ryzhova S.V., Sagitova L.V., Khilazheva G.F., Khodzhaeva E.A., Shchegolkova E.Yu., Yamaeva L.A. (2013) *Civil, ethnic and regional Identity: yesterday, today, tomorrow*. Drobizheva L.M. (ed.). Moscow: Politicheskaya Entsiklopediya Publ. (In Russ.)

Drobizheva L.M., Ryzhkova S.V. (2010) Russian identity and interethnic tolerance. In: Gorshkov M.K. (ed.) *Social factors of consolidation of Russian society: sociological dimension*. Moscow: Novyy Khronograf Publ.: 116–135. (In Russ.)

Golovneva E.V. (2013) Regional identity as a form of collective identity and its structure. *Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy* [Labyrinth. Journal of Social and Humanitarian Research]. No. 5: 42–50. (In Russ.)

Kolomiets O.P. (2020) Features of modern migration processes in the Far Northeast of Russia (Chukotka variant). *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Management in the East of Russia]. No. 4(93): 207–214. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2020-93-4-207-214> (In Russ.)

Mikhaylov V., Runge Y. (2019) Identification of man. Territorial communities and social space: experience of conceptualization. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 52–62. <https://doi.org/10.31857/S013216250003747-4>. (In Russ.)

Mokin K.S., Baryshnaya N.A. (2023) Territorial identity: structure, boundaries, reproduction (comparative analysis of Saratov Oblast, the Republic of Kabardino-Balkaria, and the Republic of South Ossetia). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 101–111. <https://doi.org/10.31857/S013216250024235-1>. (In Russ.)

Roy O.M. (2024) Territorial identity of Russian society: from local fragmentation to civic consensus. In: Rudenko V.N. (ed.) *Philosophical understanding of historiographical and prospective tasks of modern public law: Collection of academic papers*. Ekaterinburg: UrO RAS Institute of Philosophy and Law Publ.: 211–226. (In Russ.)

Shmatko N.A., Kachanov Yu.L. (1998) Territorial identity as a subject of sociological research. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 94–98. (In Russ.)

Tomaska A.G. (2023) Features of identities of the population of the Republic of Sakha (Yakutia). *Vestnik antropologii* [Herald of Anthropology]. No. 4: 37–50. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2023-4/37-50>. (In Russ.)

Vasilyeva O.V. (2025) Configuration of dominant identities in Russia's Northeast: revisiting the issue of civilizational specificity of the Russian state. *Arktika i Sever* [Arctic and North]. No. 59: 82–99. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2025.59.82>. (In Russ.)

Сведения об авторе: Данилов Игорь Альбертович, младший научный сотрудник Центра социолингвистических исследований, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН (677027, ул. Петровского, 1, Якутск, Российская Федерация); <http://orcid.org/0000-0002-1974-3088>, e-mail: igor_danilov_2000@mail.ru

About the author: Igor A. Danilov, Junior Research Fellow of the Center for Sociolinguistic Studies, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (1 Petrovskiy St., Yakutsk 677027, Russian Federation); <http://orcid.org/0000-0002-1974-3088>, e-mail: igor_danilov_2000@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 1.06.2025

Доработана после рецензирования / Revised 16.09.2025

Принята к публикации / Accepted 3.10.2025

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2025-10-4.625-647>

EDN: QHVVYUR

Образ города Болгар и трансформация городской идентичности населения в контексте развития туристического потенциала

О.А. Максимова

*Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Российская Федерация
olga_max@list.ru*

В.А. Маслова

*Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Российская Федерация
VAMaslova@stud.kpfu.ru*

Резюме. Статья посвящена исследованию образа города Болгар и трансформации городской идентичности населения в контексте развития туристического потенциала. Образ города рассматривается авторами как сложный феномен, формируемый сочетанием экономических, историко-культурных и символических процессов, играющий роль инструмента территориального брендинга и основы коллективной идентичности.

Основной исследовательский фокус сделан на изучении восприятия местными жителями туристических достопримечательностей и их влияния на формирование и трансформацию городской идентичности. Выводы авторов базируются на эмпирическом материале, полученном в ходе массового опроса населения города Болгар и серии глубинных интервью. Анализ показал высокую приверженность горожан своему городу, основанную на стабильности жизненного уклада, семейных узах, экологии и исторической укорененности. Вместе с тем выявлены серьезные вызовы, связанные с ограниченной доступностью инфраструктуры, повышением цен вследствие туристического бума и недостаточным вниманием к созданию условий для самореализации молодого поколения.

Авторы делают выводы о необходимости разработки комплексной стратегии развития, направленной на балансировку потребностей туристов и качества жизни местных жителей. Предложены конкретные меры, такие как оптимизация транспортной системы, сближение парадной и жилой городской среды, регулирование ценовой доступности и поддержка малого предпринимательства. Подчеркнута важность включения горожан в принятие решений и расширения культурного пространства за пределами туристических локаций. Формулируются перспективы дальнейших исследований, направленных на укрепление связей между брендовым позиционированием города и повседневными реалиями его жителей.

Ключевые слова: образ города, туристический потенциал, городская идентичность, Болгар.

Для цитирования: Максимова О.А., Маслова В.А. Образ города Болгар и трансформация городской идентичности населения в контексте развития туристического потенциала. *Историческая этнология*. 2025. Т. 10. № 4. С. 625–647. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-4.625-647> EDN: QHVVYUR

The city image of Bolgar and transformation of urban identity in the context of tourism development potential

O.A. Maksimova

Kazan (Volga Region) Federal University

Kazan, Russian Federation

olga_max@list.ru

V.A. Maslova

Kazan (Volga Region) Federal University

Kazan, Russian Federation

VAMaslova@stud.kpfu.ru

Abstract. The article focuses on studying the image of the city of Bolgar and the transformation of urban identity in the context of tourism development potential. The authors view the city's image as a complex phenomenon that is formed by economic, historical-cultural, and symbolic processes and that serves both as an instrument for territorial branding and a foundation for collective identity.

The main research focus is placed on exploring how local residents perceive tourist attractions and their impact on shaping and transforming urban identity. The conclusions are based on empirical data collected through mass-scale surveys conducted among Bolgar's population and a series of in-depth interviews. Analysis shows high levels of attachment to the city, rooted in stability of daily life routines, family ties, ecological comfort, and historical heritage. However, serious challenges have been identified, including limited accessibility of infrastructure, rising prices due to increased tourism activity, and insufficient attention invested in creating conditions for self-realization of the younger generation.

The authors argue for the necessity of developing a comprehensive strategy aimed at balancing tourists' needs with improving the local population's quality of life. Specific measures have been proposed which include optimizing the public transport system, integrating residential areas into the 'showcase' parts of the city, regulating price affordability, and supporting small businesses. The importance of involving citizens in decision-making processes and expanding cultural spaces beyond traditional tourist sites is emphasized. The authors have outlined prospects for further studies aimed at strengthening connections between the city's brand positioning and everyday realities experienced by its inhabitants.

Keywords: city image, tourism potential, urban identity, Bolgar.

For citation: Maksimova O.A., Maslova V.A. (2025) The city image of Bolgar and transformation of urban identity in the context of tourism development potential. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 10. No. 4: 625–647. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-4.625-647> (In Russ.)

Современные процессы глобализации и урбанизации, сопряженные с интенсивной трансформацией экономических, культурных и социальных систем, ставят перед городами сложнейшие вызовы, обусловленные необходимостью не только адаптации к динамично меняющимся условиям, но и сохранения устойчивых позиций на туристической карте мира. В условиях усиления между-

народной конкуренции между городами как туристическими дестинациями, сопровождающейся активизацией культурного обмена и глобальным перераспределением туристических потоков, особую важность приобретает задача формирования уникального и конкурентоспособного образа города, способного интегрировать в себе богатство историко-культурного наследия и потенциал современной урбанистической среды.

Городской образ, как сложносоставная и многомерная социокультурная конструкция, формируется посредством сложного переплетения экономических, историко-культурных и символических процессов, что превращает его не просто в инструмент территориального брендинга, но и в системообразующий компонент коллективной идентичности, воплощающий уникальные черты социальной и пространственной организации городской среды, а также ее восприятие со стороны различных субъектов. Данный феномен выступает одновременно медиатором культурной репрезентации города в глобальном контексте и механизмом, через который укрепляется социальная интеграция внутри городского сообщества, обуславливая сплочение его участников вокруг общих ценностных ориентиров и символов. Системообразующую функцию в механизмах формирования городского образа выполняют туристические достопримечательности, которые, интегрируясь в семантическое поле городской идентичности, обретают статус не только пространственно значимых объектов, но и символических маркеров, обеспечивающих узнаваемость территории.

Анализ механизмов формирования образа города через призму туристических достопримечательностей находит устойчивое отражение в современной научной литературе, охватывая проблематику городской идентичности, символической репрезентации, культурной медиатизации и социокультурного конструирования пространства. В контексте теоретико-методологических оснований исследования концепт города как символического образования раскрывается в трудах отечественных и зарубежных авторов (Линча, 1982; Горнова, 2019; Ефимов, Мина, 2021; Алексеева, 2020) как структура коллективной идентификации, опосредованная культурными маркерами и визуально-пространственными кодами.

Символическая и нарративная функции достопримечательностей интерпретируются в логике социологии знания и урбанистической семиотики, что нашло выражение в концепциях П. Бергера и Т. Лукмана (Бергер, Лукман, 1995), П. Бурдьё (Бурдьё, 2007) и Э. Гидденса (Гидденс, 2005), где культурные объекты трактуются как институционализированные конструкции репрезентации социальной реальности.

Несмотря на значительный объем теоретических разработок, остаются недостаточно проработанными аспекты повседневных социальных практик, через которые туристические достопримечательности становятся медиаторами идентичности и механизмами репрезентации городского пространства. Особенно это проявляется в малых исторических городах, таких как Болгар, где при высокой плотности объектов культурного наследия наблюдается институциональ-

ная и цифровая фрагментация каналов символического воспроизводства. В условиях глобализации, платформенной культуры и медийной конкуренции, проблема формирования устойчивого и дифференцированного образа таких городов требует привлечения междисциплинарных инструментов и переосмысления существующих теоретических схем в свете трансформации культурной коммуникации.

Город Болгар, расположенный в Республике Татарстан, является уникальным примером синтеза древней истории и современного туристического потенциала. Включенный в 2014 г. в список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО, Болгарский историко-археологический комплекс стал символом сохранения наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды. По данным ЮНЕСКО, за последнее десятилетие объект привлек более 2 млн посетителей, а в 2023 г. поток туристов превысил 500 тыс. человек, что на 25% больше, чем в 2022 г. (UNESCO: Bolgar Historical..., 2025). Эти цифры подчеркивают растущий интерес к городу, который еще в 2017 г. вошел в топ–10 «Самых привлекательных малых городов для туризма» по версии Российского союза туриндустрии и был номинирован на Национальную премию по туризму в категории «Культурно-историческое наследие» (Болгар из Татарстана возглавил..., 2025). Однако практическая реализация данного потенциала сталкивается с множеством системных ограничений: недостаточно развитая инфраструктура, охватывающая транспортную доступность, гостиничную индустрию и цифровые платформы для взаимодействия с туристами, формирует дополнительные препятствия для развития города в качестве востребованного туристского центра.

Вместе с тем, несмотря на активное развитие туристической сферы в городах с историко-культурным потенциалом, в научной литературе недостаточно освещена проблема двойственного восприятия таких городов со стороны местных жителей и туристов. Для туристов город, как правило, сразу формируется как привлекательное и эстетически насыщенное пространство, историческая жемчужина, куда стремятся ради культурного опыта и положительных эмоций. В то же время у местных жителей образ города более реалистичен и не идеализирован, так как они ежедневно сталкиваются с трудностями, связанными с ростом цен, ухудшением экологической ситуации, перенаселенностью в туристический сезон и инфраструктурными перегрузками, хотя туристический поток может приносить и экономические выгоды, включая новые рабочие места. Подобная асимметрия в восприятии городской среды между внешними посетителями и постоянными жителями обуславливает необходимость комплексного подхода к развитию туристических территорий, предполагающего институциональное признание плюрализма восприятия, формирование сбалансированных механизмов адаптации городской инфраструктуры к разнонаправленным интересам.

В рамках исследования образа города Болгар, а также изучения влияния туристических достопримечательностей на формирование и трансформацию городской идентичности местного населения авторами была применена сме-

шанная стратегия, которая включала в себя качественный и количественный методы.

Количественный этап исследования был реализован в формате массового анкетного опроса, проведенного в онлайн формате. В исследовании в рамках квотной стратифицированной выборки приняли участие 567 жителей города Болгар, что позволило выявить обобщенные тенденции в городском восприятии, а также определить влияние на него активного развития туристических достопримечательностей Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника. В рамках второго этапа исследования было проведено 15 глубинных интервью с горожанами, проживающими на территории Болгара более 10 лет. Полученные оценки и мнения способствовали более глубокому пониманию индивидуальных представлений о роли культурного наследия в формировании и трансформации локальной городской идентичности.

Одним из важнейших факторов, влияющих на восприятие респондентами образа города, на наш взгляд, является длительность проживания, так как временной горизонт пребывания респондента в городской среде прямо соотносится с глубиной его включенности в повседневные практики, уровнем адаптации к локальному сообществу, степенью символической идентификации с городом, с индивидуальной способностью к наблюдению и оценке происходящих пространственных и институциональных изменений. Именно опыт длительного проживания позволяет фиксировать город не как внешнюю территорию, а как систему смыслов, устойчивых ассоциаций, привычных маршрутов и ритмов жизни. Распределение ответов по длительности проживания в городе Болгар демонстрирует преобладание устойчивой и глубоко укорененной части населения, поскольку 89,1 % заявили, что живут в городе более 15 лет, а это означает, что именно эта часть выборки способна ретроспективно осмыслять изменения, происходившие в городской среде в течение как минимум полутора десятилетий. Такой временной горизонт охватывает не только период включения Болгара в Список всемирного наследия ЮНЕСКО в 2014 г., но и процессы инфраструктурных, визуальных и репрезентативных городских изменений.

Эмоциональное отношение респондентов к месту своего проживания выполняет в логике исследования не просто фиксирующую функцию, а позволяет оценить один из базовых компонентов локальной городской идентичности – уровень принятия городской среды как собственной. Так, согласно ответам респондентов, более половины из них (53,4%) положительно оценивают жизнь в городе Болгар. Существенная доля опрошенных (36,5%) отмечает, что скорее привыкла к жизни в городе, и лишь 7,1% выразили явное недовольство, а 3% затруднились с ответом.

Среди женщин доля положительных оценок («Да, нравится») составляет 53,7%, что превышает аналогичный показатель среди мужского населения (45,8%). В то же время мужчины чаще отмечают нейтральное отношение, которое выражается в ответе «Привык за все время проживания» (42,7% среди мужчин, 36,1% среди женщин).

При корреляционном анализе этого же вопроса с возрастом респондентов было выявлено, что наибольшая доля положительных оценок зафиксирована среди респондентов в возрасте 55 лет и старше (60,5%), что свидетельствует о высоком уровне удовлетворенности жизнью у горожан старшего поколения.

Вопрос об удовлетворенности условиями жизни позволяет зафиксировать субъективное восприятие совокупных параметров городской среды, включая доступность базовых инфраструктурных услуг, качество жилья, экологические условия, состояние социальной сферы и общее чувство защищенности. При этом важно отметить, что уровень удовлетворенности отражает не столько изолированную оценку отдельных характеристик, сколько комплексное соотношение между ожиданиями респондента и реальными условиями. Так, результаты свидетельствуют о преимущественно положительном восприятии условий жизни в городе Болгар. Более половины респондентов (51,5%) указали, что они скорее удовлетворены существующими условиями, а еще 22,6% заявили о полной удовлетворенности. Таким образом, совокупная доля удовлетворенных жителей составляет 74,1%.

Интересен тот факт, что продолжительность жизни прямо соотносится с удовлетворенностью условиями жизни в городе. Так, при анализе опроса было выявлено, что люди, прожившие в городе более 15 лет, в целом более удовлетворены условиями жизни (47,7% из них склоняются к ответу – скорее удовлетворены, и 24,8% – полностью удовлетворены).

Значимой составляющей городской идентичности является чувство принадлежности к городскому сообществу. Почти половина опрошенных (46,6%) выбрали максимальную оценку (5), указывая на то, что они чувствуют себя неотъемлемой частью городского пространства и сообщества. Еще 27,6% выбрали оценку «4», что также свидетельствует о высоком уровне восприятия себя как «своего» в городе. Эти показатели свидетельствуют о том, что горожане воспринимают место своего проживания не только территориально, но и нормативно, поведенчески и эмоционально.

Фиксация содержательных доминант в ответах респондентов на вопрос о ценностных основаниях их привязанности к городу позволяет не просто очертить субъективную структуру позитивного восприятия городской среды, но реконструировать те механизмы, через которые формируется повседневная городская локальная идентичность. На их основе город функционирует как сцена базовых жизненных сценариев – от родственно-привязанностных до экологически-созерцательных – и, следовательно, служит не только пространством обитания, но и системой экзистенциальных координат. Распределение ответов выявляет устойчивую доминанту эмоционально-близостного типа: именно близость к родным и друзьям чаще всего отмечается как главная ценностная характеристика города (58,5%). Отсюда лояльность к городу проистекает не из абстрактного чувства принадлежности, а из проживания в устойчивом контуре отношений, укорененных в пространстве. Почти столь же значима категория – спокойный и размеренный ритм жизни (53,3%), что указывает на восприятие

города как безопасной, ритмически предсказуемой среды. Также 47,8% ценят в городе живописную природу, а еще 43,7% – ощущение дома и уюта, что также свидетельствует об укорененной городской идентичности. Город Болгар в этой логике представляется местным жителям тихим, близким, родным, окруженным природой, знакомым автоматизмом повседневных практик.

Выявление характеристик, которые респонденты считают присущими городу Болгар, позволяет понять, какие черты городской среды воспринимаются населением как устойчивые, значимые и формирующие общий образ города. В отличие от оценочных суждений, здесь фиксируются скорее устойчивые представления, то есть то, что жители считают типичным для своего города. Результаты демонстрируют, что наибольшее число горожан (55,2%) отмечает сохранение исторического наследия как характерную черту города, что свидетельствует о высокой значимости культурной памяти и устойчивом восприятии Болгара как города с исторической глубиной. Также значимой характеристикой оказалась экология (51,1%). Это особенно важно в контексте нарастающего туристического потока, поскольку может означать потенциальный конфликт между стремлением сохранить природную тишину и негативными последствиями массового туризма. Многими респондентами отмечалась безопасность городской среды (42%). Восприятие Болгара как безопасного пространства свидетельствует о наличии у горожан чувства защищенности и доверия к локальной среде.

Выбор ассоциаций, через которые респонденты описывают городской образ, позволяет выявить не только внешние оценки среды, но и структуру повседневных представлений о городе как символическом и социальном пространстве. Именно через такие суждения можно понять, в каком направлении происходит трансформация восприятия городской среды – в сторону устойчивости, модернизации, или же отчуждения и неопределенности. Наибольшее количество респондентов (70%) считают свой город тихим и спокойным, что позволяет сделать вывод о доминировании статичной и устойчивой модели восприятия городской среды, в которой ценится предсказуемость, ритмическая равномерность и отсутствие резких социальных или визуальных контрастов. Следом по частоте упоминаний идет характеристика исторического, культурного города (52,2%). Это подтверждает устойчивость культурного кода в коллективном восприятии города.

При этом в ходе глубинных интервью на вопрос о символическом образе Болгара проявляются контрастные формулировки. Так, одни информанты отмечали: «...тихий, провинциальный, родной городок» (инф. 2, жен., 68 лет); «Болгар, в первую и главную очередь, исторический» (инф. 1, муж., 52 года). Другие же, говоря о городе, давали иные характеристики: «Он как каменный цветок... красив своей древностью, но какой-то серый» (инф. 7, жен., 50 лет); «Город одиночества, потому что люди тут чувствуют себя одиноко...» (инф. 4, жен., 18 лет); «Город стагнирующий, то есть не развивающийся, стоящий на одном месте» (инф. 6, жен., 23 года).

Выявление качеств, ассоциируемых респондентами с жителями их собственного города, позволяет раскрыть ценностные установки локального сообщества, степень внутренней солидарности, а также специфику идентификационных ожиданий, связанных с образом типичного горожанина. Наиболее часто обозначаемые респондентами черты, в числе которых доминируют доброжелательность (44,8%) и гостеприимство (44%), образуют устойчивое ядро позитивной идентичности горожанина. Почти столь же значима характеристика, связанная с уважением к традициям (41,7%), что позволяет трактовать ее не как абстрактное утверждение, а как признак устойчивого социокультурного механизма, обеспечивающего воспроизводство коллективной идентичности, при этом не столько через сакрализованную память, сколько через встраивание исторических ориентиров в повседневные практики. Однако примечательно, что в открытой графе «Другое» респонденты характеризовали жителей как жадных, завистливых и ленивых, что может говорить о неоднородности городского населения и их оценок.

Шкалирование удовлетворенности по девяти ключевым направлениям городской жизни позволяет оценить структуру повседневного восприятия городской среды, а также выявить зоны комфортного и дискомфортного проживания. Наиболее высоко оценивается сфера сохранения исторического наследия, где более 75% респондентов выбрали оценки «4» или «5», что указывает на доверие к культурной политике города и согласие с институциональным образом Болгара. Схожую положительную тенденцию демонстрирует экология и природные зоны, что может быть связано как с географическими особенностями территории, так и субъективным чувством принадлежности к тихому и природному городу, зафиксированному в предыдущих вопросах. Высокие значения были даны и в отношении благоустройства и внешнего вида города, что может быть связано с эффектом «витринности» города. В то же время, оценки досуговой инфраструктуры, дорог и транспорта и, в особенности, трудоустройства и бизнеса фиксируют зоны фрустрации, в которых символическая репрезентация города не подкрепляется соответствующими повседневными практиками.

В интервью информантами также отмечалось устойчивое недовольство транспортной ситуацией, качеством базовых услуг и дефицитом пространств для досуга: «*Общественного транспорта у нас вообще нет!*» (инф. 7, жен., 50 лет); «*...пьем непитьевую воду*» (инф. 9, муж., 38 лет); «*Не хватает движа и какого-то развития*» (инф. 15, муж., 25 лет).

Прогностические установки в отношении дальнейшего проживания в городе позволяют судить не только о степени текущей удовлетворенности, но и о долговременной включенности индивидов в локальное сообщество. Почти три четверти респондентов (73,6%) выражают готовность остаться в городе – как в долгосрочной (41,7%), так и в среднесрочной перспективе (31,9%), что позволяет говорить о высоком уровне территориальной привязанности. Причем важно, что почти половина опрошенных выбрали наиболее устойчивую форму лояльности – «планирую жить здесь всегда» – что можно трактовать как наличие

интегративной идентичности, в рамках которой Болгар воспринимается не просто как место проживания, но как часть собственной биографической траектории и жизненного проекта.

При корреляционном соотношении прогностических установок и возраста респондентов было отмечено, что молодежь, вполне ожидаемо, чаще выражает сомнения относительно длительного проживания в городе. Так, 39% респондентов в возрасте 18–24 года не планируют оставаться в Болгаре, а еще 35,6% планируют прожить в городе еще какое-то время. В возрастной группе 25–34 года 52,8% респондентов планируют жить в городе еще какое-то время, что также говорит о возможности будущих перемен.

Анализ предпочтений горожан в выборе пространств для проведения свободного времени позволяет охарактеризовать повседневные пространственные практики, выявить центры притяжения городской активности, а также оценить, насколько институциональные и туристические зоны включены в локальные сценарии жизни болгарцев. Результаты опроса демонстрируют, что наиболее посещаемыми пространствами являются центральная площадь города (62,9%), музей-заповедник (51,1%), а также объекты досуга, такие как кинотеатр, спортивные комплексы и др. (50,3%). Стоит отметить Болгарский музей-заповедник в качестве одного из основных пространств для досуга, ведь это особенно важно в контексте туристической репрезентации: как видно, ключевые туристические объекты интегрированы в практику городского обитания, а значит, не воспринимаются как отчужденные от местных жителей.

Частота посещения местных достопримечательностей жителями города Болгар позволяет оценить реальный уровень включенности туристических объектов в повседневные практики горожан. Две трети опрошенных (64,9%) посещают местные достопримечательности либо иногда, либо часто, что свидетельствует о достаточно высоком уровне вовлеченности в культурный ландшафт города. Наиболее многочисленная группа – это те, кто посещает объекты эпизодически (1–2 раза в год). Данный тип поведения сопряжен с календарными событиями, визитами родственников, сопровождаемыми экскурсией, либо выполнением формальных функций. Сходную долю составляет группа, посещающая достопримечательности 3–5 раз в год, что можно квалифицировать как умеренно устойчивую форму практики, когда символические и культурные пространства города воспринимаются не исключительно как туристические, но и как ресурс досуга или смыслового возврата.

Список туристических мест, которые жители советуют в первую очередь, показывает, какие объекты – сакральные, культурные или рекреационные – закрепились в коллективном представлении как визуальные и символические «визитные карточки» города. Почти три четверти респондентов (74,2%) назвали Белую мечеть, за ней следует Музей Болгарской цивилизации (47,3%) и Памятный знак в честь принятия Ислама волжскими булгарами в 922 году (39,8%). Эти три позиции формируют устойчивый культурно-религиозный кластер, который жители считают главным носителем исторической памяти и визуального

бренда города. Высокое присутствие в ответах комплекса «Kol Gali Resort & Spa» (35,4 %) показывает, что даже коммерческий объект может закрепляться в локальном образе как символ престижности города.

Шкала, в которой жители оценивали по семи отдельным позициям, как именно туристические достопримечательности выполняют ключевые функции (культурные, социальные и экономические), позволяет увидеть дисбаланс между символическим и практическим эффектом туризма. Высокие оценки по двум позициям – отражают историю и культуру города, сохраняют и передают историческую память – демонстрируют высокий уровень доверия к туристическим объектам как носителям аутентичного прошлого. Сравнительно низкая оценка по позиции, что достопримечательности «объедают местное население» – служит индикатором того, что они, будучи объектами коллективного интереса, не воспринимаются как инструменты консолидирующего действия, а скорее остаются внешними по отношению к горизонтальным социальным связям.

Еще один аспект, который раскрывается через функциональный компонент туристических объектов – это крупные мероприятия, которые становятся важным элементом культурной идентичности. Практически все информанты в интервью упоминали праздник Джиен: *«Это Джен, он будет 19 мая... историческое событие, более 20 лет...»* (инф. 10, муж., 30 лет); *«Крупное событие для нас – это, конечно же, Джиен. Это в честь принятия Ислама* (инф. 8, жен., 44 года).

Оценка того, изменился ли город Болгар за последние 10–15 лет, выступает своеобразным индикатором коллективной памяти об урбанистической динамике: ответы фиксируют, в какой степени жители замечают и признают институциональные, визуальные и инфраструктурные новации. Преобладание положительных оценок (42,9% – значительно изменился в лучшую сторону, и 44,8% – скорее изменился в лучшую сторону, но не значительно) позволяет зафиксировать, что большинство жителей воспринимают трансформации города как позитивные, однако лишь половина из них видит эти изменения как по-настоящему масштабные.

Анализ ответов интервью показывает, что представления о трансформации образа города Болгар формируются вокруг наблюдаемых изменений в благоустройстве и культурной инфраструктуре: *«Безусловно, меняется... улучшилось качество дорог, освещение, появилось много нового озеленения, клумбы, сетевые магазины»* (инф. 9, муж., 38 лет); *«...современный ландшафтный дизайн по многим участкам города, но по ощущениям все это очень мало»* (инф. 5, жен., 77 лет).

Перечень изменений, которые жители сочли наиболее значимыми – это прямой срез того, как коллективное сознание ранжирует результаты городской трансформации. Сочетание трех лидирующих позиций – развитие туристической инфраструктуры (63,5%), улучшение внешнего облика города (56%) и увеличение числа туристов (52,2%) – демонстрирует, что массовое восприятие сосредоточено на визуально ощутимых и медиатизированных признаках урба-

нистических сдвигов, при этом доминирует тот слой трансформаций, который ориентирован не столько на внутреннее функционирование городской среды, сколько на ее репрезентацию вовне.

Ответы респондентов на вопрос «Изменилась ли Ваша жизнь с развитием туристических достопримечательностей и включением Болгара в список ЮНЕСКО?», диагностирует субъективную репрезентацию структурных преобразований на уровне повседневного опыта. Значительная доля ответов «не изменилась» (42% от общего числа респондентов) – позволяет утверждать, что значительная часть горожан остается вне прямого воздействия туристической модернизации, и при этом осмысляет происходящие изменения как внешние по отношению к собственной повседневности, а не как события, затрагивающие уровень жизни. Еще почти половина опрошенных (в сумме 46%) связывает происходящие изменения с улучшением личной жизни, однако большинство из них (26,7%) оценивают эффект как умеренный, тогда как только 19,3% фиксируют его как значительный.

Развитие туризма и включение Болгара в список ЮНЕСКО, по мнению всех информантов интервью, действительно оказывает влияние, но каждый акцентирует свою грань: *«Самое важное – строительство болгарского причала и набережной»* (Информант 8, жен., 44 года); *«...появилась Белая мечеть, не хуже, чем в Турции... памятный знак с самым большим печатным Кораном»* (инф. 1, муж., 52 года); *«Летом проходят театры-оперы, рыцарские бои»* (инф. 11, жен., 50 лет).

Анализ положительных аспектов развития туризма в городе Болгар раскрывает одну из значимых сторон урбанистической трансформации городского пространства. Половина опрошенных (50%) в качестве основной положительной характеристики отмечают сохранение культурного наследия и истории своих предков. Это доказывает значимость культурно-исторических объектов не только в ландшафте городской среды, но и в городской идентичности местного населения.

Среди плюсов туризма в интервью информанты отмечали инновации: *«Появляются новые направления... сувенирная промышленность развивается»* (инф. 9, муж., 38 лет); финансовую подпитку: *«...бюджетные донации, рабочие места»* (инф. 1, муж., 52 года), но в то же время подчеркивали сложности: *«...большое скопление людей, надо контролировать»* (инф. 14, жен., 33 года); *«...проектирование улиц хромает»* (инф. 11, жен., 50 лет); *«Автобусного сообщения до заповедника нет, и вообще с транспортом в городе проблемы»* (инф. 8, жен., 44 года).

Анализ негативных последствий развития туризма и функционирования достопримечательностей в Болгаре позволяет реконструировать обратную сторону урбанистической трансформации. Фиксация повышения цен в качестве главного негативного следствия развития туристической инфраструктуры, получившая поддержку 40,4% респондентов, отражает не просто ощущение инди-

видуального экономического давления, но и скрытое недоверие к перераспределению выгод в городской экономике.

Оценка отношения местных жителей к туристам в контексте устойчивости символического баланса между внутренними и внешними акторами городской среды представляет собой критически важный показатель социального самочувствия в условиях туристической трансформации. Распределение оценок демонстрирует, что представления горожан о туристах варьируют от открытого одобрения до эмоционально нейтрального принятия, при этом совокупная доля положительных установок (в основном доброжелательное и скорее доброжелательное) составляет 56,5%, что позволяет говорить о наличии устойчивого фона гостеприимства, при котором турист воспринимается скорее как желанный субъект локального взаимодействия. Тем не менее, значительная по масштабу группа в 37,1% характеризует свое отношение как нейтральное, что можно интерпретировать не столько как равнодушие, сколько как адаптированную форму толерантности, обусловленную нормализацией присутствия внешних гостей в городской среде.

Вопрос о восприятии текущего туристического потока в городской среде Болгара позволяет не только зафиксировать степень удовлетворенности жителей интенсивностью посещения города, но и реконструировать скрытую структуру социального баланса между необходимостью привлечения туристического капитала и стремлением к сохранению повседневной комфортности. Полученные данные демонстрируют наличие доминирующей позитивно-нейтральной установки, в рамках которой более половины респондентов (51,9%) расценивают существующий туристический поток как сбалансированный и не наносящий ощутимого ущерба городской повседневности. С другой стороны, значительная доля опрошенных (34,3%) формулирует сдержанно-критическую позицию, признавая, что при всей пользе для города текущий поток требует определенного уровня управления и нормативного сопровождения.

Вопрос о степени соответствия между символическим образом города, формируемым в туристических коммуникациях, и реальным, повседневно проживаемым пространством, имеет не столько описательный, сколько индикативный характер, поскольку позволяет реконструировать то, насколько локальное население ощущает аутентичность происходящих трансформаций. Совокупная доля положительных оценок (варианты – полностью соответствует и скорее соответствует) составляет 60,7%, что может свидетельствовать о достаточно высоком уровне доверия к создаваемому туристическому образу.

При этом в ходе интервью в ответах информантов прослеживается идея разрыва между сакрализированным фасадом и невидимой повседневностью: *«Они воспринимают другую сторону медали... больше духовную составляющую»* (инф. 7, жен., 50 лет); *«Они многие и не заезжают в город Болгар и даже не знают, что тут кто-то еще живет»* (инф. 3, муж., 22 года); *«Некоторые места смотрятся бедненько... хотелось бы, чтобы этот контраст был стерт»* (инф. 9, муж., 38 лет); *«...город просто придаток к заповеднику»* (инф.

12, муж., 70 лет). Тем самым формируется представление о визуально-функциональной сегментации города, в которой реальный Болгар остается вне поля восприятия гостей.

Отношение жителей к вопросу, в какой мере существующие туристические объекты реально формируют для внешней аудитории позитивный образ Болгара, задает меру совпадения между локальной самоидентификацией и институциональной стратегией бренда города. Почти три четверти выборки (74,7%) выражают убеждение, полное или умеренное, что туристические объекты действительно работают на позитивный образ города, и подобная консолидация демонстрирует, что внешняя нарративная стратегия воспринимается не как навязанная, а как приемлемая форма репрезентации.

В интервью информанты в первую очередь упоминают природу, музей-заповедник и общее впечатление уюта и спокойствия: *«Небольшой красивый, зеленый город с множеством памятников... красивое расположение на берегу Волги, окружен экологически чистым сосновым лесом»* (инф. 13, жен., 34 года); *«Показать можно историческую часть, делать на нее упор»* (инф. 1, муж., 52 года); *«...замечательный музей-заповедник, благодаря которому наш город стал известен даже за рубежом»* (инф. 2, жен., 68 лет). Таким образом, образ города, который жители формулируют для внешнего восприятия, практически полностью связан с музейным комплексом.

Вопрос о приоритетных направлениях дальнейшего развития Болгара позволяет реконструировать иерархию ожиданий со стороны местного населения, соотносящуюся не с формальными программами благоустройства или туристического продвижения, а с конкретными потребностями повседневного жителя. Наиболее четко выраженным направлением, которое респонденты считают приоритетным для городского развития, выступает инфраструктурный вектор (62,9%), причем под этим выбором скрывается не только ожидание капитальных вложений в дороги, инженерные сети и городскую мобильность, но и символическое требование устойчивости среды как платформы для повседневного бытия. Также приоритетным направлением, по мнению опрошенных, выступает создание комфортной среды (59,1%), что указывает на устойчивый тренд фокусирования не на туристе, а на горожанине: речь идет о признании необходимости развивать такие параметры, как тишина, доступность зеленых зон, безопасность, чистота и удобство городской навигации – то есть об условиях, в которых житель ощущает принадлежность, а не отчуждение от родного пространства. Высокий уровень поддержки идеи привлечения инвестиций (50%) свидетельствует о понимании населением ресурсных ограничений локальной экономики и о надежде на внешние капиталовложения как условие запуска мультипликативного эффекта в других сферах.

Проведенное исследование позволило не только выявить основные параметры городской идентичности жителей Болгара, но и реконструировать структуру повседневного восприятия городской среды в условиях ее институциональной и туристической трансформации. Полученные данные подтверждают,

что значительная часть населения демонстрирует устойчивую аффективную привязанность к городу, опирающуюся не столько на экономические или карьерные мотивы, сколько на стабильность жизненного уклада, родственные и микросоциальные связи, экологический комфорт и историко-культурную укорененность. При этом восприятие символического образа Болгара и туристических объектов в целом положительное, однако сопровождается выраженной амбивалентностью: жители признают вклад туризма в развитие инфраструктуры и имиджа города, но одновременно фиксируют рост цен, инфраструктурные перегрузки и ощущение отдаленности от принимаемых решений.

Анализ установок показывает, что большинство горожан готовы принимать участие в городской жизни и сохраняют долгосрочную привязанность к месту, однако фиксируется также устойчивая доля респондентов, испытывающих символическое отчуждение или демонстрирующих идентификационную неопределенность. Эти группы, как правило, не чувствуют себя полноправными участниками процессов трансформации городской среды и не идентифицируют себя с туристическим образом Болгара. Таким образом, результаты указывают на необходимость усиления механизмов социальной инклюзии, культурной сопричастности и экономического перераспределения эффектов туристического развития в пользу местного сообщества, что в перспективе позволит перейти от модели внешнеориентированной репрезентации к устойчивой и сбалансированной городской идентичности, включающей всех резидентов как соавторов локального будущего.

Несмотря на устойчивое преобладание в восприятии города Болгар положительных эмоциональных и символических коннотаций, выявленных в ходе эмпирического анализа, детальное сопоставление количественных и качественных данных позволяет обнаружить менее очевидный, но системно значимый пласт напряжений, противоречий и дисбалансов, охватывающих как материальную инфраструктуру городской среды, так и субъективные формы идентификации, социальной сопричастности и культурной включенности. Именно в промежутке между внешне успешной институциональной репрезентацией (через объекты культурного наследия и туристические коды) и внутренним повседневным опытом жителей, особенно в возрастно-молодежных и экономически активных группах, начинает проступать поле противоречивых ожиданий, критических оценок и нормативных расхождений, которые на уровне индивидуальных практик могут оставаться фрагментарными, но в совокупности формируют устойчивую структуру риска. Подобные несоответствия между официальной нарративной рамкой и живыми контурами городской реальности проявляются не только в отзывах о транспортной, экологической или культурной составляющей, но и в более глубоких процессах – от ощущения социального неучастия в управлении городской повесткой до символического отчуждения от образа города, воспроизводимого в публичных коммуникациях. В рамках такого подхода особенно значимым становится выявление и классификация проблемных зон и рисков, которые на сегодняшний день не перешли в фазу остро-

го конфликта, но обладают высокой потенциальной инерцией и способностью к самоусилению при отсутствии структурного ответа (табл. 1).

Таблица 1

Структурно-функциональные противоречия и риски трансформации городской среды Болгара в контексте туристического развития

№	Проблема	Потенциальные риски	Намечающаяся негативная тенденция
1	Ограниченная доступность общественного транспорта, фрагментарное состояние дорожной сети, конфликтные практики такси – логистический разрыв между причалом и достопримечательностями	Упадок территориальной мобильности, рост латентной социальной напряженности, закрепление автозависимости	Пространственная сегрегация, затрудненный доступ жителей и туристов к инфраструктуре
2	Дисбаланс между благоустроенной зоной музея-заповедника и обыденной жилой тканью города	Формирование двойного образа Болгара, угроза отчуждения горожан от модернизационных программ	Углубление визуально-функциональной поляризации, стагнация внутригородских кварталов
3	Повышение цен на товары и услуги вслед за ростом туристического спроса	Снижение экономической доступности базового потребления, вытеснение уязвимых групп	Инфляционная спираль, усиление социальной стратификации
4	Низкие оценки возможностей трудоустройства и развития бизнеса вне туротрасли	Экономическая монозависимость от сезонного потока, миграционный отток молодежи	Стагнация инноваций, демографическое старение
5	Высокая доля молодежи, планирующей покинуть город	Демографический дисбаланс, ослабление социокультурного обновления	Необратимое старение населения, сокращение активного гражданского участия
6	Дефицит досуговых и креативных пространств для резидентов	Падение качества городской жизни, усиление монофункциональности турзоны	Экспорт досуга за пределы города, культурная однообразность
7	Жалобы на непитьевую воду и недостатки коммунального сервиса	Риски для общественного здоровья, эпидемиологическая уязвимость	Хронизация инфраструктурной деградации
8	Неравномерное распределение выгод от туризма, включая случаи выселения из заповедной территории	Рост ощущаемой социальной несправедливости, конфликты интересов «гость–житель»	Укоренение недоверия к институтам управления
9	Разрыв между сакрализированным фасадом города и повседневной реальностью, символическое отчуждение части населения	Эрозия локальной идентичности, снижение гражданской вовлеченности	Формирование «города-витрины», где резиденты выступают статистами

№	Проблема	Потенциальные риски	Намечающаяся негативная тенденция
10	Опасения экологического давления при растущем турпотоке	Деграция природного ландшафта, утрата экологического комфорта	Истощение рекреационного ресурса, спад привлекательности
11	Часть жителей ни разу не посещала музейные объекты	Разрыв внутренней культурная коммуникация, ослабление коллективной памяти	Дифференциация «потребителей» и «носителей» наследия
12	Недоразвитость альтернативных точек притяжения (верблюда ферма, исторические дома)	Зависимость бренда от узкого набора объектов, риск однотипности туристического опыта	Переутомление аудитории, возможный спад интереса к маршруту

Как видно из представленных данных исследования, на фоне активного развития туристических маршрутов и эстетически благоустроенных зон, обслуживающих внешний имидж города, сохраняется диссонанс между визуально преобразованным фасадом и повседневной реальностью жилых кварталов, что постепенно формирует у части населения ощущение отчужденности, административной отдаленности и несправедливости. Подобное противоречие усиливается в условиях слабой транспортной связности и отсутствия регулярного курсирования общественного транспорта, что ограничивает мобильность как самих жителей, так и гостей, затрудняя включение периферийных районов в общее городское пространство.

Социально-экономическая ситуация характеризуется тем, что городская экономика демонстрирует зависимость от туристического потока, в то время как альтернативные формы занятости и предпринимательства развиты недостаточно, в свою очередь, это порождает неопределенность в отношении профессионального будущего молодежи, способствует миграционным установкам и усиливает общий риск демографического старения, что, как следствие, ослабляет механизмы социального и культурного обновления. Повышение цен, происходящее на фоне роста туристической активности, воспринимается жителями не как побочный эффект, а как прямая угроза доступности базовых ресурсов, что может усиливать социальное напряжение в долгосрочной перспективе.

Особое опасение вызывает ограниченность возможностей для культурного участия и досуговой активности со стороны местного населения, что выражается в нехватке открытых пространств, инициативных площадок и событий, не связанных напрямую с туристическим обслуживанием. Это приводит к тому, что даже важнейшие культурные объекты, формирующие исторический облик города, нередко воспринимаются населением как внешние и ориентированные преимущественно на гостей, а не на самих горожан, что ослабляет чувство сопричастности и снижает мотивацию к участию в поддержании и развитии культурной среды.

Наряду с этим, фиксируется нарастающее беспокойство, связанное с экологическим давлением на городскую природу: рекреационные зоны и природные ландшафты, ранее воспринимавшиеся как неотъемлемая часть повседневной жизни, оказываются под угрозой из-за роста посещаемости и отсутствия экологически сбалансированных механизмов регулирования. В условиях, когда городская среда не адаптируется к новым нагрузкам, возникает риск утраты одной из основных нематериальных ценностей – ощущения природной гармонии, чистоты и покоя.

Выявленные проблемы не только взаимосвязаны, но и обладают способностью к взаимному усилению: инфраструктурные и пространственные дефициты сопрягаются с социальными тревогами, экономическая уязвимость – с ощущением символического исключения, а экологическая нестабильность – с утратой повседневной комфортности. Эти процессы требуют не просто технической или управленческой коррекции, а комплексного переосмысления баланса между туристической экспозицией города и качеством жизни его постоянных жителей, между репрезентативностью фасадного образа и устойчивостью внутреннего городского уклада.

Опираясь на проведенный анализ восприятия туристических достопримечательностей жителями города Болгар, на выявленные когнитивные и эмоциональные оценки локальной среды, авторами были сформулированы содержательные рекомендации, направленные на усиление имиджа города как культурно значимого, туристически привлекательного и устойчиво развивающегося пространства (табл. 2).

Таблица 2

**Направления стратегического развития имиджа города Болгар
на основе потенциала туристической среды**

№	Направление	Содержательное пояснение	Тип воздействия	Потенциал трансформации
1	Пересмотр логики городской мобильности	Необходим переход от простой радиальной схемы движения к более гибкой, децентрализованной и адаптивной транспортной структуре, способной учитывать реальную структуру передвижений и пики активности разных групп населения.	Пространственно-инфраструктурное	Снижение транспортных конфликтов, улучшение доступности, повышение устойчивости к сезонным перегрузкам.
2	Сближение «парадной» и «жилой» городской среды	Изменения, происходящие в туристически значимых зонах, должны логически и символически отражаться и на жилых территориях, чтобы не усиливать разрыв между «витриной» и «реальной	Социально-культурное	Повышение чувства сопричастности у местных жителей, снижение напряжения и недоверия.

№	Направление	Содержательное пояснение	Тип воздействия	Потенциал трансформации
		жизнью» города.		
3	Мягкое регулирование ценовой доступности	Вместо прямых дотаций – внедрение гибких и ненавязчивых механизмов компенсации для резидентов в пиковые туристические периоды, снижая эффект «сезонной инфляции».	Социально-экономическое	Снижение уязвимости малообеспеченных групп, повышение устойчивости потребления.
4	Поддержка малых инициатив и локального предпринимательства	Город должен стимулировать появление новых форм занятости, самозанятости и микропредприятий, особенно в ремесленной и креативной сферах, как устойчивую альтернативу сезонной занятости в сфере услуг.	Экономико-институциональное	Расширение экономической базы, удержание активного населения, оживление локальных рынков.
5	Условия для временного и постоянного укоренения молодежи	Молодым людям необходимы формы участия, которые дают не только опыт, но и реальные преимущества (например, учет стажа, приоритеты в жилье). Это укрепляет их связь с городом.	Демографическое, образовательное	Уменьшение оттока молодежи, формирование кадрового резерва и интеллектуального потенциала.
6	Распределение культурной активности по всей городской территории	Культура не должна сосредотачиваться только в музейном центре – важно создавать сеть точек притяжения на периферии: мастерские, открытые площадки, галереи.	Культурно-пространственное	Рост культурного капитала в жилых зонах, снижение нагрузки на центр, активизация локальных сообществ.
7	Вовлечение жителей в процесс принятия решений	Необходимо, чтобы жители не только наблюдали за преобразованиями, но и активно участвовали в выборе направлений развития, распределении ресурсов, мониторинге эффективности.	Политико-гражданское	Повышение легитимности городской политики, снижение протестных настроений, рост доверия.
8	Репрезентация повседневности в культурной политике	Город должен фиксировать и транслировать не только официальную историю, но и «живые» рассказы, личные воспоминания, бытовые сюжеты жителей. Это создает более полную картину идентичности.	Культурно-семантическое	Смягчение барьеров между «официальной» и «личной» историей, включение жителей в культурный процесс.
9	Гибкое управление нагрузкой на	В условиях роста турпотока нужно использовать цифровые инструменты, позво-	Экологико-технологическое	Сохранение ландшафтов и памятников, умень-

№	Направление	Содержательное пояснение	Тип воздействия	Потенциал трансформации
	природно-культурные зоны	ляющие распределять нагрузку в зависимости от ситуации, не вводя жестких запретов.		шение рисков деградации, формирование уважительного отношения к среде.
1 0	Расширение туристического маршрута за пределы ядра	Туристические маршруты должны выходить за рамки центра, включать менее известные, но значимые объекты, формировать «модули третьего дня», чтобы увеличить длительность и глубину визита.	Туристско-экономическое	Рост выручки без увеличения плотности, удлинение среднего пребывания, диверсификация впечатлений.

Одной из приоритетных задач в данном контексте представляется необходимость переработки логистической структуры городского движения с учетом выявленного в эмпирических материалах конфликта между туристическим потоком, прибывающим через причал, и локальной маршрутной инфраструктурой, ориентированной преимущественно на радиальную схему, центрированную на музей-заповедник. С этой целью целесообразно разработать и внедрить гибкую маршрутную схему, охватывающую ключевые узлы городской мобильности: от пассажирского причала до территории музея-заповедника, далее до Центральной площади и прилегающих к ней улиц – как зоны проживания значительной доли коренного населения. Оптимальной формой транспорта могут стать малогабаритные электробусы с интервалом движения не более 10–12 минут в пик туристической нагрузки и с возможностью онлайн-отслеживания маршрутов, что обеспечит адаптивную навигацию для туристов и снизит вероятность конфликтов, связанных с несанкционированным или завышенным тарифом со стороны индивидуальных перевозчиков. Кроме того, в рамках реализации принципа «общая улица» возможно переосмысление второстепенных улиц города в качестве пространств совместного использования (пешеходы / транспорт), с соответствующей сменой покрытия, тактильной маркировкой и внедрением программируемого освещения, что позволит выровнять логистическую доступность как для гостей города, так и для самих горожан.

Вторым направлением, непосредственно соотносящимся с выявленным в опросах восприятием города как «раздвоенного» между репрезентативным туристическим фасадом и периферийной жилой тканью, может стать запуск пилотной программы «зеркального благоустройства». Суть данной инициативы заключается в том, чтобы каждое масштабное благоустройство или реконструкция на территории музейного ядра (например, очередной этап реставрации мавзолеев) сопровождалась синхронными малыми инвестициями в находящиеся в шаговой доступности, но функционально не вовлеченные жилые кварталы.

Речь может идти не о капитальных вложениях, а об установке малых архитектурных форм, элементов озеленения, замене уличного освещения, поддержке дворовых инициатив по устройству общественных зон. Это позволит не только устранить визуально-функциональный разрыв, но и создать у жителей ощущение сопричастности к процессу городской трансформации, особенно в условиях, когда, как показали интервью, модернизация зачастую воспринимается как нечто, происходящее «не для нас».

В дополнение к уже обозначенным логистическим и пространственным инициативам уместно рассмотреть набор мер, адресующих экономическое и демографическое измерения городской устойчивости, причем акцент смещается не на прямую компенсацию издержек, а на опосредованное регулирование ценовой динамики, стимулирование локального предпринимательства и удержание молодых жителей через создание ощутимых жизненных перспектив.

Для преодоления символического разрыва между фасадным, сакрализованным образом Болгара, сконструированным через доминанты музейно-религиозного комплекса, и повседневной жизнью его жителей, целесообразно инициировать разработку сериализованной аудиоэкскурсии. В отличие от традиционных маршрутов, ориентированных на хронологически-объектное воспроизведение, данный формат предполагает монтаж повествования, основанного на нарративах самих жителей Болгара – например, от бывшей учительницы начальных классов, вспоминающей, как выглядел подступ к мечети до реконструкции. Таким образом, создается публичная сцена для повседневности, вытесняемой из туристического восприятия, и размывается граница между «горожанином» и «экспонатом», превращая первый голос в равноправный элемент культурной репрезентации.

Для снижения антропогенной нагрузки на особо чувствительные природные участки городской агломерации предлагается поэтапное внедрение переменной системы нагрузки на ландшафты. Первоначально осуществляется установка онлайн-счетчиков посещаемости, по достижении порога в определенное количество человек на территории в час автоматически активируется коэффициент коррекции входного тарифа, а интерфейс туроператоров получает push-уведомление о желательной переориентации маршрутов. Альтернативные направления – например, маршрут к колодцу Габдрахмана и историко-рекреационная тропа на Малый городок – активно продвигаются через интеграцию в турплатформу. Такая система формирует гибкое распределение трафика, снижая нагрузку на основные памятники в пиковые периоды и одновременно расширяя картину восприятия территории за пределы традиционных реперных точек.

Чтобы нивелировать отчуждение части населения от символической и институциональной репрезентации города, а также ликвидировать барьер – *никогда не был в собственном музее*, зафиксированный в интервью и онлайн-опросе, предлагается инициировать ежегодный цикл мероприятий. В выбранные дни жители города получают бесплатный доступ в музейные хранилища, где им

предоставляется возможность персонализированной прогулки с куратором, рассказывающим о непоказанных широкой публике объектах. Одновременно предлагается ввести программу, в рамках которой любой резидент, предъявивший паспорт с регистрацией, получает семейный абонемент на 3 месяца, включающий бесплатный проход одного сопровождающего родственника или друга, не посещавшего ранее музей. Таким образом, создается среда культурного включения, в которой посещение институций становится не исключением, а нормализованной повседневной практикой.

Наконец, для повышения глубины туристического опыта и продления временного горизонта пребывания в городе, представляется обоснованным формирование так называемой «сетки интереса» – реестра малоизвестных, но аутентичных точек городской и пригородной среды. На основе этих локаций формируется модуль «третьего дня», предлагаемый туроператорам как факультатив к основному маршруту, при этом каждый модуль строится по принципу: «микрлокальная история + телесное участие + цифровая визуализация». В результате обеспечивается перераспределение туристического потока, его тематическое обогащение и пространственное удлинение, что позволяет задержать туриста не на 6–8 часов, как в модели экспресс-визита, а минимум на двое суток, трансформируя Болгар из транзитной точки сакрального маршрута в территорию длительного смыслового проживания.

Таким образом, предложенный комплекс мер, опирающийся на выявленные эмпирическим путем противоречия между фасадной туристической репрезентацией Болгара и повседневной практикой городского населения, предполагает институционально и пространственно распределенный подход, в рамках которого формируется логистическая связность, внедряются механизмы компенсации ценовых перегрузок и создаются локальные точки роста вне туротрасли, а культурная активность выводится за пределы музейного ядра, что, в совокупности с инструментами прямого участия жителей в распределении туристических доходов и их символической репрезентации в нарративах города, позволяет не только повысить имиджевую привлекательность Болгара, но и обеспечить воспроизводство устойчивой, социально сбалансированной и внутренне согласованной городской среды.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interest.

ИСТОЧНИКИ

UNESCO: Bolgar Historical and Archaeological Complex [Электронный ресурс]. URL: <https://whc.unesco.org/en/list/981> (дата обращения: 10.07.2025).

Болгар из Татарстана возглавил рейтинг 10 самых популярных малых городов России [Электронный ресурс]. URL: <https://wanderings.online/bolgar-iz-tatarstana/> (дата обращения: 10.07.2025).

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева В.Л. Образ города в культурном сознании // Университетская площадь: альманах. 2020. № 3. С. 174–176.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.

Бурдье П. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии, 2007.

Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. М.: Академический проект, 2005.

Горнова Г.В. Городская идентичность: философско-антропологические основания: монография. Омск: Амфора, 2019.

Ефимов А.В., Мина А.П. Феномен городской идентичности // Architecture and Modern Information Technologies. 2021. № 1. С. 262–267. <https://doi.org/10.24412/1998-4839-2021-1-262-267>

Линч К. Образ города. М.: Стройиздат, 1982.

REFERENCES

Alekseeva V.L. (2020) Image of a city in cultural consciousness. *Universitetskaya ploshchad': al'manah* [University Square: Almanac]. No. 3: 174–176. (In Russ.)

Berger P., Luckmann T. (1995) *The social construction of reality. A treatise on sociology of knowledge*. Moscow: Medium Publ. (In Russ.)

Bourdieu P. (2007) *Sociology of social space*. Moscow: Institute for Experimental Sociology Publ. (In Russ.)

Efimov A.V., Mina A.P. (2021) Phenomenon of urban identity. *Architecture and Modern Information Technologies*. No. 1: 262–267. <https://doi.org/10.24412/1998-4839-2021-1-262-267>. (In Russ.)

Giddens E. (2005) *Constitution of society: Outline of theory of structuration*. Moscow: Academic Project Publ. (In Russ.)

Gornova G.V. (2019) *Urban identity: Philosophical-anthropological foundations: Monograph*. Omsk: Amfora Publ. (In Russ.)

Lynch K. (1982) *The city image*. Moscow: Stroyizdat Publ. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Максимова Ольга Александровна, кандидат социологических наук, доцент кафедры общей и этнической социологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет (420008, ул. Кремлевская, 18, Казань, Российская Федерация); <http://orcid.org/0000-0003-4616-9488>; e-mail: olga_max@list.ru

Маслова Вероника Александровна, студент кафедры общей и этнической социологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет (420008, ул. Кремлевская, 18, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0009-0000-8247-4629>; e-mail: VAMaslova@stud.kpfu.ru

About the authors:

Olga A. Maksimova, Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor of the Department of General and Ethnic Sociology, Kazan (Volga Region) Federal University (18 Kremlevskaya St., Kazan 420008, Russian Federation); <http://orcid.org/0000-0003-4616-9488>; e-mail: olga_max@list.ru

Veronika A. Maslova, undergraduate student of the Department of General and Ethnic Sociology, Kazan (Volga Region) Federal University (18 Kremlevskaya St., Kazan 420008, Russian Federation); <https://orcid.org/0009-0000-8247-4629>; e-mail: VAMaslova@stud.kpfu.ru

Поступила в редакцию / Received 30.07.2025

Доработана после рецензирования / Revised 20.10.2025

Принята к публикации / Accepted 30.10.2025

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2025-10-4.648-670>

EDN: SFMIKW

О некоторых российских и региональных выставочных проектах 2020-х годов в арт-пространстве Казани: опыт критического анализа

И.Ф. Лобашева

*Казанское художественное училище имени Н.И. Фешина
Казань, Российская Федерация
IrinaFL@yandex.ru*

Е.А. Фахразиева

*Государственная художественно-промышленная
академия им. А.Л. Штиглица
Санкт-Петербург, Российская Федерация
fahrazievaekaterina@mail.ru*

Резюме. В статье проводится анализ арт-пространства Казани как одного из культурных центров России сквозь призму современных выставочных художественных проектов, инициированных музеями, выставочными залами и галереями. Затрагиваются как вопросы организации значимых масштабных выставок 2020-х годов, так и их научная и творческая составляющие, а также глубинный смысловой резонанс, широкий социальный отклик. Публикацию претворяет историографический обзор, в котором сделан акцент на ключевые в свете рассматриваемой темы монографические труды и научные статьи, интернет-обзоры и интервью, посвященные историческому изучению культурных точек города, их роли в формировании художественной среды Казани.

Через избранные выставочные проекты в публикации разворачивается палитра некоторых актуальных сборных выставочных проектов, а также показов творчества отдельных мастеров, чье искусство пользуется особым интересом. Как следствие, в рамках этих показов определяются приоритетные современные темы, настроения авторов произведений и зрителей, новейшие подходы в оформлении экспозиции, выявляются основные тенденции и направления художественной сферы города.

Отмечено, что наряду с постоянными музейными экспозициями классических образцов визуального искусства, город успешно создает и развивает проекты современных творцов разных областей. Именно это направление, его изменение и прогресс особенно заинтересовали и привлекли внимание авторов, так, в результате обоюдного сотрудничества преподавателя и студентки, возникла эта публикация. Более детальный и глубинный анализ затронул следующие выставки: «Ноев ковчег» (2023) с подробным аналитическим обзором отдельных произведений разных авторов, два показа проекта «Казанское время. Художники 1990-х» в Галерее современного искусства Республики Татарстан (2025) с характеристикой творческой индивидуальности таких мастеров, как Евгений Голубцов и Олег Иванов, «Наш авангард» в корпусе Бёнуа Государственного Русского музея Санкт-Петербурга (2025) с акцентом исследования феномена популярности «отцов» русского авангарда. На фоне представленного материала в статье поднимаются вопросы будущего развития изобразительного искусства в целом и места молодых художников в нём в XXI в. Отдельно рассматривается современное развитие Казанской художественной школы и её роль в становлении изобразительного искусства Татарстана.

Ключевые слова: культура, выставка, проект, экспозиция, музей, галерея, художник, анализ.

Для цитирования: Лобашева И.Ф., Фахразиева Е.А. О некоторых российских и региональных выставочных проектах 2020-х годов в арт-пространстве Казани: опыт критического анализа. *Историческая этнология*. 2025. Т. 10. № 4. С. 648–670. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-4.648-670> EDN: SFMIKW

Regarding some Russian and regional exhibition projects of the 2020s in the art space of Kazan: a critical analysis

I.F. Lobasheva

Kazan Art College named after N.I. Feshin

Kazan, Russian Federation

IrinaFL@yandex.ru

K.A. Fakhrazieva

Stieglitz State Academy of Art and Design

Saint Petersburg, Russian Federation

fahrazievaekaterina@mail.ru

Abstract. The article analyzes the art space of Kazan as one of Russia's cultural centers through the lens of contemporary exhibition art projects initiated by museums, exhibition halls, and galleries. It addresses both the organization of significant large-scale exhibitions in the 2020s and their scientific and creative aspects, as well as their profound semantic resonance and broad social impact. The publication is accompanied by a historiographical review that focuses on key monographs, scientific articles, online reviews, and interviews related to the historical study of the city's cultural landmarks and their role in shaping the artistic environment of Kazan.

Through selected exhibition projects, the publication reveals a palette of some current collective exhibition projects, as well as exhibitions of individual artists whose art is of particular interest. As a result, these exhibitions identify the priority contemporary themes, the moods of the artists and the audience, the latest approaches to exhibition design, and the main trends and directions in the city's art scene.

It is noted that along with the permanent museum exhibitions of classical examples of visual art, the city successfully creates and develops projects by contemporary artists in various fields. It is this area, its changes and progress, that has particularly interested and attracted the attention of the authors, and as a result of the mutual collaboration between a teacher and a student, this publication has been created. A more detailed and in-depth analysis has been conducted on the following exhibitions: "Noah's Ark" (2023), which provides a comprehensive analysis of individual works by various artists, and two exhibitions of the "Kazan Time" project. Artists of the 1990s at the Contemporary Art Gallery of the Republic of Tatarstan (2025), featuring the creative individuality of such masters as Evgeny Golubtsov and Oleg Ivanov, and "Our Avant-Garde" at the Benois Wing of the State Russian Museum in St. Petersburg (2025), focusing on the phenomenon of the popularity of the 'fathers' of Russian avant-garde. The article raises questions about the future development of visual arts and the role of young artists in the 21st century. The modern development of the Kazan Art School and its role in the formation of Tatarstan's visual arts are also discussed.

Keywords: culture, exhibition, project, exposition, museum, gallery, artist, analysis.

For citation: Lobasheva I.F., Fakhraieva E.A. (2025) Regarding some Russian and regional exhibition projects of the 2020s in the art space of Kazan: a critical analysis. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 10. No. 4: 648–670. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-4.648-670> (In Russ.)

Казань – один из старейших культурных центров России, имеющий свои площадки и фонды для поддержки и распространения проектов, связанных с искусством, творчеством и популяризацией как национальных, так и единых для страны культурных идей. Способствуют этому как многовековая история, оставившая свой уникальный отпечаток на формирование культурной среды, так и организации, сохраняющие эту историю для последующих поколений. Богатейший исторический пласт и современные возможности города создают уникальную среду для развития многогранного искусства настоящего времени.

Предметом данного исследования являются отдельные выставочные проекты последних лет. Актуальность текущего освещения художественных показов в обширном выставочном поле Казани, тем более их аналитических обзоров зримо очевидна: в основном в масс-медиа готовится информация рекламного либо ознакомительного характера, главная цель которой привлечь публику на эти мероприятия, но единичные аналитические статьи выходят крайне редко. Наряду с этим важно отметить, что в целом в этой области наблюдается существенная нехватка ведущих специалистов-искусствоведов, профессионалов, владеющих ситуацией и способных провести подобные аналитические экскурсии. Бесспорна и новизна исследования, поскольку речь идет о показах последних десятилетий, времени, когда живая история художественного процесса буквально складывается на глазах. При этом представленный, абсолютно новый материал, как показало проведенное исследование, напрямую связан с исторической основой. Богато интерпретируя её, привнося новые реалии настоящего времени, он тем самым ещё более интересен для анализа. Именно этот материал, его изменение и прогресс особенно заинтересовали и привлекли внимание авторов, так, в результате обоюдного сотрудничества преподавателя и студентки, возникла эта публикация. В статье предпринята попытка критического осмысления в первую очередь некоторых крупных российских выставок, а также местных значимых проектов, прошедших в арт-пространстве Казани и столиц.

Ансамбль культурных доминант города (в которые включаются музеи, концертные и выставочные залы, образовательные учреждения), их всероссийский статус и признание дают возможность обозначить его термином «арт-пространство» города. Е.Г. Кокорина так обозначает это понятие: «Арт-пространство как социокультурное явление – многофункциональное место, где осуществляется самовыражение, реализуются творческие способности человека...

Объединяя людей, предоставляя им новые возможности, арт-пространства – так или иначе – производят воздействие на культурную среду» (Кокорина, 2022: 59).

Казанское арт-пространство меняется с каждым днем, становится сложнее, разнообразнее как с точки зрения организации и роста поощрения государства, так и с точки зрения новизны и актуальности создаваемых проектов. Будучи титулованной как «третья столица», Казань сегодня занимает ведущее место в осуществлении многих общественно-политических, научных, культурных мероприятий. Бурный рост и развитие происходят в ее жизни уже не одно десятилетие. Увеличивается количество социальных проектов, прогрессирует средовой дизайн и благоустройство города, процветают туристическая и культурная сферы. Многие музеи, библиотеки, выставочные и концертные залы, театры обновились, стали более открытыми для современных проектов, получили ребрендинг и новый дизайн-код. Появилось и много совершенно новых идей, направленных на обогащение культурной жизни Татарстана. Возможность многих музеев России выставляться и открывать свои мероприятия в Татарстане формирует статус и престижность казанских культурных центров. Некоторые из них имеют большое историческое значение, некоторые открылись недавно.

У истоков становления изобразительного пространства в городе стоял Казанский университет, где уже с первой половины XIX в. велось преподавание изобразительного искусства, культивировался интерес к нему, но главными точками развития этого пространства стали Казанский городской музей и Казанская художественная школа. Знаменательно, что они были открыты в один год (1895), и с этого времени можно говорить о местном выставочном художественном процессе, несмотря на то, что и до этого в Казани устраивались выставки, особый след здесь оставили выставки Товарищества передвижных художественных выставок, а затем выставки многочисленных объединений рубежа XIX–XX вв. (Могильникова, 1958; Ахметова, 2020).

Об общем развитии и выставочной деятельности Казанского городского музея (ныне – Национальный музей Республики Татарстан) всесторонне повествует труд Г.Р. Назиповой «Казанский городской музей. Очерки истории 1895–1917 годов» (Назипова, 2000), исследующий становление первого в Казани крупного «публичного», доступного для всех городского музея и его выставочную и научную деятельность в сфере культуры XIX – начала XX вв. (Назипова, 2000). Значительная часть труда посвящена выдающимся научным деятелям и коллекционерам Казанской губернии, среди которых Н.Ф. Высоцкий, В.И. Заусайлов, А.Ф. Лихачев, этнограф Н.И. Воробьев, профессор Н.П. Загоскин. Музей выпустил достаточно много изданий, посвященных его отдельным коллекциям, либо выставкам (Бугров, 2001; Саттарова, 2023).

В конце 1950-х годов из состава общегородского музея выделился Государственный музей изобразительных искусств (ГМИИ РТ), ставший в Казани в советский и последующий периоды главным центром в изучении и популяризации художественной деятельности исторического и текущего времени. По сути, он явился первым центром, объединившим силы региональных искусство-

ведов, поскольку этот коллектив формировался ещё в стенах городского музея, и вёл свои традиции от таких известных музейных личностей, как П.М. Дульский и П.Е. Корнилов (Актуальные вопросы..., 2017; Улемнова, 2012; Дульский, 2014). В результате, в ГМИИ РТ образовался коллектив профессионалов, возглавляемый первым директором изобразительного музея Г.А. Могильниковой, много сделавшей как для общего развития музея, так и для его научной ведущей роли.

Создание крупных выставок, изучение обширного фонда музея является, безусловно, приоритетным в его деятельности и в настоящее время. Огромный объём публикаций отдельных изданий (изданных каталогов выставок, монографических изданий) и статей дает представление об активной деятельности музея и его нынешнего директора Р.М. Нургалеевой. Не ставя целью объять весь состав изданий, обозначим лишь особо значимые, фундаментальные труды. Это генеральный каталог русской живописи из собрания ГМИИ РТ (Могильникова, 2005), издания, связанные с популяризацией личности Н.И. Фешина (Могильникова, 1975), различные альбомы, каталоги по собранию музея (Завещано Казани, 2009; Новицкий, 2002), монографии (Новицкий, 1994; Тулузакова, 2007).

В 2000-х годах музей получил мощное развитие в связи с образованием его филиалов: появились галерея «Хазинэ» в составе музейного комплекса Кремля, позже – Галерея современного искусства (ГСИ РТ), преобразованная из Выставочного зала Союза художников Республики Татарстан. Выставки и события в этих заведениях занимают отдельное место в научной работе искусствоведов, культурологов, о них и пойдет более подробно речь.

Параллельно с образованием ГМИИ РТ во второй половине 1950-х годов возник специализированный отдел истории искусства в Казанском филиале Академии наук СССР (ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ), который занимался всесторонним изучением регионального искусства, вёл большую публикационную работу, посвященную в основном различным этапам развития национального изобразительного искусства. Именно на базе этого отдела, либо в сотрудничестве с ним столичных исследователей появились фундаментальные труды по истории искусства Казани и Татарстана (Червонная, 1978; Файнберг, 1983; Валеева, 1999).

В целом, исследование татарского искусства, культуры Казани, истории искусства Поволжья остается ведущей темой в казанском научном искусствознании, благодаря чему постоянно расширяется и обогащается просветительский багаж о культурном наследии республики.

В научном искусствоведческом сообществе Казани детально изучается история Казанской художественной школы (КХШ), которая является основой и первой специальной профессиональной ступенью для большинства художников-уроженцев города, республики, а также для ближайших к Татарстану регионов и республик. Школа, вплоть до 1930-х годов, занимала ключевое место в художественной жизни Казани, в ней существовал собственный музей, обра-

зованный из даров от Императорской академии художеств, проводились крупные художественные выставки, устраивались всевозможные мероприятия.

Круг исследователей этого вопроса не очень широк. Базовым изданием является фундаментальный труд и целый ряд публикаций Е.П. Ключевской (Ключевская, 2009; Ключевская, 2025). К 130-летию школы ею подготовлена одна из последних публикаций. Наследие Казанской школы подробно рассматривается в академических трудах, каталогах и публикациях в сборниках научных статей (Лобашева, 2003; Лобашева, 2020; Казанская художественная..., 2013; Гильмутдинова, 2010; Даричева, 2006; Улемнова, 2018; Хисамова, 2023).

Что же касается выставок современного искусства Казани, то, несмотря на значительное число каталогов, альбомов, посвященных художникам Татарстана, развитию отдельных видов искусства в республике, количество научных рецензий и критических статей невелико. В основном, это издания электронных ресурсов, отдельные сайты, либо страницы периодики интернет-пространства¹. Потому данное исследование призвано привлечь внимание научного сообщества к этой важной составляющей современного культурного процесса.

Необходимо отметить, что, начиная с 1990-х и на протяжении 2000-х годов, проведение в ГМИИ РТ ряда успешных выставочных проектов на исторической художественной основе дало подготовительную основу для восприятия города как особо благоприятной среды для крупных проектов современного искусства. Сначала это происходило в стенах главного здания музея, а затем на других площадках города, появившихся при участии ГМИИ РТ (например, Центр «Эрмитаж-Казань», филиалы музея). Таковыми были и остаются художественные выставки, посвященные древней мусульманской культуре, фондовые выставки из собрания ГМИИ РТ. Как пример, отметим выставки, организованные при сотрудничестве с такими крупнейшими музейными собраниями Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург) и Государственного исторического музея (Москва) (Золотая орда..., 2019). В 2008 г., а затем в 2023 гг. в музее состоялись крупные проекты при активном сотрудничестве с Институтом истории Санкт-Петербурга, посвященные семье коллекционеров Лихачевых, охватившие и соединившие корни этой семьи далеко за пределами Казани (Лихачёвы, 2023).

Высоким уровнем подготовки и актуальностью тематики отличаются проекты, создаваемые или принимаемые в филиалах ГМИИ РТ: в Национальной галерее «Хазинэ» и в Галерее современного искусства Республики Татарстан. Остановимся лишь на некоторых из них.

Проект «Ноев Ковчег»

Несмотря на лояльность к новым движениям и подходам современного искусства, в ГСИ РТ изначально закладывались собственные традиции и приоритеты. Как уже было отмечено, галерея «выросла» из Выставочного зала СХ РТ.

---

¹ Новости автора: Оксана Романова. URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/author/list/oksana-romanova> (дата обращения: 10.10.2025).

Концептуально это означало изначально большую ориентацию на региональные показы. Однако галерея принимала много важных столичных проектов, особенно заметен подъем их уровня в 2020-х. Интересно подробнее рассмотреть знаковые для города проекты ГСИ РТ, внесшие свою лепту в обогащение столицы Татарстана свежими «самородками» с всероссийским признанием.

Таким уникальным проектом стала выставка «Ноев ковчег», открытая осенью 2023 г. в Галерее современного искусства ГМИИ РТ в Казани. Выставка освещалась в интернете информацией, носившей в основном анонсный либо рекламный характер, либо с небольшими интервью с её участниками и организаторами².

Обращение к ней сегодня, даже спустя несколько лет, неслучайно. Ведь в сегодняшний век, наполненный предвестиями о возможном скором неминуемом крахе человечества, важным и актуальным становится осмысление будущего нашей планеты. Возникают многочисленные глобальные вопросы развития разных областей: от моральных и нравственных ценностей до экологических и материальных проблем Земли. Проект «Ноев ковчег» ставит эти вопросы сквозь призму художественного взгляда, заставляя задуматься и о собственном пути, о личных творческих исканиях молодых художников, к коим причисляет себя и один из авторов сообщения.

Выставка была создана Российской академией художеств вместе с Творческим союзом художников России, Приволжским отделением Российской академией художеств при поддержке Министерства культуры Республики Татарстан. В экспозиции было представлено более 120 работ семи молодежных мастерских из разных городов. В казанскую экспозицию дополнительно были включены работы молодых художников Казани. Каждая мастерская оригинально и своеобразно показала свою трактовку заявленной тематики, ведь библейские истории, тем более сама тема проекта, и по сей день полны глубоких неразгаданных смыслов, которые всегда вдохновляли людей искусства.

На выставке были представлены живопись, графика, скульптура, инсталляции и цифровое искусство, а также музыка. Особо отметим конкуренцию техник и материалов: можно было увидеть не только уже традиционные, но и приемы постмодернизма, новые подходы метамодернизма. Такой синтез искусств подчеркивает глобальность и важность темы: Потоп, как бедствие, в котором спасается Ноев Ковчег, символизирует не только разрушение физического, но и духовного мира человечества. Именно поэтому выставка получилась актуальной для современности, стоящей на грани апокалипсиса во всех аспектах. Проект имел широкий резонанс казанской публики, неповторимая в своем роде всероссийская разработка интегрировалась в жизнь нашего города. Каким образом это получилось и в чём феномен выставки?

---

² В ГСИ ГМИИРТ откроется выставка «АРТ-Мастерская XXI». URL: <https://entermedia.io/news/v-gsi-gmii-rt-otkroetsya-vystavka-art-masterskaya-xxi/> (дата обращения: 5.10.2025).

Искусство, как отражение и интерпретация современников, всегда представляло вопросы и проблемы, желания и стремления эпохи через собственное видение, образ. Реакция на общее мировое потрясение на рубеже XIX–XX вв., затронувшее каждого, взрастила множество неоднозначных творческих всплесков. Именно в этот исторический период происходит переломный момент в искусстве. Появилась потребность в поиске чистой истины, без множества оболочек, истины, скрытой в метафизическом плане. Глубинный смысл теперь заново искали в знаках, в линиях, пятнах цвета и символах. Выделяя изобразительное искусство, позыв вернуться к знаку начался с импрессионистов, ловящих мгновение, эмоцию от созерцания мира. Таким было искусство полтора столетия назад.

Каково же теперь современное искусство? В чем оно нуждается, каковы его триггерные точки? В чем заключается рожденная им образность? Эти вопросы задает себе широкий круг людей, так или иначе причастных к нему: зрители, любители, коллекционеры, специалисты, и конечно сами художники, в особенности те, чей путь в искусстве только начинается. Глобальность темы неисчерпаема, но мы коснемся её в рамках мыслей и впечатлений от данной выставки.

Не являясь абсолютным поклонником искусства современности, проходя школу обучения в Казанском художественном училище имени Н.И. Фешина (КХУ), молодого автора данной публикации по инициативе преподавателя истории искусства неподдельно заинтересовала концепция выставки. Её идея, воплощение, заставили обратить внимание, детально изучить, глубинно погрузиться в проблему. Обучаясь и воспитываясь на высоких образцах классического искусства, студенты КХУ получают прочную академическую основу, потому искусство современности проходит сквозь строгий фильтр учебных эталонов. В методике обучения живописи в училище совмещаются несколько подходов старой школы: академический, реалистический, импрессионистический и постимпрессионистический, что вкуче отталкивается от традиций сложившейся фешинской школы, но эволюционно видоизменяется с течением времени, особенно начиная с последних десятилетий XX в.

Очевидно, что в современном мире довольно часто сбывается, коммерчески реализуется сама идея, исполнение которой давно не обязательно следует сложившимся канонам. Но далеко не во всех произведениях современности видна именно та великая, глубокая идея, не выдуманная случайно, а долго вынашиваемая, с трепетом воплощенная. В «идее ради идеи» нет смысла, притяжения, зачастую такие произведения отличаются безвкусной подачей и вызывают ощущение пустоты, бессмысленности, в них не чувствуется профессионализм, будто авторам нечего сказать миру. Понимание этого вновь повергает в пучину размышлений о хаотичности и пустоте этого века, эпохи безвременья и перемен. Однако и будущий молодой художник, и простой зритель, безусловно, были бы готовы принять произведение, если бы живописец, создавший его, захотел, чтобы публика это почувствовала.

На фоне этого еще большую боль, тревогу вызывает то, что молодые художники, входящие в профессиональный художественный мир, ощущая за собой творческую ответственность, будто бы не в состоянии придумывать что-то «новое-прекрасное», что могло бы восприниматься, как свежий воздух – а ведь именно он приходил вместе с новаторством каждой эпохи в искусстве. И, к сожалению, довольно часто такие выставки только укрепляют данное мнение. Но не всё так однозначно. Тот факт, что проект заставил задуматься, сфокусировать взгляд на иных акцентах, увидеть оригинальные ракурсы, уже знаково для многих вступающих на путь искусства.

Разнообразие резонанса, которое вызывает выставка, указывает на ее многоликость, что является, безусловно, плюсом. Директор ГМИИ РТ Розалия Нургалеева отнеслась к выставке так: «Ставятся потрясающие задачи, которые и современны, и в то же время уводят художника в глубокую историю. Художники не растерялись и представили свое современное видение названия “Ноев ковчег” по-разному...»³.

Собственным суждением по поводу выставки поделился председатель Творческого союза художников России по Республике Татарстан Ильгизар Самакаев: «Когда я зашёл сюда, ожидал немного другого – более хулиганистого, а тут больше профессиональный подход. Понятие композиции, центра композиции – все это соблюдено. Произведения, которые сегодня должны доходить до зрителя, не сразу нужно понимать. А через какие-то чувства и определенные изобразительные понятия. И художникам это удалось сделать...»⁴.

В целом, экспозиция была пестра, наполнена как проходными работами, так и запоминающимися произведениями, что помогло воспринять выставку как палитру разных состояний искусства. О статусе вещей в музейном пространстве рассуждает в своей статье А.К. Байбурин:

...экспонат становится объектом, провоцирующим посетителя на такие диалоги и размышления, в ходе которых происходит наделение экспоната своими смыслами. Характер этих смыслов зависит от объема его знаний о своей и той культурной традиции, которой принадлежит экспонат. В любом случае экспонат «включает» и актуализирует имеющиеся у посетителя фоновые знания, благодаря которым он может быть вписан в его картину мира (Байбурин, 2024: 13).

Обратим внимание на ряд работ, особенно отличившихся, по нашему мнению, грамотным изложением задумки, сильной идеей, заметным привлекательным авторским стилем.

Центральной композицией выставки стал триптих «Чаши гнева» Александра Воронкова (2023, холст, масло). Именно на фоне этого триптиха проходило

---

³ Оксана Романова. «Ветхозаветный игрок», «Земля в рамках искусства»: как молодые творцы видят «Ноев ковчег». URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/vetxozavetnyi-igrok-zemlya-v-ramkax-iskusstva-kak-molodye-tvorcy-vidyat-noev-kovceg-5919661> (дата обращения: 6.10.2025).

⁴ Там же.

открытие выставки. И понятно почему: в центре дан сочиненный автором образ Ковчега, главного символа проекта. Он состоит из множества церквей и колокольных башен. Боковые картины представляют двух ангелов, льющих на землю кипящую лаву. Монументальность образов передает мощь и силу, ангелы напоминают громадные статуи, соединяющие небо и землю. Техника исполнения, напоминающая соединение приемов живописи Врубеля и смелых решений сурового стиля, идеально подходит для передачи глыб-ангелов, сожженной земли и толстого слоя облаков. Цвета еще больше усиливают и подчеркивают ужас катаклизма мирового масштаба. Образ корабля контрастирует со всей композицией: Ковчег находится высоко и устремлен вверх, его невесомость подчеркивается устойчивостью ангелов на тверди. Их взгляды и движения направлены вниз к земле, тени контрастные, руки и лица в напряжении, небо почти не видно на холсте. Ангелы намеренно отвернуты от центральной части, с экспрессией проливают чаши гнева на землю, что дает дополнительное напряжение, разбивает композицию. Центральная часть в целом намного светлее и ярче боковых, в ней практически нет битых, похожих на раздробленное стекло мазков, все смягчается и растворяется. Символика здесь прямая и понятная: церкви на корабле показывают, кто именно сможет спастись, а кто останется на покрытой огнем Земле (рис. 1).

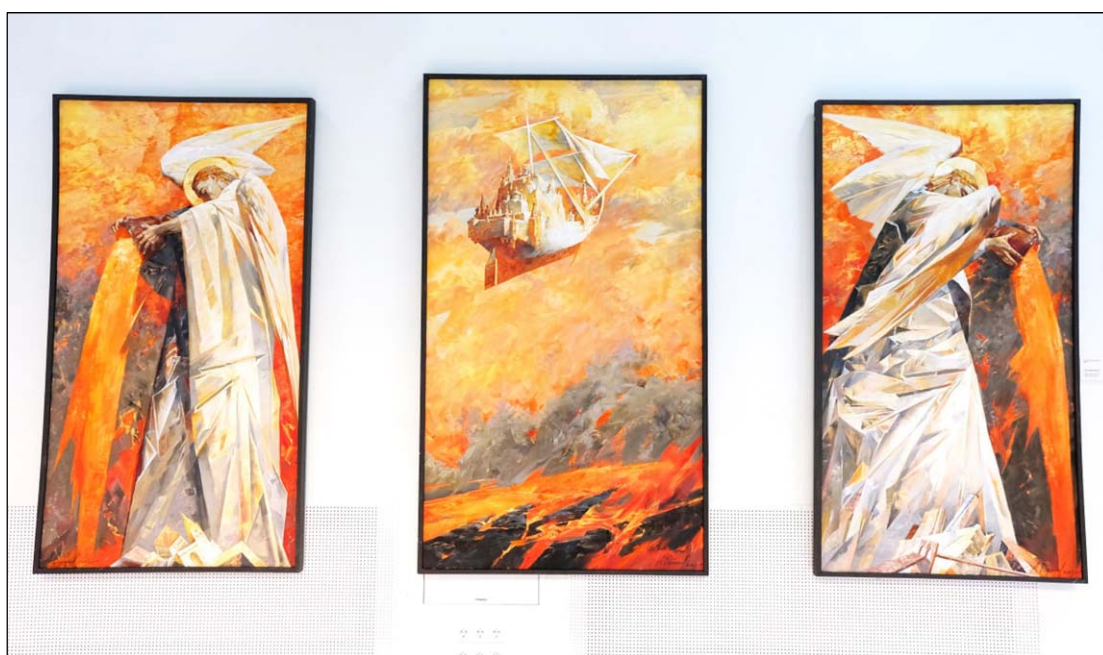

Рис. 1. Воронков А. «Чаши гнева» (2023, холст, масло).
Выставка «Ноев Ковчег». Казань, ГСИ РТ. 2023 г. Фото Е.Фахразиевой.

Сильное воздействие на зрителя, по нашему мнению, производит работа «Течь» Елизаветы Казаковой (2023, холст, масло). Картина показывает начинающийся потоп в пространстве лестничной клетки. Как таковой воды здесь

почти не видно, на движение потока указывают характерные «стекающие» мазки и размытость отдельных частей картины. Вода подступает и снизу, и через щели окон, и с верхних этажей. Сложно дано взаимодействие потоков света: свет от окна сталкивается с внутренним источником освещения. Дополнительное движение вниз помогает ощутить ритмичная тень от перил. Картину выделяет оригинальность интерпретации тематики: здесь не видно Ковчега, затопленной земли, спасающихся людей, все показывается в замкнутой обстановке. Непонятно, запечатлен ли здесь момент только начинающегося бедствия, или наоборот это давно оставленное людьми место, медленно уходящее под воду. В целом возникает ощущение тревожной оглушающей напряженности. Контраст внешнего мира за окном и внутри помещения раскрывается через яркий красный и холодный синий. Окно может восприниматься как своеобразный намек на выход, даже само его расположение указывает на вектор пути, направленный вверх, аллегорически напоминая лестницу Иакова, восходящую в небо. Лаконичность, отсутствие фонового шума в картине работает на то, чтобы подвести зрителя к главной мысли – о неизбежности выбора пути.

В работе «Тьма» А. Горпинченко (2023, холст, масло) изображены последствия потопа, безнадежность, непригодность обескровленного дома для жизни. Тьма, исходящая из дверных проемов, является гипнотическим зловещим центром композиции.

В широком спектре интерпретации может восприниматься полотно «Атеист» С. Казаков-Подкин (2023, холст, масло). Одна из возможных трактовок картины показывает, что божественный свет может настичь даже атеиста, который застывает в благоговейно изумленной позе. Интересен цветовой монохромный подход автора, ещё более усиливающий то состояние бездны, в котором находится человек без веры. И словно мы оказываемся свидетелями известного библейского диалога из истории Савла, перенесенного в современность: «Савл, Савл! Что ты гонишь Меня? Трудно тебе идти против рожна» «Кто ты, Господи?..».

В картине «Заплаты» М. Кравко (2023, холст, масло) автор изображает, как велик запрос на спасение через ковчег, как бы севший на мель. Люди готовы как бурлаки тянуть его на своих хрупких спинах, стать своеобразными заплатами ковчега через двигающую горы веру в необходимость спасения.

Одна из немногочисленных декоративных работ на выставке – «Ковчег-сад» А. Нестерова (2023, холст, масло). Картина приятна глазу своей архаичностью, наивизмом, привлекает внимание иллюстративным, плоским решением, напоминая жостовский поднос, гобелен. Ощущается масштабность сохраненной природы, благоухание рая, здесь все примиряется: животные становятся «плюшевыми», хищная натура превращается в милые игрушки. Однако и здесь подтекстом звучит тревожный вопрос: что это? Не просто ли воспоминание о давно ушедшем, о том, что уже никогда не может быть на Земле?

Завершает аналитический обзор ещё одна масштабная работа: «Где мы» (квадриптих, 2023, холст, масло). Художник А. Артемова показывает нам

взгляд со стороны Ноя и его окружения после потопа: все греховное и порочное смыто, все начинается заново. Ясное небо освещает каньоны, буря и дождь кончились. «Земля была безвидна и пуста», как в первые дни творения. Интересен художественный прием автора: вода выглядит насыщенной, единой, собранной, что усиливает разницу между землей и остатками сорокадневного дождя. Как итоговое произведение проекта, этот полиптих отражает то состояние, которое Земля получает после всех перенесенных испытаний, открывая чистый лист своей новой истории (рис. 2).

Рис. 2. Артемов А. «Где мы» (квадриптих, 2023, холст, масло).
Выставка «Ноев Ковчег». Казань, ГСИ РТ. 2023 г. Фото Е.Фахразиевой.

Как уже отмечалось в начале, проект соединил в себе разные виды искусства. Особое внимание хочется уделить музыкальной композиции «Ноев Ковчег» Г. Леонова, написанной специально для выставки и ставшей своего рода квинтэссенцией всего проекта. В день открытия состоялось её концертное исполнение самим композитором. В произведении поражает каноничность построения мелодии, при живом прослушивании она ткалась как гобелен. Явно прослеживались темы «воды», «голубя», «тревоги» и все венчающей «радуги». Это помогло увидеть всю картину как образ, буквально перед глазами. Порой казалось, что это музыкальное произведение ярче живописало идею «Ноевого Ковчега», чем любое другое изобразительное.

Можно заметить, что в представленном обзоре в основном фигурируют произведения, созданные в традиционной живописной манере, что, как указывалось выше, намного ближе авторам публикации. За бортом остались художественные работы, объекты искусства, концепция которых большей частью основана на принципах постмодернизма и метамодернизма. Возможно, они привлекают своего зрителя, иных исследователей и художников. Однако наше

мнение ещё более укрепилось в том, что погоня за инновациями в искусстве только заглушает подлинный смысл творчества – поиск Творца в мире и в себе, на чем и должно стоять истинное искусство. Кроме того, проект ярко высветил ещё один важный ракурс: современное искусство таково, что во многом само нуждается в Ноевом Ковчеге для спасения.

Подводя итоги, можно сформулировать несколько тезисов об определенной реакции молодого автора на выставку «Ноев ковчег». В первую очередь, это, конечно, сопряжение с лекциями истории искусства в КХУ, где студентов знакомят с великими именами искусства каждой эпохи, прививают чувство красоты, развивают насмотренность, формируют мышление людей, способных воспринимать произведения с разных ракурсов и точек зрения. Такое же сильное влияние оказали и упомянутые ранее уроки живописи в училище, на которых изучение создания картин происходит по всем правилам художественного образования.

Традиция показа всероссийских выставок в Казани не нова, однако именно «Ноев ковчег» нашел отклик из-за актуальной, глубокой темы, связанной со знакомыми многим библейскими символами, историями и идеями. Современные художники следуют за опытом прошлых творцов, по-своему обращаясь к такой классической теме, как христианские сюжеты. В идее проекта заложены как вечные, потрясающие каждого смыслы, так и обыденные, общечеловеческие. И это многообразие собранных в экспозиции образов заставляют открывать для себя новое в названии, раскрывать его с каждой новой гранью, проводить параллели с реальностью. Возможно, мы пока не видим среди них шедевров наравне с «Тайной вечерю» Л. Да Винчи, «Возвращением блудного сына» Рембрандта, «Явлением Христа народу» Иванова; но высказывания, собранные в «Ноевом ковчеге», образное изобразительное слово, сказанное каждым из участников, звучит для нас созвучно с классикой благодаря объединяющей теме. Выставка стала очередным звеном в продолжение темы вечности в мире, где человек смертен, но искусство постоянно. Это и можно назвать основной причиной успеха проекта.

Выставка произведений Александра Федотова

Важно заметить, что Казань продолжает создавать другие, не менее сильные, серьезные по объему проекты, что, безусловно, можно отметить как мощное, позитивное развитие в выставочном направлении. Ещё в начале 2000-х ситуация была иной, за последние годы она в корне поменялась. Растёт статус подобных экспозиций. Здесь, например, можно вспомнить крупную выставку творчества Павла Филонова и его учеников в ГСИ РТ («Глаз видящий, Глаз знающий», собрание Русского музея, 2019), когда наш город удостоился чести экспонирования практически полного собрания произведений художника. Это было громкое событие, показавшее с началом деятельности обновленного здания ГСИ возможности в демонстрации авангардного искусства и современных течений в Казани. И, несмотря на то, что проект был приезжим, заметный рост

качества подготовки к нему, достойная реализация проекта в Казани вновь продемонстрировали как возможности самого города, так и увеличение интереса публики к выставкам подобного рода⁵.

Эта потребность общества в культурном обогащении была и является сейчас ключом к стремлению музеев покорять новые вершины. Именно на настоящем этапе мы можем заметить у организаторов тенденцию раскрыть суть экспозиции зрителю, попытаться максимально открыть ему мастера, расположить посетителей к художнику и его работам. Сменилась политика и в сфере организации пространств: все больше внедряются интерактивные компоненты, технологии, синтез с другими видами искусства (аудиоэффекты, музыка, работа со светом). Популяризируется внимательное отношение к разным социальным группам, к людям с ограниченными возможностями (например, тактильная версия некоторых картин для слабовидящих в залах ГМИИ РТ).

Благодаря этому, Казань воспринимается с иным статусом. Теперь это город, в полной мере готовый встречать столичные экспозиции, а также создавать подобные, ничуть не уступающие им мероприятия.

Безусловно, в данной публикации не ставится цель охватить весь выставочный процесс последних лет в Казани, авторы затрагивают лишь те показы, которые особенно впечатлили, заставили переосмыслить многое, поставить вопросы для себя как в творчестве, так и в выборе будущей профессии. Остановившись более подробно и глубинно на выставке «Ноев ковчег», мы достаточно обзорно обратимся к монопоказам в Галерее современного искусства последнего времени, состоявшихся в 2025 г., к тем выставкам, которые, по мнению авторов, также нельзя обойти вниманием по нескольким причинам. Поскольку в данном разделе речь идет о монографических показах, это, конечно, прежде всего, уникальность самого мастера, творческое наследие которого выходит далеко за пределы регионального определения. Второй важный момент – исключительная оригинальность самой экспозиции, подачи творческого наследия. Обозначенные в оглавлении этого раздела выставки как раз максимально интересны по представленным критериям.

Среди большого количества выставок ГСИ РТ хочется выделить юбилейную выставку произведений в память о пейзажисте, заслуженном художнике России Александре Федотове (февраль-март 2025 г.), чье творчество впервые так полноценно было представлено в залах галереи. На двух этажах было экспонировано более 220 произведений, как из собрания ГМИИ РТ, так и из коллекции семьи художника. Здесь, прежде всего, хочется остановиться на том, что художник, которого не стало во время эпидемии COVID-19 (2021), будто заново открылся зрителю во всем многообразии столь любимого им пейзажного жанра, где его душа находила полное претворение, уединение и гармонию. Условность, символика, цельность, лаконичность звучания погружает зрителя в

---

⁵ Павел Филонов и ученики «Глаз видящий, глаз знающий. URL: <https://art16.ru/reportage/2020/02/10/pavel-filonov-i-ucheniki-glaz-vidyashchiy-glaz-znayushchiy> (дата обращения: 1.09.2025).

особое почти медитативное состояние, и творческая масштабность мастера ощущается, прежде всего, не сложностью техники, сюжета, композиции, а особенно звучащей, буквально корневой природной темой.

Помимо хорошо известного живописного начала в деятельности мастера большинство специалистов, зрителей, давно знакомых с его творчеством, с удивительным восхищением оценили его графические работы. Крепкие, выверенные, столь же лаконичные, как его живописные произведения, но акцентированные иногда жёстко, иногда щемяще грустно, они поражают своей энергией и силой.

Два других показа развернулись летом нынешнего года в рамках проекта «Казанское время. Художники 1990-х», инициированного известным казанским галеристом, руководителем Казанского клуба коллекционеров Е.Г. Жудровым. 1990-е годы действительно стали временем мощного расцвета, прежде всего, казанского авангарда. Учитывая исторический аспект этого переломного периода, феномен такого взлета понятен, и одновременно уникален как региональное явление, выходящее далеко за пределы лишь географического обозначения. Ещё в 2020 г. в рамках этого проекта в ГСИ была устроена первая выставка художника Г. Архиреева «Несуровый стиль Геннадия Архиреева» и издан прекрасный монографический художественный альбом о творчестве художника (Геннадий Архиреев..., 2020).

С 9 июля 2025 г. в ГСИ РТ открылся ещё один резонансный показ в рамках этого проекта: выставка работ художника Евгения Георгиевича Голубцова, которые долгое время были недоступны не только нашему городу, но и всей России. В 2024 г., уже после смерти художника (2021) благодаря создателю проекта Евгению Жудрову более 100 работ художника были привезены из Нидерландов в родную для Голубцова Казань. Также множество произведений хранилось в собраниях частных коллекций Москвы, Санкт-Петербурга, зарубежных музеев. Его имя широко известно во многих частях света, и особенно важно и знаменательно, что такое уникальное событие могло осуществиться впервые именно на малой родине автора.

Помогли устроить долгожданную встречу публики Татарстана с творчеством художника его друзья, родственники и близкие: Мэри Кусталл, Ян Мейндарт, Татьяна Голубцова, Илья Артамонов, Галина Тулузакова.

«Встреча» – так и называется экспозиция – действительно поражает серьезным подходом и размахом, масштабный статус художника можно ощутить с первого знакомства с картинами. Знаково, что так же, как в случае с выставкой Г. Архиреева, эта экспозиция сопровождается великолепным фундаментальным монографическим альбомом, посвященным наследию Е.Г. Голубцова (Евгений Голубцов..., 2024).

Основные темы творчества Голубцова, красной линией проходящие в его творчестве – это, в первую очередь, философские образы и впечатления о Свияжске, о родной, знакомой земле, о доме, о мастерской. Библейские мотивы и сюжеты также интегрированы в родные пейзажи, подобно тому, как в Северном

Возрождению творцы изображали библейских героев в привычном и современном быту для той поры 16 века (Питер Брейгель Старший «Перепись в Вифлееме», 1566, другие произведения художника). Так, в трудные, непредсказуемые нынешние времена общество через созданные художником образы вновь возвращается к самим истокам. Это еще раз подчеркивает актуальность выбранных проектов в ГМИИ РТ (соответственно – в ГСИ РТ), которые следуют запросам публики.

Масштаб художника, соединение классического живописного образования (окончил КХУ в 1968 г.) с дизайнерским началом (стажировки в Сенеже, на семинарах Марка Коника в 1970–1980-х годах) удачно озвучены в самой экспозиции выставки, авторами которой стали ученики Голубцова, известные музейные дизайнеры И.Н. Артамонов и А.П. Леухин. Экспозиция дополнена оригинальными инсталляциями, созданными этими мастерами, точно обращающими зрителя к главным темам художника, к атмосфере творческой лаборатории Сенежа, мастерской художника в Свияжске. Совсем недавно в рамках этой выставки прошел Круглый стол с участием мировых экспертов, главным выводом которого стало предложение о дальнейшем путешествии проекта по другим городам России. Первенство Казани в показе художника мировой известности, как всероссийской премьеры, добавляет весомое слово в описание роли города, как одного из крупнейших культурных центров.

Еще одним знаковым «художником 1990-х» одноименного проекта, выставка которого параллельно расположилась в соседнем пространстве ГСИ РТ, является Олег Львович Иванов. Художника не стало пять лет назад (2020), и, хотя эта выставка является посмертной, в ней все еще по-своему дышит «Жизнь» – таково ее неслучайное название, соответствующее названию ключевого полотна живописца на выставке.

Работы художника сразу запоминаются особым звучанием. Зачастую, их основная тема – это тихая жизнь, в скучном быту которой художник видит свое волшебство и философскую красоту. Мало кто делится таким личным, необычайно добрым и светлым миром души, как это делал мастер. Охристость, мягкость оттенков, слегка золотое мерцание добавляет в его работы будто видимую дымку ностальгии, любви к изображаемому моменту, смешение светлой грусти и умиротворения. Камерность художника, его тихая открытость миру очень точно была представлена в экспозиции, созданной Ильгизаром Хасановым.

Художник замечателен в своей чистой, слегка детской манере – этот творческий мир поражает каждого своей открытостью, словно нам прямо в ладони вкладывают оголенную душу и оставляют выбор, что с ней делать... Олег Львович останется частью казанского современного искусства. Хочется верить, что когда-нибудь и среди молодого поколения загорится такая же добрая душой новая звезда (рис. 3).

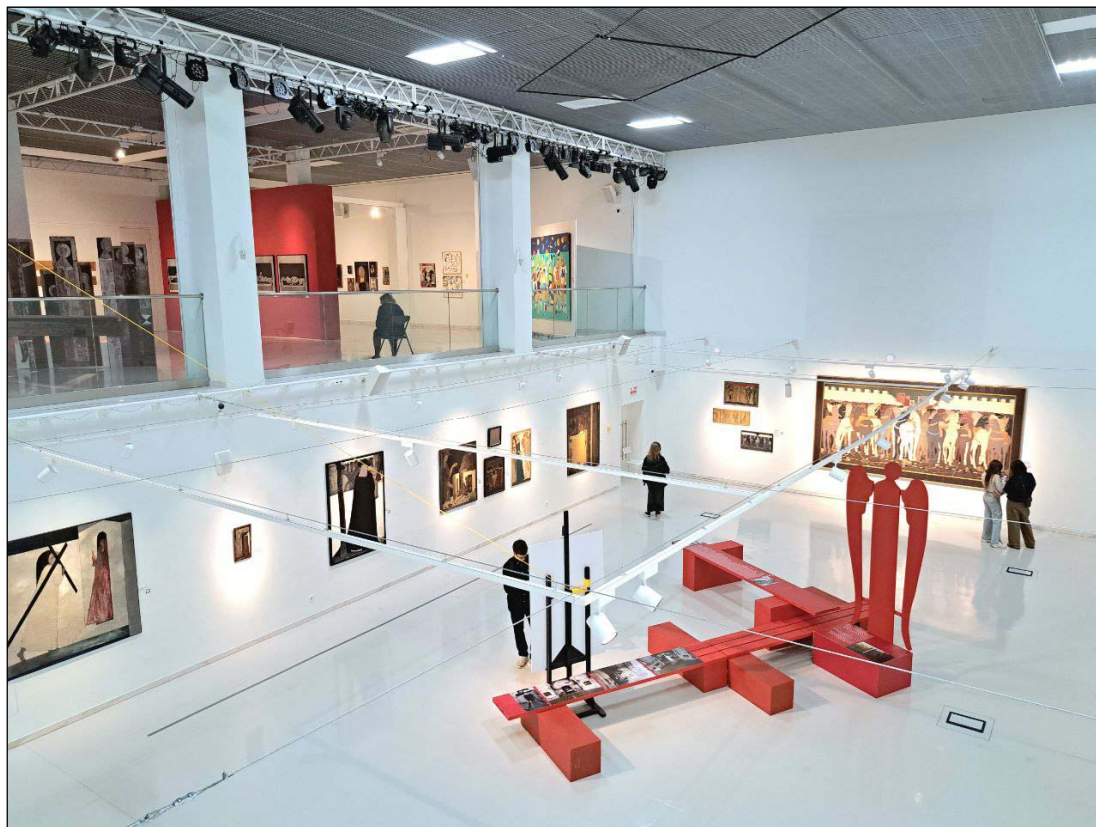

Рис. 3. Выставка «Встреча» Е.Голубцова, Казань, ГМИИ РТ. 2025 г. Фото Е.Фахразиевой.

Проект «Наш авангард»

На фоне выборочного обзора происходящих в Казани ключевых показов последних лет представляет интерес общее выставочное художественное поле России. Что является сегодня приоритетным для показа в столичных музеях? Что волнует сегодня зрителя, отвечает его запросам? Надо сказать, что сегодня спектр востребованных направлений в искусстве чрезвычайно широк. От масштабных проектов академического искусства до оригинальных тематических либо стилевых выставок и, конечно, как крайний полюс и противовес академизму – авангардный флаг искусства, представленный во всём экспозиционном многообразии.

24–27 сентября 2025 г. состоялась первая ярмарка академического искусства «Арт Россия. Классика. Новый взгляд», которая представила в Гостином дворе Москвы более 100 стендов галерей и независимых художников. Проект организован президентом Корпорации «Синергия» Вадимом Лобовым и искусствоведом Елизаветой Фроловой при поддержке Российской академии художеств. Он стал первым российским культурным проектом академического искусства в формате ярмарки, который поддержали ведущие институции в области искусства – Российская академия художеств, Московский государственный Академический художественный институт им. В.И. Сурикова, студия военных художников им. М.Б. Грекова и др. Огромный интерес, как со стороны зрителя,

так и со стороны профессионального сообщества (художники, искусствоведы, ведущие преподаватели, студенты главных ВУЗов страны) показал возрождение и всплеск былых приоритетов отечественной художественной школы.

Не менее интересны крупные показы в Эрмитаже (выставка «Упакованные грёзы», 2025), в Русском музее («О море, море!», 2025), в Третьяковской галерее (моновыставки К. Брюллова, В. Попкова, А. Дейнеки и др.), поражающие своим разнообразным составом, глубиной подачи и оригинальностью экспозиционных решений.

В свете приоритетно затронутой авангардной казанской линии, мы более подробно коснемся экспозиции «Наш авангард» в Корпусе Бенуа Русского музея Санкт-Петербурга, открытой с 21 июня по 1 декабря 2025 г. Эту выставку анонсировали давно, ждали её выхода не только профессионалы и любители искусства, но и не один десяток масс-медиа изданий. Фонды музея впервые представили более 400 картин в 20 залах экспозиции. Выставка получилась уникальной и запоминающейся (рис. 4).

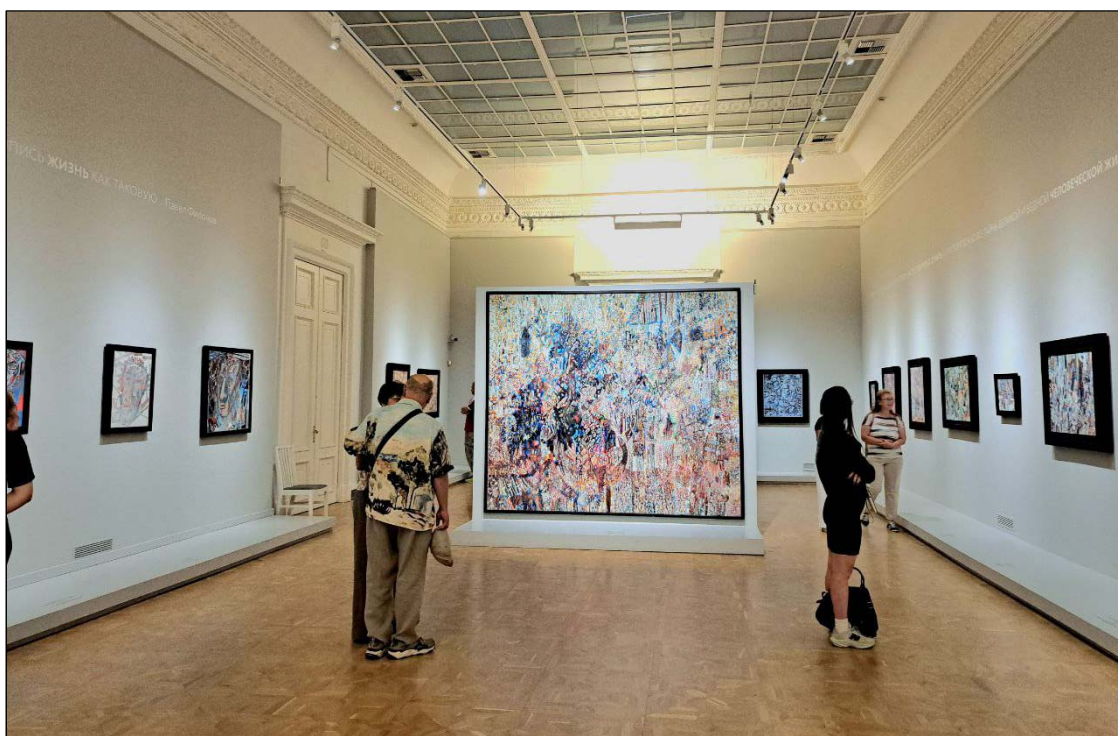

Рис. 4. Выставка «Наш авангард», Санкт-Петербург, Русский музей. 2025 г.
Зал «Филонов. Аналитическое искусство». Фото Е.Фахразиевой.

Если говорить о наполнении выставки, количество экспозиционного тематического материала поражает: получилось настоящее пособие по всем направлениям русского авангарда. Пользуясь уникальной возможностью посмотреть и проанализировать представленный дробный и многоплановый подход, охватить его разом, попробуем выяснить, что же в целом привлекает в авангарде в наше время?

Для каждого зрителя в различных течениях этого явления интересно свое, наиболее близкое направление. Одним импонирует философия Малевича и его теория супрематизма, Кандинский интересен своей теорией цвета и композиционными «играми» на холсте, Филонов поражает и немного пугает многоуровневым взглядом, отраженным в каждой частице вселенной его работ. Эти три автора наиболее популярны для большинства зрителей. Эти три автора интуитивно несут в себе суть нового искусства, которую мы считываем глубоко внутри. И даже если они создавали новые, уникальные направления, течения, стили – в их работах все равно остается та мера всего, к которой неосознанно стремится человек, через Золотое сечение, через правило третей, через симметрию и асимметрию, динамику и статику в работах. Эти правила всюду вторят друг другу, пронзают каждый миг времени и каждый метр пространства во Вселенной. Даже необразованный в этой теме человек – будет это видеть и чувствовать, эту связь с мировым устройством через призму художественного выражения. Привлекательными являются и стилистические приемы, которые используют авторы: несмотря на многообразие цветов и оттенков, в образах Кандинского не чувствуется какофонии, у Малевича ровные фигуры четко показывают движение в пространстве, Филонов самозабвенно уходит в мельчайшие детали.

Безусловно, проблема близости авангарда для каждого человека полна личных суждений и чувств. Однако можно выявить несколько общих причин, почему выставка о сломе оков начала прошлого века открывается нам сейчас с другой стороны. Мы наблюдаем ретроспективу прогресса в искусстве, сравниваем 20-е годы XX и XXI в., находим закономерности и связи. Что произошло за 100 лет в культуре, творчестве и обществе? Используя возможность взглянуть со стороны, мы замечаем тенденции тех лет, реализованные сейчас в оформительской и иллюстраторской среде, воспринимаем движения авангарда XX века в качестве прародителей всей нынешней индустрии дизайна.

Как и в случае «Ноевого ковчега» в Казани, «Наш авангард» звучно прогремел в обсуждениях искусствоведов, критиков, журналов, а также жителей и гостей культурной столицы. Обе выставки знаковы в своих масштабах, обе ценны для своей публики. И поскольку музеи сейчас активно включены в популярные туристические объекты, рост интереса к таким сильным, звучным проектам возрастает по всей стране. В данном случае Казань, вместе с остальными культурными центрами России, движется в ногу с туристическим трендом и социальными тенденциями.

Таким образом, на основе представленных выше разбора и анализа экспозиций, можно выдвинуть следующее суждение: Казань укрепляет свои позиции в культурной инициативе, кардинально расширяет и популяризирует интерес к искусству в целом, занимает устойчивую обширную нишу в живом отечественном арт-пространстве, уверенно выдвигаясь в качестве одного из привлекательных культурных центров страны для последних ключевых художественных показов. Выставочные проекты, использующие актуальные технологии и возможности, остаются одним из немногих способов провести время в ценном оф-

лайн-режиме. Это очень важный для города и страны курс, направленный на привлечение интереса общества к современным выражениям художников и деятелей искусства, благодаря чему качество, новейшие тенденции и основные направления могут быть оценены и признаны намного более широко, чем это происходит сейчас. И имена, которые откликнулись многим, будут жить, передаваясь из поколения в поколение, оставляя след в памяти человечества.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare that she has no conflict of interest.

ЛИТЕРАТУРА

Актуальные вопросы развития искусствоведения в России, странах СНГ и тюркского мира. Материалы Международной научной конференции, посвящённой 120-летию со дня рождения Петра Евгеньевича Корнилова (1896–1981). Казань, 18–19 мая 2017 г. Часть 1. Жизнь и творчество П.Е. Корнилова. Казань, 2017.

Ахметова Д.И. Художественные выставки Казани рубежа XIX–XX вв. как источники формирования музейных коллекций города // Историческая этнология. № 3. 2020. С. 373–387. <https://doi.org/10.22378/he.2020-5-3.373-387>

Байбурин А.К. Вещь в музейных диалогах // Кунсткамера. 2024. № 3(25). С. 6–16. [https://doi.org/10.31250/2618-8619-2024-3\(25\)-6-15](https://doi.org/10.31250/2618-8619-2024-3(25)-6-15)

Бугров Д.Г. Коллекция античной расписной и чернолаковой керамики в собрании Государственного объединенного музея Республики Татарстан. // Вестник древней истории. N. 2/2001. 2001. С. 201–207.

Валеева Д.К. Искусство Татарстана (XX век). Казань: Туран, 1999.

Геннадий Архиреев: альбом. Авт. вступ. ст. А.Кузнецов. Санкт-Петербург: Петроний, 2020.

Гильмутдинова О.А. Академическое и художественное образование и традиции исламского искусства (на примере казанского художественного училища им. Н.И. Фешина) // Дом Бурганова. Пространство культуры: научно-аналитический журнал. 2010. № 2. С. 135–147.

Даричева Е.Н. «Содействовать художественному развитию...»: Страницы истории Казанской художественной школы // Казань. 2006. № 8–9. С. 192–197.

Дульский П.М. 1879–1956: библиография. Авт.-сост. О.Л. Улемнова. Казань, 2014.

Евгений Голубцов: альбом. Сост. Е.Жудров; авт. вступ. ст. Г.Тулузакова. Казань: б. и., 2024.

Завещано Казани...: произведения изобразительного искусства из собрания А.Ф. Лихачева. Каталог выставки. Авт. ст. и сост. О.Г. Вербина, М.Д. Иванов, Е.П. Ключевская, И.Ф. Лобашева. СПб.: Славия, 2009.

Золотая Орда и Причерноморье. Уроки чингизидской империи: каталог выставки. Авт. вступ. ст. М.Г. Крамаровский. М.: Фонд Марджани, 2019.

Казанская художественная школа. 1895–1920-е годы [составители: И.Ф. Лобашева, С.Е. Новикова; авт. вступ. ст. И.Ф. Лобашева]. Казань: Заман, 2013.

Ключевская Е.П. Казанская художественная школа. 1895–1917. СПб.: Славия, 2009.

Ключевская Е.П. К 130-летию Казанской художественной школы // Гасылар авазы – Эхо веков. 2025. № 2. С. 143–157.

Кокорина Е.Г., Мисюра А.С. (2022). Понятие и функции арт-пространства // МедиаВектор. №. 3. С. 56–60.

Лихачевы. Жизнь как служение отечеству: альбом, каталог выставки в 2-х томах. Сост. Р.М. Нургалеева, Е.П. Ключевская. Казань: Заман, 2023.

Лобашева И.Ф. Дары Императорской Академии художеств Казанской художественной школе: каталог выставки, посвященной 300-летию Санкт-Петербурга. Казань: «Казань», 2003.

Лобашева И.Ф. Казанская художественная школа и её наследие в собрании Государственного музея изобразительных искусств Республики Татарстан // Историческая этнология. 2020. Т. 5. № 3. С. 362–372. <https://doi.org/10.22378/he.2020-5-3.362-372>

Могильникова Г.А. Н.И. Фешин. Документы. Письма. Воспоминания о художнике. Л.: Художник РСФСР. 1975.

Могильникова Г.А. Русское искусство XVII – начала XX века. Живопись: каталог. Государственный музей изобразительных искусств Республики Татарстан. Казань: Kazan-Казань, 2005.

Могильникова Г.А. Художественные выставки в Казани во второй половине XIX в.: доклад на «Краеведческих чтениях», 1956 год. Гос. музей Татар. АССР. Казань: [б. и.], 1958.

Назипова Г.Р. Казанский городской музей. Очерки истории 1895–1917 годов. Казань: Kazan-Казань, 2000.

Новицкий А.И. Баки Урманче. Казань: Татарское кн. изд-во, 1994.

Новицкий А.И. Государственный музей изобразительных искусств Республики Татарстан. М.: Белый город, 2002.

Саттарова Л.И. Татарское ювелирное искусство в собрании Национального музея Республики Татарстан: татарские украшения с арабографичными надписями: каталог. Казань: Татарское книжное изд-во, 2023.

Тулузакова Г.П. Николай Фешин. Санкт-Петербург: Золотой век, 2007.

Улемнова О.Л. П.М. Дульский, П.Е. Корнилов – первые искусствоведы Татарстана // Научный Татарстан. 2012. № 2. С. 188–195.

Улемнова О.Л. Казанская графика 1920–1930-х годов: монография. Казань: ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АН РТ, 2018.

Файнберг А.Б. Художники Татарии. Л.: Художник РСФСР, 1983.

Хисамова Д.Д. В поисках героя эпохи. О монументальной скульптуре Татарстана. Казань: Заман, 2023.

Червонная С.М. Искусство Советской Татарии: Живопись. Скульптура. Графика. М.: Изобразительное искусство, 1978.

REFERENCES

Akhmetova D.I. (2020) Art exhibitions in Kazan at the turn of the 19th–20th centuries as sources for the formation of the city's museum collections. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. No. 3: 373–387. <https://doi.org/10.22378/he.2020-5-3.373-387> (In Russ.)

Bayburin A.K. (2024) An item in museum dialogues. *Kunstkamera* [Kunstkamera]. No. 3(25): 6–16. [https://doi.org/10.31250/2618-8619-2024-3\(25\)-6-15](https://doi.org/10.31250/2618-8619-2024-3(25)-6-15) (In Russ.)

Bequeathed to Kazan... Works of fine art from the collection of A.F. Likhachev (2009) Authors of the articles and compilers O.G. Verbina, M.D. Ivanov, E.P. Klyuchevskaya, I.F. Lobasheva. St. Petersburg: Slaviya Publ. (In Russ.)

Bugrov D.G. (2001) Collection of ancient painted and black-lacquered ceramics in the State United Museum of the Republic of Tatarstan. *Vestnik drevney istorii* [Bulletin of Ancient History]. No. 2: 201–207. (In Russ.)

Chervonnaya S.M. (1978) *Art of Soviet Tatarstan: Painting. Sculpture. Graphics*. Moscow: Izobrazitel'noye Iskusstvo Publ. (In Russ.).

Chervonnaya S.M. (1978) *Art of Soviet Tatarstan: Painting. Sculpture. Graphics*. Moscow: Fine Art Publ. (In Russ.).

Current issues in the development of art history in Russia, the CIS countries, and the Turkic world (2017). Proceedings of the International scientific conference dedicated to the 120th anniversary of Pyotr Evgen'evich Kornilov (1896–1981). Kazan, May 18–19, 2017. No. 1. *Zhizn' i tvorchestvo P.E. Kornilova* [P.E. Kornilov's Life and Creative Work]. Kazan. (In Russ.)

Daricheva E.N. (2006). "To promote artistic development...": *Pages from the history of the Kazan Art School*. Kazan [Kazan]. No. 8–9: 192–197.

Dulskiy P.M. 1879–1956: *Bibliography* (2014). Author-compiler O.L. Ulemnova. Kazan. (In Russ.)

Evgeniy Golubtsov: album (2024) Comp. E. Zhudrov; preface by G. Tuluzakova. Kazan. (In Russ.)

Faynberg A.B. (1983) *Artists of Tatarstan*. Leningrad: Khudozhnik RSFSR Publ. (In Russ.).

Gennadiy Arkhireev: Album (2020) Preface by A. Kuznetsov. St. Petersburg: Petroniy Publ. (In Russ.)

Gilmudinova O.A. (2010) Academic and artistic education and traditions of Islamic art (a case of the N.I. Feshin Kazan Art School). *Dom Burganova. Prostranstvo kul'tury: nauchno-analiticheskiy zhurnal* [Burganov's House. Space of Culture: Scientific and Analytical Journal]. No. 2: 135–147. (In Russ.)

Kazan Art School 1895–1920-s (2013) Comp. by I.F. Lobasheva, S.E. Novikova; preface by I.F. Lobasheva. Kazan: Zaman Publ. (In Russ.)

Khisamova D.D. (2023) *In search of a hero of the era. On monumental sculpture in Tatarstan*. Kazan: Zaman Publ. (In Russ.)

Klyuchevskaya E.P. (2009) *The Kazan Art School. 1895–1917*. St. Petersburg: Slaviya Publ. (In Russ.)

Klyuchevskaya E.P. (2025) To the 130th anniversary of the Kazan Art School. *Gasyrlar avazy – Ekho vekov* [Echo of Centuries]. No. 2: 143–157.

Kokorina E.G. (2022) The concept and functions of art space. *MediaVektor* [MediaVector]. No. 3: 56–60. (In Russ.)

Life as service to the fatherland: album, exhibition catalogue in 2 volumes. (2023) Comp. R.M. Nurgaleeva, E.P. Klyuchevskaya. Kazan: Zaman Publ. (In Russ.)

Lobasheva I.F. (2003) *Gifts from the Imperial Academy of Arts to the Kazan Art School: Catalogue of the exhibition dedicated to the 300th anniversary of Saint Petersburg*. Kazan: Kazan Publ. (In Russ.)

Lobasheva I.F. (2020) The Kazan Art School and its legacy in the collection of the State Museum of Fine Arts of the Republic of Tatarstan. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 5. No. 3: 362–372. <https://doi.org/10.22378/he.2020-5-3.362-372> (In Russ.)

Mogilnikova G.A. (1958) *Art exhibitions in Kazan in the second half of the 19th century: Report on "Local history readings"*. Kazan. (In Russ.)

Mogilnikova G.A. (1975) *N.I. Feshin. Documents. Letters. Memories of the Artist*. Leningrad: Khudozhnik RSFSR Publ. (In Russ.)

Mogilnikova G.A. (2005) *Russian art of the 17th – early 20th century. Painting: Catalogue*. State Museum of Fine Arts of the Republic of Tatarstan. Kazan: Kazan Publ. (In Russ.)

Nazipova G.R. (2000) *Kazan City Museum. Essays on the history of 1895–1917*. Kazan: Kazan Publ. (In Russ.)

Novitskiy A.I. (1994) *Baki Urmanche*. Kazan: Tatar Book Publ. House (In Russ.)

Novitskiy A.I. (2002) *State Museum of Fine Arts of the Republic of Tatarstan*. Moscow: Belyy Gorod Publ. (In Russ.)

Sattarova L.I. (2023) *Tatar jewelry art in the collection of the National Museum of the Republic of Tatarstan: Tatar jewelry with Arabic inscriptions: catalogue*. Kazan: Tatar Book Publ. House (In Russ.)

The Golden Horde and the Black Sea Region. Lessons from the Chinggisid Empire: exhibition catalogue (2019). Preface by M.G. Kramarovsky. Moscow: Marjani Fund Publ. (In Russ.)

Tuluzakova G.P. (2007) *Nikolay Feshin*. St. Petersburg: Zolotoy Vek Publ. (In Russ.)

Ulemnova O.L. (2012) P.M. Dulsky, P.E. Kornilov – the first art historian of Tatarstan. *Nauchnyy Tatarstan* [Scientific Tatarstan]. No. 2: 188–195. (In Russ.)

Ulemnova O.L. (2018) *Kazan graphics of the 1920–1930: Monograph*. Kazan: G.Ibragimov Institute of Language, Literature and Art Publ. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Лобашева Ирина Фаековна, кандидат искусствоведения, преподаватель истории искусства, Казанское художественное училище имени Н.И. Фешина (420015, ул. Карла Маркса, 70, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0009-0004-7082-650X>; e-mail: irinafl@yandex.ru

Фахразиева Екатерина Артуровна, студент кафедры теории и истории пространственных искусств направления «Теория и история искусств», ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия имени А.Л. Штиглица» (191028, Соляной переулок, 13, Санкт-Петербург, Российская Федерация); <https://orcid.org/0009-0006-3784-4292>; e-mail: fahrazievaekaterina@mail.ru

About the authors:

Irina F. Lobasheva, Cand. Sc. (Art History), Lecturer of art history, Kazan Art College named after N.I. Feshin (70 Karl Marx St., Kazan 420015, Russian Federation); <https://orcid.org/0009-0004-7082-650X>; e-mail: irinafl@yandex.ru

Ekaterina A. Fakhrazieva, student of the Department of Theory and History of Spatial Arts on the program “Theory and History of Arts”, St. Petersburg State Academy of Arts and Design named after A.L. Stieglitz (13 Solyanoy Lane, Saint Petersburg 191028, Russian Federation); <https://orcid.org/0009-0006-3784-4292>; e-mail: fahrazievaekaterina@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 17.04.2025

Доработана после рецензирования / Revised 20.10.2025

Принята к публикации / Accepted 5.11.2025

Научный дебют

Scientific debut

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/he.2025-10-4.671-686>

EDN: UCDCTQ

**Изменение цивилизационного пространства Восточной Европы
вследствие нашествия гуннов: культурно-геополитические
предпосылки формирования славянской этнической доминанты
как фактора зарождения российской государственности**

Д.И. Манаширов

*Пятигорский государственный университет**Пятигорск, Российская Федерация**daniilpaleontolog@yandex.ru*

Резюме. Статья посвящена комплексному исследованию гуннского нашествия как ключевого фактора трансформации этнополитической карты Восточной Европы. Актуальность исследования обусловлена необходимостью выявления глубинных причин упадка античных структур региона и последующего возвышения славян. Цель исследования состоит в выявлении механизмов взаимовлияния гуннской инвазии, дезинтеграции полиэтнических сообществ и последующей консолидации восточных славянских племён. Объектом исследования выступают процессы разрушения античных общностей, миграции кочевых и оседлых племён. Методология основана на сравнительном анализе археологических данных, письменных источников и историографических концепций. Результаты исследования показывают, что нашествие гуннов привело к серьёзным последствиям: к разгрому аланов и готов, разрушению торговых путей и герольдскому распаду археологических общностей и формированию «культурного вакуума» в Поднепровье. Это уничтожило связи римского влияния в регионе и античные полиэтнические структуры, но создало условия для возникновения протогосударственных объединений восточных славян. Культурный синтез с варягами и наследие древних культур заложили основу Древней Руси. Легенды о прародителях-основателях свидетельствуют об осознании славянами общего происхождения. Выводы подчёркивают переломную роль гуннского нашествия в становлении российской государственности. Существенным обстоятельством в консолидации славян сыграла их относительная изоляция в степной зоне. Длительное нахождение восточных славян в окружении волн кочевников (гунны, авары, болгары) с одной стороны, угрожало разорением и ассимиляцией, а с другой, стимулировало внутреннюю сплочённость и независимое развитие.

Ключевые слова: государственность, племенной союз, нашествие гуннов, славяне, готы, Древняя Русь, архетип, черняховская культура.

Для цитирования: Манаширов Д.И. Изменение цивилизационного пространства Восточной Европы вследствие нашествия гуннов: культурно-геополитические предпосылки формирования славянской этнической доминанты как фактора зарождения российской государственности. *Историческая этнология*. 2025. Т. 10. № 4. С. 671–686. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-4.671-686> EDN: UCDCTQ

Благодарности. Исследование выполнено при поддержке и под руководством доцента кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета, кандидата исторических наук Гетмановой Елены Сергеевны. Автор признателен за предоставленные рекомендации по литературе и методологии исследования.

Change in the civilizational space of Eastern Europe due to the invasion of the Huns: cultural and geopolitical prerequisites for the formation of the Slavic ethnic dominance as a factor in the emergence of Russian statehood

D.I. Manashirov

Pyatigorsk State University

Pyatigorsk, Russian Federation

daniilpaleontolog@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to a comprehensive analysis of the Hunnic invasion as a key factor in the transformation of the ethnopolitical map of Eastern Europe. The relevance of the research is determined by the need to understand the underlying causes of the decline of the region's ancient structures and the subsequent rise of the Slavs. The purpose of the study is to identify the mechanisms of mutual influence of the Hunnic expansion, the disintegration of multiethnic communities and the subsequent consolidation of East Slavic tribes. The object of the study is the processes of destruction of multiethnic communities, migration of nomadic and settled tribes. The methodology is based on a comparative analysis of archaeological data, written sources, and historiographical concepts. The results of the study show that the invasion of the Huns led to serious consequences: the defeat of the Alans and Goths, the destruction of trade routes and cities, the disintegration of archaeological communities and formation of a 'cultural vacuum' in the Dnieper region. This destroyed the ties of Roman influence in the region and the ancient multiethnic structures, but created the conditions for the emergence of proto-state associations of the Eastern Slavs. Cultural synthesis with the Varangians and the legacy of the pre-Hunnic cultures laid the foundation of Ancient Rus'. The legends about the founding ancestors testify to the Slavs' awareness of their common origin. The conclusions emphasize the crucial role of the Hunnic invasion in the formation of Russian statehood. An essential factor in the consolidation of the Slavs was their relative isolation in the forest area. The prolonged presence of the Eastern Slavs surrounded by waves of nomads (Huns, Avars, Bulgars), on the one hand, threatened ruin and assimilation, and on the other, stimulated internal cohesion and independent development.

Keywords: statehood, tribal union, invasion of the Huns, Slavs, Goths, Ancient Rus', archetype, Chernyakhovskaya culture.

For citation: Manashirov D.I. (2025) Change in the civilizational space of Eastern Europe due to the invasion of the Huns: cultural and geopolitical prerequisites for the formation of the Slavic ethnic dominance as a factor in the emergence of Russian statehood. *Istoricheskaia etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 10. No. 4: 671–686. <https://doi.org/10.22378/hen-25-10-4.671-686> (In Russ.)

Acknowledgements. The research was carried out with the support and under the guidance of Associate Professor of the Department of Historical and Socio-Philosophical Disciplines, Oriental Studies and Theology of Pyatigorsk State University, Candidate of Historical Sciences Getmanova Elena Sergeevna. The author is grateful for the recommendations provided on the literature and research methodology.

В IV в. н. э. Восточно-Европейская равнина подверглась истреблению и разорению кочевых племен гуннов. Самой вероятной версией происхождения этой этнической группы является точка зрения о синтезе племенного союза хунну с алтайским-тюркским элементом. Византийский историк и писатель VII в. н. э. Феофилакт Симокатта приводит следующие сведения: «Захватив с собой самого видного из своих друзей, Гиса, он направился к племени гуннов, которых наша история неоднократно называла тюрками» (Феофилакт Симокатта, 1957: 102). Феофилакт пишет, что «персы обыкновенно называют их тюрками» (Феофилакт Симокатта, 1957: 77). Так, ещё с давних времён была известна этническая принадлежность восточных кочевников.

Поражение в хунно-китайских войнах, частичная ассимиляция и истощение пастбищ привели к активной экспансии гуннов на запад. В поисках благоприятных кочевий гунны пошли большой дорогой, прибегая к грабежу и разорению оседлого автохтонного населения. Дойдя до Восточной Европы, они в 372 г. нанесли первый удар. Гунны разгромили периферийные группы аланов, контролировавшие торговые пути между Волгой и Доном (Березовец, 1970: 15). Кочевникам удалось успешно пересечь Волгу. Обратив в бегство противника, они обогнали свой тыл, что позволило облегчить задачу достижения стратегического преимущества в намечавшемся наступлении. В 375 г. гунны под предводительством Баламбера переправились через Дон в его нижнем течении, к сарматским островам (Кузнецов, 1992: 63). Племенной союз остготов во главе с Германархом был разбит. Такой маневр открыл дорогу завоевателям на юг – на Закавказье. Одна часть гуннской орды, пройдя через приазовские степи на Таманский полуостров, переправилась через Керченский пролив и опустошила огнём и мечом европейскую часть Боспорского царства (Гайдукевич, 1949: 479). Другая часть в IV в. н. э. закрепилась на территории Северного Дагестана, оставив там гуннское царство (Артамонов, 1962: 181–192). Степи Предкавказья севернее и северо-западнее Дагестана были заняты гуннами-савирами, которые в VI в. н. э. активно участвовали в ирано-византийских войнах в Закавказье. Таким образом, основные аланские земли Центрального Предкавказья и вся территория Причерноморья оказалась под контролем гуннов.

Готы были вынуждены мигрировать в Крым и далее на запад. Новый готский правитель Винитарий сразился с гуннами в битве на р. Эрак (р. Днепр), потерпев поражение. Историк Иордан в трактате «О происхождении и деяниях гетов» пишет: «В третьем сражении, когда оба [противника] прилезились один к другому, Баламбер, подкравшись к реке Эрак, пустил стрелу, ранив Винитария в голову, убил его» (Иордан, 1960: 115). Это событие имело серьёзные последствия. Остготы и вестготы начали отступление во Франкию, а к 376 г. гунны достигли восточной границы Римской империи (Кузнецов, 1992: 64).

Последствия гуннского нашествия оказались истинно тектоническими. Сокрушённые гуннами аланы, германские и сарматские племена оказались вовлечёнными в Великое переселение народов, инициированное кочевниками с Востока. Торговые маршруты на Северном Кавказе и Причерноморье, связывавшие античный мир с Азией, перестали существовать или стали крайне опасными для караванов. Упадок товарооборота, нарушение поставок зерна и других ресурсов из черноморских провинций стали одной из существенных, хотя и не единственной, причин ослабления и последующего падения Западной Римской империи, и без того испытывавшей колоссальное давление варваров, спровоцированных гуннским нашествием. Гунны не просто уничтожали города и селения; они разрушали саму инфраструктуру римского влияния в регионе, подрывая экономические основы империи.

Роль черняховской археологической культуры входящих в неё этнических групп

Крупным полиэтническим образованием в ту эпоху являлась группа носителей черняховской археологической культуры. Этнический состав данной общности остаётся спорным. Существует мнение, что в её состав входили сарматы, готы, славяне, формируя полиэтническое образование. В.Д. Баран считает, что памятники черняховского времени не составляют единого целого, поэтому попытка связать их с какой-нибудь одной этнической группой (славянами или германцами) вторична: черверги I тысячелетия заранее были обречены на неудачу (Баран, 1970: 11). Существует точка зрения о чёткой территориальной дифференциации полиэтнического населения черняховской культуры. М.А. Тиханова, говоря об этническом многообразии черняховской культуры и ее принадлежности скифо-сарматским племенам на востоке, гето-фракийским на западе в Поднепровье и славянским на северо-западе в Волинии, выделяет локальные варианты (Тиханова, 1957: 190–194). Но эта позиция, однако, в недостаточной степени доказана археологическими изысканиями. Данную культуру можно отнести к провинциально-римской. В нач. III в. н. э. римляне продвинулись в Причерноморье; к сер. II в. н. э. они овладели Ольвией, тесно связанной с Поднепровьем. Широкое хождение римского денария среди «черняховцев» – яркое свидетельство их вовлеченности в экономическую систему империи и процесс латинизации. Боспорское царство через торговлю приобщало носителей черняховской культуры к благам цивилизации.

Важным городом причерноморской греческой державы был Танаис, расположенный в устье Дона. Являясь самой северной колонией греков, он был ближе всего к «варварскому миру» и, как следствие, население этого полиса имело значительный сарматский элемент, сохраняющий черты черняховской культуры. В сер. III в. н. э. Танаис был разрушен готами в серии походов на Римскую империю. Д.Б. Шелов отмечает, что город восстановился в последней четверти IV в. н. э. (Шелов, 1972: 307). Танаис частично возвращает статус центра земледельческого и ремесленного производства, просуществовав благодаря эллинизированным сарматам до нач. V в. н. э. Мария Гимбутас справедливо замечает, что «черняховская культура представляла собой самогонимое явление, возникшее в результате взаимодействия многих компонентов. Она могла развиваться только при условии единой политической власти, процветающей торговли, развитого производства, постоянной подпитки новыми элементами из Римской империи, смешения южных, западных, северных и восточных влияний». Но в то же время она полагает, что после произошедших перемещений славяне заняли территории черняховской культуры, принеся с собой свою культуру. Эта культура не только выжила, но и распространилась по территории река на запад, юг и север. М. Гимбутас считает, что «даже более ранние славянские находки, извлечённые из-под руин, не могут относиться к классическому черняховскому комплексу. В них видно влияние традиций раннего железного века, которые чётко прослеживаются на изолированных территориях в период сарматского, зарубинецкого (западнобалтийского) и раннего римского завоеваний» (Гимбутас, 2007: 90–91). Тем самым исследователь отрицает непосредственное вхождение праславянских групп в черняховскую культуру и показывает важность догуннских «завоеваний» славян. Утверждение об отсутствии ярко выраженных славянских черт в материальной культуре черняховцев и отсутствие преемственности в последующих, уже относящихся к славянам археологических культурах, говорит как раз об активных интеграционных процессах, противоположных изоляционным. Именно они не позволяли на этом этапе сформировать славянскую самобытную культуру. Однако намёки на вассальный характер взаимоотношений между славянами и готами встречаются у Зосима и весьма преувеличены. Не исключено, что имела место зависимость отдельных групп. По мнению И.В. Зиньковской, держава готов стремилась расширяться в «масштабы суперсложного вожества» (Зиньковская, 2011: 7). Скорее могла идти речь о торговых контактах и культурном обмене между племенными группами.

Более важно то, какое самоназвание имели племена-носители черняховской археологической культуры. Византийский историк Зосим упоминает нагоров (воранов), которые занимались морским и сухопутным грабежом Римской империи. Он рассуждает о деградации вертикали власти государства и чиновниках, неспособных «защитить государство» из-за того, что «их интересы были ограничены лишь городом Римом». Зосим пишет: «Готы, бораны, уругунды и карпы немедленно разграбили города Европы, захватив всё ценное, что в них еще оставалось» (Зосим, 2010: 74). Такая ситуация усугубляла и без того

тяжёлое положение Рима. Проживание боранских и иных малоизученных племён в Северном Причерноморье вдоль р. Днепр даёт возможность предположить об их принадлежности к черняховской культуре. По-прежнему нерешённым остаётся вопрос о родственности боранов по отношению к другим группам. Существуют версии о германском, «скифо-сармато-аланском» и даже славянском происхождении (Schmidt, 1934: 210). А.Д. Удачнов помещал раннеславянское население III в. н. э. в Среднем Поднепровье в районе будущего расселения полян. Апеллируя к исторической этнонимике бораны (борады) и топонимике «Боричев увоз» под Киевом, он выдвинул гипотезу о прямой этногенетической связи боранов (борадов) с летописными полянами. Так, боруски, бораны, борады обозначены как будущие поляне (Удальцов, 1946а: 43; Удальцов, 1946б: 49). Однако стоит отметить дискуссионный характер этой гипотезы из-за недостаточной аргументации. Проблемой существования варварских культур без письменности затрудняет исследование этнокультурного пространства того или иного географического региона. Не стоит исключать возможность принадлежности боранов к праславам, но данный вопрос требует более детального изучения.

В кон. I тыс. до н. э. и в начале н. э., на протяжении столетий балты, славяне и германские племена проживали чересполосно в соседстве, что приводило к интегративным культурным процессам (Третьяков, 1970: 25). Разнообразная по этническому составу черняховская общность была одной из выдающихся в развитии материальной культуры. Основной ареал распространения черняховской культуры охватывает территорию от верховья Буга и притоков Припяти на северо-западе до нижнего течения Днепра на юго-востоке. В этот период славянский компонент испытывает культурное влияние ираноязычных сарматских племён, что, однако, никак не способствовало развитию идентичности. Д.Т. Березовец утверждает, что «на территории Среднего Поднепровья черняховская культура исчезает уже к V в., возможно, сохраняясь несколько дольше в более западных районах. Событие это связывается с гуннским нашествием. Гунны частично уничтожили население лесостепи, частично заставили его уйти со своих насиженных мест». В итоге, «население Поднепровья становится очень редким на территории, ранее густо заселенной племенами черняховской культуры, создается культурный вакуум, частично заполненный передвижными населениями из более северных районов. В этих условиях исчезает внутренний рынок, прекращается внешняя торговля, перестает поступать, римская монета, исчезают ремесла, прекращается производство гончарной посуды» (Кодзоев, 2016: 15). Создаются предпосылки этногенеза славян.

Ранние формы протогосударственных формирований

После разорения гуннами степей, лесостепей Восточной Европы и периода упадка начинается процесс складывания славянских племенных союзов. Б.А. Рыбаков замечает, что славяне фигурируют в источниках не ранее времени великого расселения славян в VI в. (Рыбаков, 1979: 200). В VIII в. возникают

протогосударственные формирования. Куявия – южный союз во главе с полянами в центре в Куяве (Киеве). Славия – северный союз во главе со словенами в центре в Славе (Салаве) (Новгороде, Ладоге). Арсания – союз, место нахождения наиболее спорно, с центром в Арсе (Рязани, Чернигове или Тмутаракани). А.Ф. Студенцов отождествляет Арсу с библейской страной Арсарет (Студенцов, 2006: 49). А.М. Карасик интерпретирует «Артанию» как угорское выражение «страна на запоре» (Карасик, 1950: 304–305). Схоже видится позиция О.Г. Большакова, который предполагает, что Арса находилась на территории славян и, вероятно, связана с этнонимом Эрзя (Арз-мас) (Большаков, 2006: 751). Е.В. Кирсанов подчёркивает, что в современной историографии наблюдается возрождение концепции, рассматривающей три центра русов как реальные географические объекты (Кирсанов, 2018: 65). Тем не менее не стоит упускать гипотетичность существующих в науке отождествлений с Арсанией (Артанией), что не позволяет выделить наиболее правдоподобную версию. Данные наименования трёх территориально-политических объединений впервые упоминаются в сочинении арабского учёного-географа пер. 10 в. Абу-л-Исхака Ибрахима ибн Мухаммада аль-Истахри в «Книге путей и государств»: «А русов три вида (ас-наф). Один из них – самый близкий к Булгару, и их царь находится в городе, называемом Куяба, который больше, чем Булгар, и вид, находящийся выше них, называющийся ас-Сильбия, их [главным] городе; и вид, называющийся ал-арсанийя, а царь их пребывает в Арса, их [главным] городе. Люди, торгуя с ними, достигают Куябы и её области. Что же касается Арса, то я не слышал, чтобы кто-нибудь упоминал, что в неё входил туземец, потому что они убивают каждого, кто ступает на их землю из чужестранцев. Они [сами] отправляются по воде и торгуют, но ничего не сообщают об их делах и торговле и не упоминают ни о ком, кто имел бы с ними дело. А вывозят из Арса чёрных соболей и чёрных лисиц, свинец и немного ртути» (Большаков, 2006: 751). Географический трактат 10 в. «Худуд аль-алам» даёт представление о границах расселения различных племён, в том числе восточных славян. Неизвестный персидский автор сочинения «описывает в бассейне Дона все три главные города русов: Уртоба (Арта), Сала (Слава) и Куяту (Куябу)» (Бартольд, 1940: 27).

П.Л. Толочко отмечает, что «об активных процессах политической консолидации восточных славян свидетельствует рождение новой формы их поселения – "градов"» с развитием ремесленного производства (Толочко, 2023: 275). Ранние "грады" были, в первую очередь, административными (политическими) средоточиями племён или союзов племён, а также военными крепостями в пограничных районах. Типологически эти формирования были «очень близки межплеменной войной и во всех случаях являлись точками роста восточнославянской государственности» (Толочко, 2023: 163). Особо укрепленные поселения становились безопасным местом для ведения ремесленной и хозяйственной деятельности. Близлежащие земли с проживающим на них населением могли рассчитывать на покровительство и защиту взамен на лояльность. Грады могли осуществлять контроль над торговыми путями. Выступая в качестве своеобразных таможенни-

ков, они взимали пошлины с проезжающих через окрестные территории иноземных купцов. Интересным видится представленный выше фрагмент из «Книги путей и государств», дающий сведения об активной торговле на территории русов, и лишь Арса (Арсания) обозначена как закрытое и небезопасное для иноземцев место. Так, арабские источники выделяют по меньшей мере два центра (Куявию и Славию) с наибольшей логистической доступностью и военной силой, позволяющей направлять вектор развития экономических связей в регионе, что является проявлением ранней формы государственности. Таким образом, существование протогосударств подтверждается письменными источниками и свидетельствует о процессах становления многоэтнического этнокультурного пространства с незначительными регионально-племенными вариациями. Однако вопрос географического расположения остаётся предметом дискуссий.

*Этногенетические мифы, легенды и религиозные представления
как показатели этноидентификации*

Лех, Чех и Рус – персонажи одной из наиболее известных и распространённых легенд о трёх славянских братьях-основателях и родоотцах, соответственно Чехии, Польши и Руси. Три легендарных брата упоминаются в Великопольской хронике, составленной в нач. XIV в. Легенда гласит, что братья во время охоты погнались за рысью добычей, таким образом, отправились (и поселились) в разные направления: Лех – на северо-запад, Чех – на запад, а Рус – на северо-восток. Разделив землю, они поселились на трёх землях.

Чешский источниковед Г. Добнер опубликовал несколько фрагментов из рукописи Великопольской хроники, обнаруженной в библиотеке выдающегося чешского гуманиста XV в. Яна Гудковского. Этот кодекс не был известен силезскому историку-краеведу Ф. Соммерсбергу и отличался от напечатанного им текста. Так, в прологе хроники, переписанном Добнером, отсутствовало предание о Лехе, Чехе и Русе, подтверждающее историческую общность чешского, польского и русского народов. По мнению Добнера, Соммерсберг составил легенду о трёх братьях под влиянием свидетельств о Чехе и Лехе, имеющих в стихотворной хронике Далимила – первой исторической хроники на чешском языке. Как время сочинения сочинения Далимила определяют 1308–1314 гг., то указанный текст Великопольской хроники мог возникнуть только позднее – в XIV в. (Великая хроника..., 1987: 12–13). Пролог Великопольской хроники посвящён происхождению и расселению славян. Автор излагает легенду о трех братьях: Лехе, Русе и Чехе, которые, «умножась в роде», владели и будут владеть тремя королевствами: лехитов, русских и чехов (Великая хроника..., 1987: 23). В прологе Великопольской хроники написано: «От этих паннонцев родились три брата, сыновья Пана, владыки паннонцев, из которых первенец имел имя Лех, второй – Рус, третий – Чех. Эти трое, умножась в роде, владели тремя королевствами: лехитов, русских и чехов, называемых также богемцами, и в настоящее время владеют и в будущем будут владеть, как долго это будет угодно божественной воле; из них наивысшей властью и господством во всей империи всегда

обладали лехиты, как это явствует из хроник и из их территории. У славян существует большое разнообразие в языках и в то же время они понимают друг друга, хотя в некоторых словах и в их произношении существуют, по видимому, кое-какие различия. Языки эти берут начало от одного отца Слэва, откуда и славяне (Slavs) они и до сих пор не перестают пользоваться этим именем, например, Томислав, Станислав, Янислав, Венцеслав и др.» (Великая хроника..., 1987: 52–53). Существование архетипа легендарного праотца, предка-прародителя свидетельствует о понимании славянами своего общего происхождения.

В. Л. Янин отмечает, что «автора Великопольской хроники можно считать «создателем» Руса – прародителя и эпонима русского народа. Таким образом, именно на польской почве окончательно оформилась традиция, свидетельствующая о давнем родстве чехов, поляков и русских народов, из которых хронист выделяет из остальных славян» (Великая хроника..., 1987: 44). Из всего вышеперечисленного следует, что легенда предполагает общее происхождение поляков, чехов и русинов (эндоэтноним жителей Руси): в последующем русских, белорусов, украинцев и иллюстрирует тот факт, что уже в XII в. по крайней мере три разных славянских народа осознавали свою этническую и языковую взаимосвязь. Т.И. Алексеева указывает на преемственность для следующих этнических и территориальных групп Древней Руси: белорусы – дреговичи, радимичи и западные кривичи; украинцы – тиверцы, улчи, древляне, волыняне, поляне; русские верховьев Десно-Гейминского треугольника – северяне (Алексеева, 1969: 59). Литературный памятник показывает, что родина древних славянских народов находится в Восточной Европе. Эта область совпадает с регионом, который, согласно курганной гипотезе М. Гимбутас был праиндоевропейской родиной в общем регионе Пангейско-Юраской степи. Хотя локализация собственно славянской прародины (между Одером и Днестром, к северу от степи) остаётся предметом научных споров сторонников разных вариаций миграционной и автохтонной теорий.

В.А. Рыбаков считает, «что I тысячелетие н. э. было временем расцвета праславянского патриархального общества. Древние культы женских божеств продолжали существовать, но с особым развитием, усиление власти вождей, содействовавшее созданию славянского Олимпа с мужскими божествами во главе» (Рыбаков, 1994: 604). «...сын князя Владимира возглавлял Перун, но Е. М. Аничков убедительно доказал, что выдвигание Перуна на первенствующее место связано с процессом рождения государственности Киевской Руси и не уходит в первобытность» (Рыбаков, 1994: 603). Летописец Нестор упоминает, что все славянские племена «имели обычаи и законы своих отцов и предков и каждая – свой нрав». Согласно Повести многие племена «имели одинаковый обычай: жили в лесу, как звери, ели все нечистое и срамословили при отцах и при снохах» (Повесть временных лет..., 2014: 63). Таким образом, в религиозном отношении славянские племена следовали традициям почитания предков и их образа жизни.

Немало важным аспектом является факт поклонения персонифицированному образу небесного огня – Перуну (у балтов Перкунас). Божество скандинавского Тора и славянского Перуна в роли громовержцев позволили варягам наладить контакты с русами. Русский историк В.Н. Татищев приводит интересный перевод фрагмента «Повести временных лет»: «Рохволд, бо был от пришедших князей из Варяг с Рюриком и имел во владении Полоцк, а Тур был князь в Турове, от которого и град Туров именован» (Татищев, 1773: 57). Рохволд (Рогволд) и Тур (Тор) – два персонажа, исходившие из Скандинавии, скандинавского происхождения. Имя Рогволд является славянизированным вариантом скандинавского «Rögnvaldr». То же самое Тур – «Þór» (Мельникова, 2011: 46). Степень историчности Тура под вопросом, так как можно проследить аналогию с разобранным ниже Кием – одним из гипотетических основателей Киева. Если же признать интерпретацию летописного текста В.Н. Татищевым достоверной, то любопытной деталью становится наличие первоначально княжеского статуса Рогволда. Придя на земли славян будущий князь (представитель знати), он сохранил и возможно приумножил свой прежний социальный статус в качестве правителя русского города. Кроме того, существует свидетельство о полах-дружинниках скандинавского происхождения, принявших Перуна как аналогичного Тору бога. Из упоминания о событии заключения русско-византийского мира 907 г.: «Олег же, много отойдя от города, начал переговоры о мире с греческими царями Леоном и Александром, и послал к ним в город Карла, Фарлофа, Вельмуда, Рула и Стемида со словами: "Платите мне дань"»... «Царь же Леон и Александр заключили мир с Олегом, обязавшись платить дань, и приносили в киево присягу: сами целовали крест, а Олега с мужами его заставляли присягнуть по закону русскому, клялись оружием своим и Перуном, их богом, и Волосом, богом скитства, и утвердили мир» (Повесть временных лет..., 2011: 11–75). Как видно из отрывков, норманны приняли славянского языческого Перуна в качестве верховного бога. Подобное возможно при условии осознания единой сути Тора и Перуна. Условный переход в другую политическую религию мог быть не столь затруднителен у заморских наёмников благодаря отождествлению своих божеств со славянскими. Схожая картина наблюдалась в Византии скифов и греков, где последние трактовали многих скифских божеств как своих, считая отличием только лишь «варварские» имена. При подобных процессах характерен синтез образов аналогичных божеств у контактирующих этносов, но из-за скудных свидетельств о славянском язычестве сложно говорить о степени проникновения религиозных скандинавских элементов. Благодаря во многом общим мировоззренческим установкам выходцы из северных морей легко влились в восточнославянскую общность, сыграв значимую роль в формировании государственности.

Нестор в Повести излагает миф об основании Киева – важнейшего города Древней Руси. Летописец пишет: «Жили каждый со своим родом по своим местам и странам, владея каждый родом своим. И было три брата: одному имя Кий, второму же имя Щек, третьему же имя Хорив, а сестра их Лыбедь. И сидел Кий

на горе, где ныне въезд Боричев, и жил с родом своим, а брат его Щек на другой горе, прозававшейся от него Щековицей, а третий – Хорив, от которого прозвалась Хоривица. И построили городок во имя старейшего брата, и назвали его Киев» (Повесть временных лет..., 2014: 61). Данный отрывок указывает на попытку автора объяснить этимологию названий районов гор. В.Я. Петрухин подчёркивает «топонимическую основу киевской легенды» (Петрухин, 2014: 84). Историчность существования этих братьев столь же легендарна, как и упоминание Леха, Чеха и Руса в западославянских источниках. Однако данный сюжет прослеживается не только в культуре славян. Геродот описывает трёх братьев: Липоксая, Арпоксая и Колосая – сыновей стародителя скифов Таргитая. «От Липоксаиса, как говорят, произошло скифское племя, называемое авхатами, от среднего брата – племя катиаров, траисков, а от младшего из братьев – царя – племя паралатов. Все племена вместе называются скифотами, т. е. царскими» (Геродот, 1972: 188). Данный этногенетический миф служит подтверждением существования единого культурного пространства в догуннское время. Вероятно, именно эпические традиции ираноязычных народов степей повлияли на позднейшее оформление славянских легенд о стародителях. Скифский мир объединял разные этнические группы, живших схожим образом. Начально являясь кочевым ираноязычным варварским кластером, он становился всё более дифференцированным благодаря греко-римскому влиянию, переходу некоторых групп к оседлому образу жизни. У представителей восточных славян утвердилось этническое самосознание благодаря длительному развитию единой религиозно-мифологической картины мира, выраженной, в первую очередь, в наличии общего верховного божества Перун и этногенетического мифа о трёх братьях в рамках архетипа предка.

Катализатор этнокультурных трансформаций:

славянские этногенетические культуры и этнополитические процессы

Гуннское нашествие как фактор дестабилизации привело к разрушению торговых путей (знаменитого «янгарного пути», путей по Днепру и Дону), упадку городов и кризису римского влияния в Причерноморье. Эти процессы привели к миграции аланов, готов и сарматов в рамках Великого переселения народов, что означало распад общности черняховской культуры. Последующие археологические культуры, ассоциируемые преимущественно со славянами – пражская и пеньковская (соотносимая с антами), представляли уже гораздо более однородные в этническом плане сообщества. В.В. Седов отмечает развитие славянской керамики пражского типа из пшеворской, догуннского периода, тем самым удревняя становление славянского этноса (Седов, 1979: 67). А.В. Чернецов отмечает, что «славянская принадлежность пшеворской культуры или ее части оказывается крайне проблематичной» и В.В. Седов излишне полагался на археологию в вопросах, касающихся определения этноязыковой идентичности (Чернецов, 2021: 271). Относящиеся по одной из версий к славянам анты, по мнению М.В. Любичева, это не обозначение конкретного славянского этноса, а

скорее территориальное понятие (Любичев, 2019: 191). И.П. Русанова рассматривает пеньковскую культуру как сложное явление, состоящее из нескольких компонентов, что указывает на разнородный этнический состав её носителей. В частности, она отмечает наличие элементов «салтовской культуры и материалов типа Корчак и Луки Райковецкой» (Русанова, 1973) в составе пеньковских памятников (Русанова, 1976: 103). Это позволяет некоторым исследователям предположить, что среди населения, связанного с пеньковской культурой, были представители ираноязычных групп сарматов. Но наличие археологических материалов, относящихся к иным культурам, в данном случае стоит рассматривать как возобновление торговых связей после уличского нашествия. М.Б. Щукин отмечает, что «цикл раннеславянских культур совсем не напоминал предшествующую черняховскую культуру», что свидетельствует о смешанном составе её представителей и несформированность обособленной славянской общности на том историческом этапе (Щукин, 1999: 90). Немало важным фактором освоения славянами новых земель стало нашествие аваров. Часть славян была разгромлена и попала в зависимость, что привело к миграции на Балканы в поисках благоприятных условий. На север же ушли славянские племенные союзы благодаря торговле через Балтийское море. Равнинный коридор Северного Причерноморья ещё долгое время оставался во власти кочевников: хазар, печенегов, половцев, определяя славянский характер отношений со славянами под угрозой набегов степняков.

* *

Вышеописанные процессы привели на некоторое время к опустошению лесостепной зоны Прикарпатья. В результате сформировался «культурный вакуум». В.В. Седов отмечает, что славяне подверглись ассимиляции в римское время, а вышли из исторической сцены крепким этноязыковым массивом, вероятно, включившим в себя «некоторые неславянские племена» (Седов, 1979: 43). Последующая консолидация славянских племён представлена появлением трёх раннегосударственных объединений: Куявии, Славии, Арсании. Взаимодействие с норманнами означало объединение славянских и скандинавских культур (Перун–Тор), что послужило основой военно-политических союзов. Норманнский компонент оживлённо вливался в славянское культурное пространство за счёт своей малочисленности. Тем самым он не оставил значительных следов своего нахождения среди славян в области материальной культуры. Топонимические легенды и этногенетические мифы, как маркеры культурно-интеграционных процессов, заслуживают в дальнейшем отдельного изучения. Весомую роль играла эволюция социальной организации от родоплеменных структур к раннегосударственным институтам (княжеская власть, дружина). Немало важным аспектом в складывании племенных союзов стала изолированность славян. Долгое время славянская общность, особенно восточная её часть, находилась в окружении всё новых волн кочевников: гуннов, аваров, булгар, что с одной стороны способствовало независимому развитию, а с дру-

гой ставило под угрозу разорения и потери идентичности. Оставался канал культурного обмена на севере, через Балтийское море с норманнами, что предопределило истоки становления Древнерусского государства в IX в.

Как итог, нашествие гуннов стало переломным этапом, унивожившим античные полиэтнические структуры, но создавшим условия для доминирования славян. Утверждение этнического самосознания, культурный синтез славянских племён с норманнами и угроза на юге со стороны кочевников заложили основу возникновения Киевской Руси. Славянская общность, противостоявшая с иранской и тюркской угрозой ассимиляции, смогла выступить как самостоятельный этнический компонент. Легенды и хроники X–XI вв. служат доказательством осознания славянами общего происхождения, что способствовало политической консолидации. Гунны спровоцировали перемещение европейских племён, уничтоживших Рим. Освободившиеся земли заняли славяне вплоть до р. Эльбы на западе, создав самобытную культуру. До сих пор топонимика Центральной Европы (Германия, Австрия) пропитана славянскими структурами (окончания наименований географических объектов на -z, -in, -ow со славянскими корнями, названия таких городов как Берлин, Лейпциг, Дрезден и др.), а вместе с тем сохраняет память о былых временах этнокультурного доминирования в регионе до германской экспансии под лозунгом «Drang nach Osten» ("Дранг нах Остен"..., 1967) («Натис на восток») в высоком средневековье.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ЛИТЕРАТУРА

«Дранг нах Остен» и историческое развитие стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. [Материалы Симпозиума. 20–23 апр. 1966 г.] / АН СССР. Ин-т славяноведения. [Отв. ред. В.Д. Королюк]. М.: Наука, 1967.

«Восточная Европа» о хазарах, Руси и их соседях XI–XIII вв.: (Перевод и комментарии) / Под ред. Л.А. Янина; Сост. Л.А. Янина, Н.И. Щавелева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987.

Алексеев Т.И. Антропологический состав восточнославянских народов и проблемы их происхождения. Автореф. диссерт. докт. истор. наук. М., 1969.

Артamonов М.И. История хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962.

Баран В.Д. Черняховская культура в междуречье Верхнего Днестра и Западного Буга в свете новейших исследований. Б.м., 1970. С. 7–14.

Бартольд В.В. Арабские известия о русах // Советское востоковедение. 1940. Т. I. С. 15–50.

Березовец Д.Т. Черняховская культура и культура славянских племен VI–VIII вв. Б.м., 1970. С. 15–17.

Большаков О.Г. Ал-Истахри – Ибн Хаукаль // История татар с древнейших времён. Т. II. Казань, 2006. С. 745–752.

Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949.

- Геродот. История* / пер. Г.А. Стратановского; под ред. А.А. Губера. Л.: Наука, 1972.
- Гимбутас М.* Славяне. Сыны Перуна / Пер. с англ. Ф.С. Капицы. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007.
- Зиньковская И.В.* Королевство Германариха в истории Восточной Европы IV в. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Саратов, 2011.
- Зосим.* Новая история. Перевод, комментарий, указатели Н.Н. Болотова. Белгород: Издательство Белгородского государственного университета, 2010.
- Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. *Getica* / Вступительная статья, перевод, комментарий Е.Ч. Скржинской. М.: Издательство восточной литературы, 1960. (Серия «Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы»).
- Карасик А.М.* К вопросу о третьем центре Руси // Исторические записки 1950. Т. 35. С. 304–305.
- Кирсанов Е.В.* Историография локализации третьего центра в русов восточных авторов // Гуманитарные и юридические исследования. 2019. №4. С. 62–72.
- Кодзоев Н.Д.* Краткий очерк истории алан. Магас, 2016.
- Кузнецов В.А.* Очерки истории алан: 2-е изд. допол. Владикавказ: 1992.
- Любичев М.В.* Ранняя история днепро-донецкой степи I–IV веков. Харьков, 2019.
- Мельникова Е.А.* Древняя Русь и Скандинавия. Избранные труды / Под ред. Г.В. Глазыриной и Т.Н. Джаксон. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2011.
- Петрухин В.Я.* Русь в IX–X веках. От принятия варяжского выбора веры. 2-е изд., испр. и доп. М.: ФОРУМ; НЕОЛИТ, 2014.
- Повесть временных лет* / Сост., примеч. и ук. А.Г. Кузьмина, В.В. Фомина; Вступ. ст. и перевод А.Г. Кузьмина; Отв. ред. М.В. Планонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014.
- Русанова И.П.* Славянские древности VI–IX вв. Между Днепром и Западным Бугом. М.: Наука, 1973.
- Русанова И.П.* Славянские древности VI–V вв. М.: 1976.
- Рыбаков Б.А.* Геродот о Скифия. Историко-географический анализ. М.: Наука, 1979.
- Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. М.: Наука, 1994.
- Седов В.В.* Происхождение и ранняя история славян. М.: Наука, 1979.
- Студенцов А.Ф.* Тайна происхождения Древней Руси. Ростов н/Д.; СПб.: Феникс, 2006.
- Татищев В.Н.* Книга 2: История Российская с самых древнейших времён / В.Н. Татищев. [Б.м.]: Печатня при Императорском Московском Университете, 1773.
- Тиханова Л.А.* Специальных вариантов черняховской культуры // Советская археология. 1957. № 4. С. 183–194.
- Толочко П.П.* Откуда пошла Русская земля. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2023.
- Трубецкой П.Н.* У истоков древнерусской народности. Л.: Наука, 1970.
- Удалов А.Д.* Племена Еврейской Сарматии II в. н. э. // Советская этнография. 1946. №2. С. 41–51.
- Евтропий (Евфиллакт Симокатта II в.).* История / Пер. с греч. проф. С.И. Кондратьева; Лит. обработка перевода и примеч. канд. ист. наук К.А. Осиповой; Отв. ред. и вступ. статья чл.-кор. АН СССР Н.В. Пигулевской. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957.
- Чернецов А.В.* Проблемы археологической славистики и отдел славяно-русской археологии Института археологии РАН // Мир Средневековья. Познавая прошлое. М., 2021. С. 259–289.
- Шелов Д.Б.* Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М.: Наука, 1972.
- Щукин М.Б.* Феномен черняховской культуры эпохи Константина – Констанция, или что такое черняховская культура? // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 1999. №4. С. 66–101.

Shidt L. Geschichte der deutschen Stämme biszum Ausgang der Völkerwanderung. Die Ostgermanen, München, 1934.

REFERENCES

- “Drang nach Osten” and the historical development of the countries of Central, Eastern and South-Eastern Europe (1967). Proceedings of the Symposium. April 20–25, 1966. USSR Academy of Sciences, Institute of Slavic Studies. V.D. Korolyuk (ed.). Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Alekseeva T.I. (1969) *Anthropological composition of the East Slavic peoples and problems of their origin*. Abstract of Diss. Doctor Hist. Sciences. Moscow. (In Russ.)
- Artamonov M.I. (1962) *History of the Khazars*. Leningrad: State Hermitage Museum Publ. (In Russ.)
- Baran V.D. (1970) *The Chernyakhov culture in the confluence of the Upper Dniester and the Western Bug in the light of recent research*. B.m.: 7–15. (In Russ.)
- Bartold V.V. (1940) Arab news about the Rus'. *Trudy vostokovedeniya* [Soviet Oriental Studies]. Vol. 1: 15–50. (In Russ.)
- Berezovets D.T. (1970) *The Chernyakhov culture and the culture of Slavic tribes of the 6th–8th centuries*. B.m.: 15–17. (In Russ.)
- Bolshakov O.G. (2006) Al-Istakhri – Ibn Khauwal. In: *History of the Tatars from ancient times*. Vol. 2. Kazan: 745–752. (In Russ.)
- Chernetsov A.V. (2021) Problems of archaeological Slavic studies and the Department of Slavic-Russian Archaeology of the Russian Academy of Sciences Institute of Archaeology. In: *The world of the middle ages. Learning from the past*: 259–281. (In Russ.)
- Gaydukevich V.F. (1949) *Babbaran Kingdom*. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ. (In Russ.)
- Gimbutas M. (2007) *Slavs: Sons of Perun*. Transl. from English F.S. Kapitsa. Moscow: Tsentrpoligraf Publ. (In Russ.)
- Great chronicle about Poland, Rus' and their neighbours of the 11th–13th centuries* (1987). V.L. Yanin (ed.). Moscow: Moscow University Publ. (In Russ.)
- Herodotus (1972) *History*. Transl. G. Shtromovsky; A.A. Guber (ed.). Leningrad: Nauka Publ. (In Russ.)
- Jordanes (1932) *On the origin and deeds of the Getae. Getica*. Preface, transl., comm. by E.Ch. Skrzhinskaya. (Series “Monuments of Medieval History of the Peoples of Central and Eastern Europe”). Moscow: Publishing House of Oriental Literature. (In Russ.)
- Karasik A.M. (1950) On the question of the third center of Rus'. *Istoricheskie zapiski* [Historical Records]. Vol. 35: 304–305. (In Russ.)
- Khramov V.V. (2018) Historiography of the localization of the three centers of Rus' by eastern authors. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*. [Humanities and Law Research] No. 4: 62–72. (In Russ.)
- Khodzoev N.D. (2016) *Brief outline of the history of the Alans*. Magas. (In Russ.)
- Kuznetsov V.A. (1992) *Essays on the history of the Alans*. 2nd ed. Vladikavkaz: Ir Publ. (In Russ.)
- Kyubichev M.V. (2019) *Early history of the Dnieper-Donets forest-steppe in the 1st–5th centuries*. Kharkov. (In Russ.)
- Melnikova E.A. (2011) *Ancient Russia and Scandinavia: Selected works*. G.V. Glazirinoi, T.N. Dzhakson (eds.). Moscow: Russian Foundation for Assistance to Education and Science. (In Russ.)
- Petrukhin V.Ya. (2014) *Rus' in the 9th–10th centuries. From the calling of the Varangians to the choice of faith*. 2nd ed. Moscow: FORUM; NEOLIT Publ. (In Russ.)

- Rusanova I.P. (1973) *Slavic antiquities of the 6th–9th centuries between the Dnieper and the Western Bug*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Rusanova I.P. (1976) *Slavic antiquities of the 6th–7th centuries*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Rybakov B.A. (1979) *Herodotus's Scythia. A historical and geographical analysis*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Rybakov B.A. (1994) *Paganism of the ancient Slavs*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Schmidt L. (1934) *Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgang der Völkerwanderung. Die Ostgermanen*. München. (In Germ.)
- Sedov V.V. (1979) *Origin and early history of the Slavs*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Shchukin M.B. (1999) Phenomenon of the Chernyakhov culture of the era of Constantine – Constantius, or what is the Chernyakhov culture? *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya* [Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology]. No. 4: 66–101. (In Russ.)
- Shelov D.B. (1972) *Tanais and the Lower Don in the first centuries AD*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Studentsov A.F. (2006) The secret of the origin of ancient Rus'. *Postov-on Don*; St. Petersburg: Feniks Publ. (In Russ.)
- The Tale of Bygone Years* (2014). Comp. and indices by A.G. Kuz'min, V.V. Fomin; preface, transl. by A.G. Kuz'min; O.A. Platonov (ed.). Moscow: Institute of Russian History Publ. (In Russ.)
- Tatishchev V.N. (1773) *Book 2: Russian history from the earliest times*. V.N. Tatishchev. [B. m.]. Printed at the Imperial Moscow University. (In Russ.)
- Theophylact Simocatta (1957) *History*. Transl. from Greek by S.P. Kondratiev; lit. ed. by K.A. Osipova; eds. by N.V. Pigulevsky. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ. (In Russ.)
- Tikhanova M.A. (1957) On local variants of the Chernyakhov culture. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archeology]. No. 4: 188–194. (In Russ.)
- Tolochko P.P. (2023) *Where the Russian Language came from*. Moscow: A. Solzhenitsyn House of Russian Expatriate Community. (In Russ.)
- Tretyakov P.N. (1990) *The origins of the Old Russian people*. Leningrad: Nauka Publ. (In Russ.)
- Udal'tsov A.D. (1946) Tribes of Europe–Balkan area in the 2nd century AD. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography]. No. 2: 47–50. (In Russ.)
- Zinkovskaya N. (2010) *Kingdom of Ermanaric in the history of Eastern Europe in the 4th century*. Abstract of Doctor Hist. Sciences. (In Russ.)
- Zosimus (2010) *New history*. Transl., comm., indexes by N.N. Bolgov. Belgorod: Belgorod State University Publ. (In Russ.)

Сведения об авторе: Манаширов Даниил Игоревич, студент бакалавриата, Пятигорский государственный университет (357500, пр-т Калинина, 9, Пятигорск, Российская Федерация); <https://orcid.org/0009-0008-2314-3916>; e-mail: daniilpaleontolog@yandex.ru

About the author: Daniil I. Manashirov, undergraduate student, Pyatigorsk State University (9 Kalinin Avenue, Pyatigorsk 357500, Russian Federation); <https://orcid.org/0009-0008-2314-3916>; e-mail: daniilpaleontolog@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 25.07.2025

Доработана после рецензирования / Revised 25.08.2025

Принята к публикации / Accepted 10.09.2025

Краткое сообщение / Brief message
<https://doi.org/10.22378/he.2025-10-4.687-696>

EDN: UJALSP

Ожившая история Казани: кейс «Аудиогид "Околотки на перемотке"»

К.Р. Мустакимова

независимый исследователь

Казань, Российская Федерация

kariham@mail.ru

И.М. Ротов

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Казань, Российская Федерация

manueling34@gmail.com

Резюме. Статья посвящена анализу средств популяризации историко-культурного наследия в городском пространстве. В этом качестве рассматривается аудиогид «Околотки на перемотке». Он был создан в 2024 г. краеведческим медиа «Крот Казанский» и креативным агентством «500па700» из Казани. Непосредственное участие в разработке проекта принимали авторы статьи. Проект рассматривается как синтез научно-исследовательской работы и креативных методов подачи материала, направленных на освещение локальной истории и формирование эмоциональной связи горожан с прошлым. В основе лежит комплексный подход к сбору информации, сочетающий традиционные методы исторического исследования (работа с архивными документами, научной периодикой, адрес-календарями и справочной литературой) с современными цифровыми ресурсами (оцифрованные газеты, базы данных визуальных источников, корпус исторической литературы) и полевыми исследованиями (интервью со старожилами, экспертами и включенное наблюдение). Особое внимание уделяется изучению междисциплинарного статуса проекта, в котором участвуют историки, журналисты, дизайнеры и сценаристы. В статье разбирается опыт создания эпизодов «Сомов» и «Имени Саничина», демонстрирующих, как работа с разнообразными источниками позволяет реконструировать повседневную жизнь городских окраин и «непарадных» пространств, обычно остающихся за рамками популярных туристических маршрутов. Делается вывод о том, что подобные проекты, совмещающие научную достоверность и художественное осмысление, являются эффективным инструментом «оживления» городской истории, способствуют развитию исторического сознания у широкой аудитории.

Ключевые слова: историческое наследие, краеведение, популяризация истории, визуальный язык.

Для цитирования: Мустакимова К.Р., Ротов И.М. Ожившая история Казани: кейс «Аудиогид "Околотки на перемотке"». *Историческая этнология*. 2025. Т. 10. № 4. С. 687–696. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-4.687-696> EDN: UJALSP

Reviving the history of Kazan: a case-study of the audio guide “Okolotki na peremotke”

K.R. Mustakimova

Independent researcher

Kazan, Russian Federation

kapuham@mail.ru

I.M. Rotov

Kazan Federal University

Kazan, Russian Federation

manneeling34@gmail.com

Abstract. This article analyzes means of popularizing historical and cultural heritage in urban spaces. The audio guide “Okolotki na peremotke” (“Nearby Places on a Rewind”) is examined in this context. It was created in 2024 by the local history media outlet *Krot Kazansky* and the Kazan-based creative agency 500na700. The authors of this article were directly involved in the development of the project. The project is viewed as a synthesis of research work and creative methods of presenting materials, which aim to present the local history and foster an emotional connection between residents and the past. The project is based on a comprehensive approach to information collection, combining traditional historical research methods (working with archival documents, scientific periodicals, address calendars, and reference literature) with modern digital resources (digitized newspapers, visual source databases, a corpus of historical literature), and fieldwork (interviews with long-time residents and experts, and overt observation). Particular attention is drawn to the interdisciplinary nature of the project, which involves historians, journalists, designers, and screenwriters. This article examines the experience of creating the episodes “Somov” and “The name of Sanachin,” which demonstrate how working with diverse sources allows us to reconstruct everyday life on the outskirts of cities and ‘unceremonious’ spaces typically off-limits to popular tourist routes. It is concluded that this kind of projects, which combine scientific accuracy and artistic interpretation, are an effective tool for ‘reviving’ history and fostering historical awareness among a wide audience.

Keywords: historical heritage, local history, popularization of history, visual language

For citation: Mustakimova K.R., Rotov I.M. (2025) Reviving the history of Kazan: a case-study of the audio guide “Okolotki na peremotke”. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 10. No. 4: 687–696. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-4.687-696> (In Russ.)

Актуальная задача современной гуманитаристики заключается в поиске эффективных способов популяризации историко-культурного наследия, особенно в тех городских пространствах, которые остаются за пределами популярных туристических маршрутов. Непосредственными проводниками знаний о городе для широкой публики выступали краеведы. Значительный вклад в становление казанской краеведческой традиции внесли основоположники местной исторической науки: Карл Фукс, впервые систематизировавший исторический материал в XIX в. (Фукс, 1844: 131). Важную роль в развитии краеведения в

Казани сыграл и один из первых провинциальных историко-литературных журналов «Заволжский муравей» (1832–1834), успешно развивавшийся благодаря усилиям издателей и редакторов в лице профессоров Казанского университета М.С. Рыбушкина и М.В. Полиновского (Егорова, 1991). Изданный под редакцией Н.П. Загоскина провинциальный путеводитель «Спутник по Казани», объединяя обширные сведения о городе, был рассчитан на широкий круг читателей (Загоскин, 1895: 831). На рубеже XIX–XX вв. научный интерес к Казани был дополнен работами, посвященными архитектуре и искусству, среди которых исследования П.М. Дульского. Его очерк «Памятники казанской старины» (1914) значительно усилил интерес общественности к местной истории (Дульский, 1914: 344). Уже в этот период казанские краеведы, такие как Николай Яковлевич Агафонов, писавший под псевдонимом «Я. Посадский», выходили за границы парадных улиц. В очерке «Как добились себе воли казанские суконщики (Из рассказов стариков)» подробно описан быт и обычаи жителей периферийной по тем временам Суконной слободы (Посадский, 1876: 415–242). В первой половине XX в. традицию изучения живущего в ТАССР населения продолжил этнограф Николай Иосифович Воробьев. Его фундаментальный труд «Материальная культура казанских татар (опыт этнографического исследования)» (1930) представляет собой всестороннее исследование хозяйства, быта, жилища и одежды татар, заложившим научную основу для понимания уникального культурного кода этого народа (Воробьев, 1930: 472). В 1930-е годы, когда многие краеведы были репрессированы, новый подъём краеведческих и научных исследований произошёл в 1960-е годы. Основанное в 1965 г. Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК) стало изучать, реставрировать и популяризировать памятники культуры. В современный период краеведение переживает ренессанс: издаются энциклопедии районов Татарстана, изучаются отдельные населенные пункты, а Национальный музей Республики Татарстан и городские музеи активно проводят краеведческие чтения, издают научные сборники.

Сформированная учеными научная база историко-культурного наследия края обеспечила современные способы его популяризации надежными фактами. Преемственность обеспечивает появление современных медиатехнологий, особое место среди которых занимают аудиогиды, которые, изначально появившись в музейном пространстве, вскоре «вышли» на городские улицы. Как отмечают В.И. Дуров и И.А. Сизова, подавляющее большинство аудиогидов создавалось государственными музеями и это закономерно, поскольку такие учреждения имеют финансирование, штат научных сотрудников и, в целом, бóльшим количеством работников (Дуров, Сизова, 2023: 79–88).

Аудиогиды – это относительно новое направление на рынке мобильных приложений для путешественников, представляющее собой удобный инструмент для самостоятельного знакомства с достопримечательностями. В отличие от бумажных путеводителей, они позволяют прослушивать описание и одновременно осматривать объекты. Это обеспечивает полную свободу передвиже-

ния. Сегодня мобильные аудиогиды, такие как izi.TRAVEL, WeGoTrip, Travelry, предлагают пользователям самостоятельное знакомство с городскими маршрутами, объединяя GPS-навигацию, профессиональную аудиозапись и мультимедийный контент¹. Этот переход от замкнутого музейного зала к открытому городскому ландшафту позволяет по-новому, в контексте конкретных локаций, оживлять историю там, где она реально происходила.

Проект «Околотки на перемотке», созданный в 2024 г. краеведческим медиа «Крот Казанский» и креативным агентством «500на700» при активном участии авторов статьи, является ярким примером такого подхода. Он синтезирует глубокое историческое исследование с современными цифровыми и креативными технологиями, предлагая нестандартный формат погружения в историю через прогулки по малоизвестным маршрутам Казани. Совершая сознательный поворот от «большой» истории к микроистории и повседневности, проект обращается к тем пластам прошлого, которые обычно остаются «за кадром», но именно за счет них формируется подлинный культурный код территории.

Ключевой новизной является сам продукт – аудиогид, который выступает не просто носителем информации, а законченным художественно-исследовательским произведением. Метафора аудиокассеты и «перемотки» истории создаёт мощный образный ряд, а визуальное сопровождение формирует целостный иммерсивный опыт.

Уникальность проекта подчеркивается тем, что вместо унифицированных карт для каждого маршрута создается собственная нарисованная карта с иллюстрациями. Такие стилизованные карты – это не просто схема движения, а полноценная часть повествования, где оживают исторические персонажи и архитектурные детали. Проект предлагает новую модель диалога между академическим сообществом, креативными специалистами и широкой публикой, демонстрируя, как научная достоверность может быть транслирована через современные и эмоционально заряженные форматы.

Методология сбора информации проекта глубоко укоренена в цифровой гуманитаристике. Систематическая работа с оцифрованными архивными материалами и специализированными базами данных отражает общий «цифровой поворот» в современной исторической науке, позволяя не только оптимизировать поиск, но и выявлять скрытые связи между разрозненными источниками, что особенно важно при реконструкции повседневных практик.

Особая ценность проекта заключается в его глубокой краеведческой проработанности. Каждый эпизод – это результат кропотливого исследования, основанного на архивных документах, старинных газетах, адресных книгах, фотоматериалах и интервью со старожилами. Такой материал позволяет наполнить повествование неочевидными историческими фактами, яркими бытовыми деталями и историями конкретных людей, живших в этих местах десятки и сотни лет назад. Слушатель не просто узнает о зданиях и событиях, а погружа-

---

¹ Izi.TRAVEL. URL: <https://izi.travel> (дата обращения: 1.10.2025).

ется в повседневную жизнь ушедших эпох, слыша рассказы о купцах, студентах, художниках, революционерах и простых горожанах. На данный момент у проекта имеется собственный сайт, и он представлен в аудиосервисах².

Выбор объектов и построение маршрутов определяются комплексом факторов: физическими условиями городской среды, драматургией аудиоспектакля и общей целью проекта – популяризацией малоизвестных исторических сюжетов. Маршруты проектируются как замкнутые петли, начинающиеся и заканчивающиеся в одной точке, с минимизацией пересечения автомобильных дорог и необходимости возвращаться назад, что обеспечивает безопасность и комфорт слушателя во время прогулки в наушниках. В ряде случаев это правило приводит к сознательному отказу от включения в маршрут некоторых интересных объектов, не вписывающихся в логику кругового движения, как это произошло с особняком Васильевых в эпизоде «Сомов».

Процесс сбора информации для каждого эпизода сочетает традиционные академические методы с полевыми краеведческими исследованиями. Важнейшим источником выступают архивные материалы, среди которых основными стали данные Национального архива Республики Татарстан. При подготовке эпизода «Сомов» использовалось «Дело об устройстве студенческой вечеринки 8 февраля 1895 г. в доме профессора Будрина на углу Ново-Горшечной улицы» (ГА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 9970). Были изучены советские архивные дела для восполнения пробелов в информации о городском благоустройстве второй половины XX в., например, использовалось «Решение Исполкома Бауманского райсовета № 522 от 1 декабря 1952 г.» (ГА РТ. Ф.1. Оп. 3. Д. 2590).

Другим источником послужили фонды Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского, Национальной электронной библиотеки и Фундаментальной электронной библиотеки «Русская литература и фольклор»³. В газетах конца XIX – начала XX вв. находятся материалы о повседневной жизни жителей Казани. Например, в газете «Казанский телеграф» обнаружена заметка о негативном отношении горожан к велосипедистам в Лядском саду⁴. Особую ценность представляют электронные оцифрованные версии адрес-календарей и городских справочников, позволяющих связать локацию с конкретными людьми⁵. Такие справочные издания содержат ценные сведения о торговле и ремесленной активности 100–150 лет назад, когда мелкие лавки и мастерские исчезали с карт. Исследовательская работа с адрес-календарями и справочниками имеет свою специфику. Ввод исторического названия улицы в оцифрованный текст, пре-

---

² «Околотки на перемотке»: проект. URL: <https://okolotki.ru> (дата обращения: 1.10.2025).

³ Национальная электронная библиотека. URL: <https://rusneb.ru> (дата обращения: 11.09.2025); Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор». URL: <https://feb-web.ru> (дата обращения: 10.10.2025).

⁴ Казанский телеграф. 1893. 29 августа

⁵ Памятные книжки и адрес-календари Казанской губернии. URL: <https://istmat.org/node/55542> (дата обращения: 18.09.2025).

доставляющего возможность поиска, позволяет быстро составлять список жильцов, среди которых нередко встречаются чиновники, медики, профессора или владельцы предприятий. Если текст не распознан, сплошной просмотр списка имен затруднен, однако при наличии информации о знаковом объекте на улице (например, больнице) поиск на соответствующей странице помогает выявить имена сотрудников, которые затем включаются в повествование. Основная методологическая сложность заключается в том, что в Российской империи отсутствовала унифицированная система нумерации домов, а в календарях указывались имена владельцев на конкретный год. Для атрибуции здания требуется привлечение дополнительной краеведческой литературы и источников для корректной привязки исторического имени к современному адресу. Поэтому круг используемых источников, как печатных трудов, так и оцифрованных электронных, в интернет-сети довольно широк.

Для проекта ценными оказались работы по истории повседневности (Вишленкова и др., 2008; Габдрафикова, 2013) и по отдельным направлениям истории Казани (Аристов, 1992; Зорин, 2001; Ерунов, 2014; Бик-Булатов, 2021). При подготовке эпизода «Имени Саначина» привлекались сотрудники Музея изобразительных искусств Республики Татарстан для уточнения фактов по истории искусства советской Татарии. Работа с публикациями краеведческого сообщества Республики Татарстан остаётся одной из опор проекта. Важными являются научно-просветительские статьи Льва Жаржевского (Жаржевский, 2019: 560), Сергея Саначина (Саначин, 2022: 431), Алексея Ключкова (Ключков, 2019: 344) и Анатолия Елдашева (Елдашев, 2004: 307). При подготовке аудиогuida «Имени Саначина» проводились консультации с краеведами – Татьяной Преображенской, Яном Гордеевым и Львом Абрамовым.

Интервью с жителями Вахитовского района дало проекту особенно ценные материалы, прежде всего по истории второй половины XX в. Значительная часть материалов для эпизода «Имени Саначина» получена из бесед с Сергеем Павловичем Саначиным – казанским архитектором, краеведом и сыном Павла Саначина, в честь которого назван переулок в Казани. Из его воспоминаний стали ясны особенности жизни в «элитных» советских домах района; он помог избежать ошибок в атрибуции – например, указал на многочисленные неточности на мемориальной доске Павлу Саначину на доме 57Б по улице Большая Красная. Сергей Павлович оказал существенную помощь в атрибуции дома № 4 в Саначинском переулке: документы, подтверждающие, что дом был построен для купца Лаврентия Матвеевского, ныне хранятся в его личной коллекции.

В аудиогиде «Сомов» воспоминания старожилов позволили включить в повествование памятник современной казанской архитектуры – бывшее здание клуба «Маяковский. Жёлтая кофта», рассматриваемое как образец «капиталистического романтизма» и центр локальной музыкальной культуры 2000-х годов.

Прогулки по улицам Казани и работа с онлайн-картами завершают сборку маршрута: многократные посещения локаций позволяют объединить разроз-

ненные исторические сюжеты. Часто во время таких прогулок обнаруживаются мотивы, которые включаются в аудиогид. Так, в гид «Имени Саначина» попал подробный рассказ о клинчатых перемышках на доме 59 по улице Большая Красная – малозаметный архитектурный элемент, который даёт возможность обсудить специфику строительства 1930-х годов, прагматичного, но не лишённого эстетики. Важным аспектом методологии является драматургическое единство каждого эпизода, которое задаёт рамки отбора исторического материала. Сюжет гида выступает не только как организующее начало, но и как фильтр, обеспечивающий целостность восприятия. Например, в эпизоде «Сомов» сквозной темой стала вечерняя прогулка буржуа, интересующегося досугом, бытом и искусством. Это позволило объединить рассказы о ярких персонажах разных эпох, но потребовало опустить военные или сугубо академические темы. Напротив, в эпизоде «Имени Саначина» сюжетный прием – импровизированный диалог двух гидов, сочиняющих маршрут, – позволил свободно комбинировать разнородные сюжеты (советское искусство, история элитного жилья), которые было бы сложно логически связать в линейном повествовании. Таким образом, конечный маршрут представляет собой пересечение двух множеств: физически удобной для прогулки территории и набора объектов, складывающихся в убедительный и увлекательный сюжет. В случаях, когда историческая застройка практически утрачена (как в гиде по Черному озеру), компенсаторную роль играет усиление театрализованной составляющей.

Важным источником являются визуальные базы данных Госкаталога РФ⁶ и Pastvu⁷.

Процесс работы над гидом был разделён на этапы. Для каждого эпизода обычно привлекались два-три исследователя: журналист и историк, подходы которых дополняли друг друга. Позже сценарист и арт-директор распределяли сюжеты по карте и формулировали для исследователей уточняющие вопросы.

Особого внимания заслуживает визуальный стиль проекта, играющий важную роль в погружении слушателя в прошлое. Его уникальность заключается в самостоятельной творческой концепции. На стадии разработки формата рассматривались различные варианты подачи, включая, например, через концепцию стилизации игры-бродилки. После анализа задач проекта было принято решение в пользу формата аудиокассеты. Эта идея оказалась наиболее органичной по нескольким причинам. Во-первых, она создает мощный ностальгический эффект для старшего поколения, для которого кассеты были частью повседневной культуры, и одновременно выступает любопытным артефактом-открытием для молодежи. Во-вторых, метафора «перемотки» плёнки напрямую связана с ключевой идеей проекта – «перемоткой» истории городских окраин. Каждый эпизод оформлен как уникальная кассета с индивидуальным дизайном

---

⁶ Госкаталог РФ. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/> (дата обращения: 4.09.2025).

⁷ Старые фотографии Казани. URL: <https://pastvu.com/ps?f=r!622> (дата обращения: 4.09.2025).

обложки, что не просто является стилизацией, а задает особую, камерную атмосферу путешествия во времени.

Визуальный ряд дополняется стилизованными картами маршрутов с иллюстрациями – рисунками домов и персонажей, связанных с историей места. Этот подход, в котором встречаются летящий парашютист Древницкий, Лев Толстой верхом на свинке или студенты с головами птиц, превращает визуальную коммуникацию в полноценную часть повествования. Такой образный и местами юмористический язык, не нарушая исторической достоверности, оживляет сюжеты, делает их наглядными и способствует лучшему эмоциональному усвоению материала, что и было конечной целью выбранной концепции.

Аудиогид «Околотки на перемотке» представляет собой успешный пример того, как можно сделать историю города живой, доступной и интересной для самой широкой аудитории. Важно отметить, что проект продолжает развиваться, появляются новые маршруты в сотрудничестве с заказчиками, например, кассета «Черное озеро» была создана совместно с «Дирекцией парков и скверов Казани». Периодически по сюжетам аудиогuida организаторы проводят бесплатные экскурсии, которые привлекают большое количество участников. Такие живые прогулки позволяют еще глубже погрузиться в историю Казани и лично пообщаться с создателями проекта.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interest.

ИСТОЧНИКИ

ГА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 9970.

ГА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2590.

Казанский телеграф (1893). 29 августа

ЛИТЕРАТУРА

Аристов В.В. Первое литературное общество Поволжья (к истории Казанского общества любителей отечественной словесности в 1806–1818 гг.). Казань: Изд-во Казанского университета, 1992.

Бик-Булатов А.Ш. Очерки истории казанской журналистики, 1758–1918. Выпуск 2. Казань: Издательский дом Маковского, 2021.

Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Культура повседневности провинциального города: Казань и казанцы (XIX–XX века). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2008.

Воробьев Н.И. Материальная культура казанских татар. Казань: Дом Татарской культуры и Академический центр ТНKP, 1930.

Габдрафикова Л.Р. Повседневная жизнь городских татар в условиях модернизации. Казань: Институт истории АН РТ, 2013.

Дульский П.М. Памятники казанской старины и другие очерки об архитектуре Казани. 1914–1927. Казань, ИСБ, 2013.

Дуров В.И., Сизова И.А. Аудиотуры как новая форма взаимодействия музея с аудиторией (опыт работы московских музеев на платформе izi.Travel) // Информационное общество. 2023. № 2. С. 79–88.

Егорова Н.А. «Заволжский муравей» (1832–1834): Указатель содержания // Казанская периодическая печать XIX – начала XX века: Библиографический указатель. Казань: Издательство Казанского университета, 1991.

Елдашев А.М. Монастыри Казанского края: очерки истории. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2004.

Ерунов Б.Г. Казанская летопись: События и нравы каждого дня конца XIX – начала XX веков. Казань: ООО «Новое знание», 2014.

Жаржевский Л.М. О Казанской старине и не только: сборник статей. Казань: Титул, 2019

Загоскин Н.П. Спутник по Казани: Ил. указ. Достопримечательной и справ. книжка города. Казань: Типо-литография Имп. Ун-та, 1895–1896, 1895.

Зорин А.Н. Города и посады дореволюционного Поволжья: историко-этнографическое исследование. Казань: Издательство Казанского университета, 2001.

Клочков А. И. Казань: логовища мокрых улиц. Казань: Печать-сервис XXI век, 2019.

Посадский Я. (Агафонов Н.Я.) Как добились себе воли казанские суконщики: Из рассказов стариков. Казань: Первый шаг, 1876.

Саначин С.П. Исследования по истории Казанского края, преимущественно Казани. Книга 1. Казань: Изд-во Татарское книжное издательство, 2022.

Фукс К.Ф. Казанские татары, в статистическом и этнографическом отношении. Казань: Университетская типография, 1844.

REFERENCES

Aristov V.V. (1992) *The first literary society of the Volga Region (on the history of the Kazan Society of Lovers of the Russian Literature in 1806–1818)*. Kazan: Kazan University Press. (In Russ.)

Bik-Bulatov A.Sh. (2021) Essays on the history of Kazan journalism, 1758–1918. Issue 2. Kazan: Makovsky's Publ. House. (In Russ.)

Dul'skiy P.M. (2013). *Monuments of Kazan antiquity and other essays on the architecture of Kazan. 1914–1927*. Kazan: ISB Publ. (In Russ.)

Durov V.I., Sizova I.A. (2023) Audio tours as a new form of interaction between museums and audiences (experience of Moscow Museums on the izi.Travel platform). *Informatsionnoye obshchestvo* [Information Society]. No. 2: 79–88. (In Russ.)

Egorova N.A. (1991) "The Trans-Volga Ant" (1832–1834): Contents Index. *Kazan periodicals of the 19th – early 20th century: bibliographic index*. Kazan: Kazan University Publ. House. (In Russ.)

Eldashev A.M. (2004) *Monasteries of the Kazan region: essays on history*. Kazan: RT AS Marjani Institute of History Publ. (In Russ.)

Fuchs K.F. (1844) *Kazan Tatars: statistical and ethnographic perspectives*. Kazan: University Printing House. (In Russ.)

Gabdräfikova L.R. (2013) *Everyday life of urban Tatars in the context of modernization*. Kazan: RT AS Marjani Institute of History Publ. (In Russ.)

Klochkov A.I. (2019) *Kazan: The dens of wet streets*. Kazan: Pechat-servis XXI vek Publ. (In Russ.)

Posadsky Ya. (Agafonov N.Ya.) (1876) *How the Kazan cloth workers achieved their freedom: from the stories of the elders*. Kazan: Pervyy Shag Publ. (In Russ.)

Sanachin S.P. (2022) *Research on the history of the Kazan region, primarily Kazan*. Book 1. Kazan: Tatar Book Publ. House (In Russ.)

Vishlenkova E.A., Malysheva S.Yu., Salnikova A.A. (2008) *Everyday culture of a provincial town: Kazan and Kazan residents (the 19th–20th centuries)*. Kazan: Kazan University Press. (In Russ.)

Vorobyov N.I. (1930) *Material culture of the Kazan Tatars*. Kazan: House of Tatar Culture and Academic Center of the Tatar National Communist Party. (In Russ.)

Yerunov B.G. (2014) *Kazan Chronicle: events and customs of every day in the late 19th – early 20th centuries*. Kazan: OOO Novoye Znanie Publ. (In Russ.)

Zagoskin N.P. (1895–1896) *A Companion to Kazan: An illustrated index of sights and a reference book of the city*. Kazan: Imperial University Press. (In Russ.)

Zharzhevskiy L.M. (2019) *On Kazan antiquity and beyond: a collection of articles*. Kazan: Titul Publ. (In Russ.)

Zorin A.N. (2001) *Cities and trading posts of the pre-revolutionary Volga region: a historical and ethnographic study*. Kazan: Kazan University Press Publ. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Мустакимова Карина Рамилевна, независимый исследователь (420111, ул. Кремлёвская, 21, строение 3, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0009-0004-2006-8114>; e-mail: kapuham@mail.ru

Ротов Иван Михайлович, аспирант кафедры социальной философии, Казанский (Приволжский) федеральный университет (420111, ул. Кремлевская, 35, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0009-0008-5009-3192>; e-mail: manneling34@gmail.com

About the authors:

Karina R. Mustakimova, independent researcher (building 3, 21 Kremlevskaya St., Kazan 420111, Russian Federation); <https://orcid.org/0009-0004-2006-8114>; e-mail: kapuham@mail.ru

Ivan M. Rotov, graduate student of the Department of Social Philosophy, Kazan (Volga Region) Federal University (35 Kremlevskaya St., Kazan 420111, Russian Federation); <https://orcid.org/0009-0008-5009-3192>; e-mail: manneling34@gmail.com

Поступила в редакцию / Received 19.09.2025

Доработана после рецензирования / Revised 31.10.2025

Принята к публикации / Accepted 10.11.2025

Хроника научной жизни

Chronicle of scientific life

Краткое сообщение / Brief message
<https://doi.org/10.22378/he.2025-10-4.697-706>

EDN: WRFUQY

К вопросу о методологических основаниях этносоциологии: по итогам Круглого стола «Этносоциальные и этнополитические процессы в Сибири и на Дальнем Востоке» (Якутск)

Е.Г. Маклашова

*Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской Академии наук
Якутск, Российская Федерация
maklashova@mail.ru*

Резюме. Статья представляет аналитический обзор Круглого стола «Этносоциальные и этнополитические процессы в Сибири и на Дальнем Востоке», проведенного в рамках празднования 90-летия Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской Академии наук (16 сентября 2025 г., г. Якутск). Мероприятие, объединившее ведущих ученых – этносоциологов из Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Новосибирска и Якутска, было нацелено на консолидацию теоретического и эмпирического опыта для осмысления современных вызовов многоязычной, полиэтнической и поликультурной России. В фокусе дискуссии оказался анализ теоретико-методологических оснований этносоциологии, что обусловлено сменой парадигмы развития. В этой связи был подвергнут критическому анализу потенциал центральной для данной дисциплины категории – «этнической идентичности» – в ситуации социальной нестабильности. Эмпирическим полем для такого анализа выступили вопросы миграционной политики, соотношения гражданской и этнической идентичности, методологии визуальных исследований и факторного анализа в этносоциологии. Круглый стол способствовал не только анализу актуальных тенденций, но и синхронизации научных программ ведущих академических центров, наметив перспективы для дальнейших исследований.

Ключевые слова: этносоциология, методы и методология, этническая идентичность, этносоциальные процессы.

Для цитирования: Маклашова Е.Г. К вопросу о методологических основаниях этносоциологии: по итогам Круглого стола «Этносоциальные и этнополитические процессы в Сибири и на Дальнем Востоке» (Якутск). *Историческая этнология*. 2025. Т. 10. № 4. С. 697–706. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-4.697-706> EDN: WRFUQY

**On the methodological foundations of ethnosociology:
summarizing the results of the roundtable discussion
“Ethnosocial and Ethnopolitical Processes in Siberia
and the Far East” (Yakutsk)**

E.G. Maklashova

*Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North
Siberian branch of the Russian Academy of Sciences
Yakutsk, Russian Federation
maklashova@mail.ru*

Abstract. The article presents an analytical overview of the roundtable discussion “Ethnosocial and Ethnopolitical Processes in Siberia and the Far East,” held as part of the celebration of the 90th anniversary of the Institute for Humanitarian Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (September 16, 2025, Yakutsk). The event, which brought together leading ethnosociologists from Moscow, St. Petersburg, Kazan, Novosibirsk, and Yakutsk, was aimed to consolidate theoretical and empirical expertise to address contemporary challenges that face multilingual, multiethnic, and multicultural Russia. The discussion focused on analyzing the theoretical and methodological foundations of ethnosociology, driven by a paradigm shift in development. In this context, the potential of the discipline’s central category – “ethnic identity” – was subjected to a critical analysis in situations of social instability. The empirical field for this analysis included issues of migration policy, the interplay between civic and ethnic identity, and the methodologies of visual studies and factor analysis in ethnosociology. The roundtable discussion not only facilitated an analysis of current trends, but also promoted the synchronization of research programs among leading academic centers, thereby outlining prospects for future research.

Keywords: ethnosociology, methods and methodology, ethnic identity, ethnosocial processes.

For citation: Maklashova E.G. (2025) On the methodological foundations of ethnosociology: summarizing the results of the roundtable discussion “Ethnosocial and Ethnopolitical Processes in Siberia and the Far East” (Yakutsk). *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 10. No. 4: 697–706. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-4.697-706> (In Russ.)

В 2025 г. научное сообщество России отметило знаменательное событие – 90-летие со дня основания Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской Академии наук. Этот юбилей стал не просто формальной датой, но весомым поводом для осмысления вклада института в развитие гуманитарной науки, в особенности в изучение уникальных культур, языков, истории и социальных процессов у народов Северо-Востока России. На протяжении девяти десятилетий институт служил и продолжает служить главным академическим центром, фокусирующим свои усилия на комплексном и междисциплинарном исследовании актуальных проблем коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Его деятельность всегда была направлена не только на фундаментальные научные изыскания, но и на

выработку практических рекомендаций для государственной национальной и социально-экономической политики в регионе с особыми условиями жизнедеятельности. В рамках празднования 90-летия со дня основания старейшего в Якутии научного учреждения была организована Научная сессия, объединившая серию масштабных научных мероприятий с приглашением ведущих специалистов из различных областей гуманитарного знания для обсуждения исторических вех, современных достижений и перспективных векторов развития института. Центральным событием стала Всероссийская научно-практическая конференция «Платон Алексеевич Ойунский: эпоха, личность, наследие». В целом проведение юбилейной сессии подчеркивает непреходящую значимость наследия Платона Алексеевича Ойунского – выдающегося якутского писателя, философа и государственного деятеля, чьи идеи заложили фундамент для развития гуманитарной науки и национальной культуры в Якутии. Научная сессия, объединившая ведущих исследователей из различных регионов России, была посвящена комплексному анализу его многогранного творчества и роли в становлении академической науки на Северо-Востоке страны. Особое внимание в ходе работы сессии было уделено актуальности идей Ойунского в контексте современных исследований языка, фольклора, истории и социального развития народов Севера. Логическим продолжением этой глубокой работы по осмыслению научного и культурного наследия стала серия научных круглых столов. Углубиться в одну из ключевых и наиболее актуальных областей – этносоциологию призван был Круглый стол «Этносоциальные и этнополитические процессы в Сибири и на Дальнем Востоке».

*Круглый стол «Этносоциальные и этнополитические
процессы в Сибири и на Дальнем Востоке»:
организаторы, цели и научно-методологическая значимость*

Центральным событием в череде юбилейных мероприятий, сфокусированным на социально-политическом измерении исследований, стал Круглый стол «Этносоциальные и этнополитические процессы в Сибири и на Дальнем Востоке» (16 сентября 2025 г., г. Якутск). Его организация была осуществлена силами самого Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской Академии наук, в частности, Отделом этносоциологии, что подчеркивает преемственность и глубокую вовлеченность якутской научной школы в развитие этносоциологической проблематики. Важнейшей особенностью данного форума стало его межинституциональное и межрегиональное измерение: он объединил усилия ведущих этносоциологов страны из авторитетных академических центров, включая Институт социологии Российской Академии наук (Москва), Институт этнологии и антропологии им.Н.Н. Миклухо-Маклая Российской Академии наук (Москва), Социологический институт Российской Академии наук – филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской Академии наук (Санкт-Петербург) и Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань), Институт философии и права Сибирского отделения Российской Академии наук (Новосибирск). Объединяющий смысл проведения Круглого стола заключался в консоли-

дации теоретического и эмпирического опыта, накопленного в различных научных школах, для комплексного осмысления современных этносоциальных и этнополитических вызовов в стратегически важных макрорегионах России – Сибири и на Дальнем Востоке.

Научная и методологическая значимость мероприятия для социологии и этносоциологии в частности трудно переоценить. Круглый стол был целенаправленно ориентирован на рефлексию фундаментальных теоретических проблем дисциплины, в первую очередь – вопросов о ее предметном поле, адекватной методологии и релевантных методах исследования в условиях быстро меняющейся социальной реальности. В условиях роста неопределенности, трансформации идентичностей и усложнения миграционных потоков традиционные подходы этносоциологии требуют критического пересмотра и дополнения. Таким образом, Круглый стол выступил в роли интеллектуальной лаборатории, где были вынесены на суд профессионального сообщества и подвергнуты всестороннему обсуждению ключевые концепты и исследовательские стратегии, определяющие тренд развития современной отечественной этносоциологии. Его проведение способствовало не только обмену актуальными результатами, но и синхронизации научных программ ведущих академических институтов, что является залогом дальнейшего плодотворного развития данной отрасли знания.

Становление и развитие этносоциологии в Институте гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской Академии наук

Для понимания контекста и значимости проведения Круглого стола именно на площадке якутского Института, кратко обратимся к истории становления этносоциологического направления в его стенах. Этносоциология в Институте гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской Академии наук имеет глубокие корни и формировалась как закономерное продолжение традиционных исторических, лингвистических и этнографических изысканий, обогащенных методологическим аппаратом новой актуальной науки социологии. С расширением запросов на изучение современных социальных процессов возникла насущная потребность в применении количественных и качественных социологических методов. Это позволило перейти от чисто описательных исследований к анализу динамических процессов, происходящих в этнических сообществах под влиянием урбанизации, индустриализации и модернизации в целом. Важную роль в этом процессе сыграли такие исследователи, как Борис Николаевич Попов (доктор философских наук, активно внедрял социологические методы исследований в Якутии, научный интерес связан с проблемами семьи и брака у коренных народов Севера), Иван Александрович Аргунов (кандидат исторических наук, первый руководитель Лаборатории социологических исследований, продвигал внедрение историко-социологической методологии социологических исследований, специализировался на широком круге вопросов по изучению трансформации образа жизни у коренных народов Севера), Дарья Григорьевна Брагина (доктор исторических наук, посвятила свои исследования анализу дина-

мики социальных и культурных изменений в якутском обществе, а также этногенезу якутов) Ульяна Алексеевна Винокурова (доктор социологических наук, основатель научной школы «Арктическая циркумполярная цивилизация»), Ирина Ивановна Подойницына (доктор социологических наук, руководила проектами по изучению социальной иерархии в условиях Севера, внесла значимый вклад в развитие отечественной теории социальной стратификации, в части социальной структуры якутского социума пореформенной России), Ванда Борисовна Игнатьева (кандидат исторических наук, на протяжении долгого времени руководила научными проектами по изучению этносоциальных и этнополитических процессов в современной Якутии, ведущий специалист в области этно-демографических исследований и изучению межнациональных отношений в национальных регионах России) и др. В результате чего, в Институте сформировалась якутская школа этносоциологии, для которой характерен устойчивый интерес к проблемам этнической идентичности, межэтнических отношений в условиях полиэтничности Республики Саха (Якутия), адаптации коренных малочисленных народов Севера, а также к методологическим аспектам изучения этих феноменов. В настоящее время это направление курируется и активно развивается отделом этносоциологии Института, сотрудники которого, доктора социологических наук Ирина Ивановна Подойницына, Елена Гавриловна Маклашова (зав. отделом), Василий Егорович Охлопков, кандидаты наук Ольга Валерьевна Васильева, Саргылана Макаровна Баишева, Акулина Егоровна Захарова, Никита Антонович Аргылов, научные сотрудники Алена Георгиевна Томаска, Дария Николаевна Филиппова, Юлия Гаврильевна Степанова, проводят масштабные количественные и глубокие качественные эмпирические исследования, результаты которых регулярно публикуются в ведущих российских научных изданиях и представляются на крупных всероссийских и международных конференциях. Таким образом, Круглый стол стал логичным и значимым событием, отражающим зрелость этносоциологической школы, сложившейся в стенах Института-юбилея.

*Ключевые научные смыслы выступлений
участников Круглого стола*

Работа Круглого стола была насыщенной и содержательной, включая заслушивание и последующее обсуждение ряда теоретико-методологических докладов, каждый из которых вносил свой вклад в осмысление этносоциальных процессов в России. Краткие резюме выступлений, представлены ниже.

В своем фундаментальном докладе «Миграционная политика России – новый ракурс», основанном на многолетнем исследовательском цикле, В.И. Мукомель (доктор социологических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра исследования межнациональных отношений, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской Академии наук, Москва) провел анализ эволюции государственной миграционной политики, выделяя ее новые стратегические приоритеты и имманентно присущие ей противоречия. Ученый констатировал циклический характер данной политики, которая перманентно циркулирует между либеральной и консервативной моделями, находясь

на современном этапе в фазе «консервативного разворота». Положения, артикулируемые Мукомелем, заключались в следующем: с одной стороны, существует консенсус относительно наличия серьезных демографических, экономических и социальных вызовов, для преодоления которых приток мигрантов рассматривается как объективная необходимость; с другой стороны, этому противостоит альтернативная концепция, апеллирующая к традиционным ценностям и видящая будущее страны в опоре на русское православное культурное ядро, которое размывается под влиянием иностранцев с иными культурными традициями. Как аргументировал В.И. Мукомель, в русле консервативного тренда текущий политический курс движется в сторону ужесточения и реализации селективных механизмов отбора мигрантов. Однако, как подчеркивает исследователь, на практическом уровне данная стратегия сталкивается с рядом системных вызовов, среди которых отказ от программ интеграции, выстраивание между мигрантами и принимающим населением, эскалация ксенофобских настроений в принимающем социуме.

Научные результаты, представленные в докладе Г.Ф. Габдрахмановой (доктор социологических наук, заведующая отделом этнологических исследований, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, Казань), посвященном идентичностям этнических сообществ в ситуации современной неопределенности, убедительно демонстрировали, что когнитивные основания этнической идентичности в условиях неопределённости усложняются, а фиксируемые учеными маркеры этнической идентичности становятся динамичными, множественными, ситуативными и контекстуально зависимыми. На примере Татарстана она показывала, как этническая идентичность не вытесняется, но вступает в сложные взаимоотношения с гражданской и региональной и другими социальными идентичностями, формируя специфические «иерархии лояльностей». Г.Ф. Габдрахманова сделала вывод о том, что современная неопределенность не ведет к исчезновению этничности, но стимулирует ее адаптацию и модификацию, заставляя индивидов постоянно переопределять свою принадлежность в меняющемся социальном пространстве.

Л.В. Сагитова (доктор политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, Казань) сфокусировалась на критическом анализе категорий идентичности и субъектности этнических групп в отечественном научном дискурсе и политическом поле. Докладчик представил глубокий ретроспективный анализ формирования дискурса идентичности, его зависимость от социально-политической конъюнктуры в новейшей истории России. Переосмысление и ревизия понятия «этнос», этническая идентичность в отечественных социальных науках, по мнению автора, связаны с одной стороны, с консервативным поворотом, обусловленным геополитическим кризисом, с которым столкнулась Россия. С другой стороны, учеными предпринимается попытка найти более чувствительный инструментарий для выявления структуры и функций этнической идентичности, выявить основания консолидации группы на основе этнической идентичности. Докладчик продемонстрировала гетерогенность подходов к изучению этнической идентификации в российской этносоциологии и этнологии. Теоретические разработки феномена этнической идентификации Л.М. Дробижевой, В.А. Тишкова, Ю.В. Попкова, Б.Е. Винера, Е.А. Варшавера рас-

смаатривают концепт этнической группы в рамках конструктивистского, примордиалистского или же полипарадигмального подходов, что в конечном итоге поразному репрезентирует субъектность этнических групп. Автором показано, что специфика организации этничности в России, преемнице СССР, детерминирует реифицированное восприятие этничности, заложенное советской национальной политикой. В связи с этим экспертная и исследовательская деятельность российских ученых, связанная с полем политики, так или иначе задействует концепт этнической группы в качестве субъекта социальных, этнополитических и этнокультурных отношений в рамках общероссийской гражданской нации. Ключевым субъектом политики идентичности выступает государство, которое использует институты социализации для формирования идентичности. Этничность имеет потенциал к модуляции в зависимости от региональной и общедомеральной конъюнктуры. Так, например, поле политики Татарстана демонстрирует сложность и пластичность феномена: функциональная роль этничности менялась от политического мобилизатора в 1990-е до инструмента культурного менеджмента и интеграции в общероссийский контекст, начиная с 2000-х годов.

Доклад Р.А. Старченко (кандидат исторических наук, зам. директора по научной работе, Институт этнологии и антропологии им.Н.Н. Миклухо-Маклая Российской Академии наук, Москва) был посвящен соотношению этнической и гражданской идентичности в условиях политических и социокультурных трансформаций. Исследователь проанализировал, как макрополитические изменения и сдвиги в государственной политике влияют на динамику идентификационных процессов в регионах. Р.А. Старченко отметил, что в современной России наблюдается продолжающийся процесс формирования общероссийской гражданской идентичности, который не является линейным и сопровождается сохранением сильных этнических и региональных солидарностей. Достаточно активно процесс гражданской интеграции происходит в Крыму и на новых территориях. Полученные социологические данные свидетельствуют о положительном отношении к полиэтничности и многоязычию. Ключевым выводом его выступления стал тезис о том, что эффективная политика в области формирования общероссийской гражданской идентичности должна находить механизмы для дальнейшего гармоничного включения этнокультурного разнообразия и в этой связи этносоциология / этносоциологические исследования становятся актуальными и востребованным в научном и прикладном плане.

Н.И. Карбаинов (научный сотрудник, Социологический институт Российской Академии наук – филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской Академии наук, Санкт-Петербург) в своем докладе предложил оригинальный ракурс для анализа этнических процессов через призму междоцивилизационных взаимодействий, используя в качестве примера Байкальскую Сибирь. Его подход основывается на идее, что данный регион исторически является контактной зоной нескольких крупных цивилизационных ареалов – русского, буддийского и тюрко-монгольского. По результатам исследований Социологического института Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской Академии наук, междоцивилизационные взаимодействия в Байкальской Сибири между элитными цивилизационными сетями тибетского буддизма и русского православия происходили в форме столк-

новения и конкуренции. В то же время межцивилизационные взаимодействия на микроуровне привели к гибридизации. В процессе гибридизации элементы мировых религий – буддизма и христианства тесно взаимодействовали как друг с другом, так и переплетались с шаманизмом: на уровне локальных народных культур сформировались религиозные практики двоеверия и даже троеверия как среди бурят и тунгусов (эвенков), так и у русского населения. Культурная гибридизация явилась непреднамеренным последствием деятельности религиозных элит, которые ставили перед собой совершенно другие цели.

Выступление М.А. Абрамовой (доктор педагогических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом социальных и правовых исследований, Институт философии и права Сибирского отделения Российской Академии наук, Новосибирск) было посвящено методологическим основам применения визуальных методов в социологии. Опираясь на результаты своих исследований, она подчеркнула и обосновала возрастающую роль визуальных исследований как междисциплинарных, позволяющих рассматривать проблемы на стыке эстетики, истории искусства и естественно-научных направлений. Визуальный объект выступает источником информации о способах кодировки смыслов и средством передачи информации. Анализ семантики изображений, таким образом, выступает в качестве инструмента изучения социальных практик, эмоций и невербализуемых аспектов социальной жизни, информация о которых часто ускользает при использовании традиционных опросных методов. М.А. Абрамова подчеркнула, что в контексте этносоциологии и этнопсихологии визуальные методы (фото- и видеофиксация, анализ визуальных артефактов) позволяют получить более глубокое и насыщенное понимание повседневности этнических групп, их ритуалов, символических пространств.

Совместный доклад якутских исследовательниц Подойницыной Ирины Ивановны (доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской Академии наук, Якутск) и Маклашовой Елены Гавриловны (доктор социологических наук, зав. отделом этносоциологии, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской Академии наук, Якутск) был сконцентрирован на методологических особенностях применения факторного анализа в этносоциологии для выявления ключевых индикаторов межэтнических взаимодействий. Основываясь на многолетнем опыте проведения массовых опросов в Республике Саха (Якутия), продемонстрировано, как с помощью математических методов можно редуцировать сложный массив эмпирических данных к ограниченному числу латентных факторов, в частности, способствующих или препятствующих социально-трудовой мобильности, описывающих воспроизводство национальной культуры народа саха. Представлены теоретико-методологические основы проведения этносоциологических исследований в Якутии, а также методология проведения факторного анализа на примере, изучения социального самочувствия населения полиэтнического региона. Ученые показали, что факторный анализ позволяет не только верифицировать теоретические конструкты, но и выявлять скрытые

закономерности и связи между переменными, что значительно повышает объяснительный потенциал этносоциологических исследований.

Доклад О.В. Васильевой (кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской Академии наук, Якутск) был посвящен фундаментальной проблеме определения предмета исследования в современных дисциплинах, изучающих этнический феномен. Показано, что сформировавшиеся направления такие как примордиализм, конструктивизм испытывают проблемы с трудностями с построением теоретических объяснительных моделей. Докладчиком выдвинута гипотеза, что для того, чтобы подойти к выходу из теоретического тупика, следует обратить внимание на метатеорию – уровень базовых принципов, используемых в самом научном исследовании, а конкретно на представление о понятийной категории. В докладе демонстрируется, что аристотелевское понимание категории «сущность» до сих пор во многом определяет представление о правильном способе формирования понятийных категориях в науке. Кроме того, такая установка имеет ряд следствий в виде философских допущений, которые можно обозначить как объективистскую метафизику. Они и приводят современную теорию в исследовательские тупики. Сделан вывод о необходимости обновления языка теории, в том числе через трансформацию представления о том, как формируется понятийная категория.

Завершающий доклад Ю.В. Попкова (доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт философии и права Сибирского отделения Российской Академии наук, Новосибирск) был посвящен современным вызовам для этносоциологии: «Этносоциальные процессы и этносоциология: актуальные вопросы проблемного поля». Опираясь на свои многолетние исследования этносоциальных процессов в Сибири, ученый осуществил масштабный теоретический обзор ключевых вызовов, стоящих перед дисциплиной. Он не разделяет оптимистического взгляда о больших перспективах этносоциологии, подтверждая это, в частности, анализом реальных вызовов и угроз для нее в ситуации преобладания в современных этнологических исследованиях западных научных стандартов и подходов с доминированием акцента на проблемах этничности и идентичности. Важным является также отсутствие этносоциологии в образовательном стандарте, а также должного финансирования этносоциологических исследований. Ю.В. Попков остановился на характеристике предметного поля этносоциологии и места в нем этносоциальных процессов, опираясь на наработки новосибирской научной этносоциологической школы, которые доказали свою востребованность, в том числе со стороны органов управления разных уровней.

* * *

Проведенный в онлайн-формате Круглый стол «Этносоциальные и этнополитические процессы в Сибири и на Дальнем Востоке» стал значимым событием не только в рамках празднования 90-летия Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской Академии наук, но и в контексте развития отечественной этносоциологии. Мероприятие успешно выполнило свою интегративную функцию, собрав на одной вирту-

альной площадке ведущих специалистов из ключевых академических центров страны, что позволило осуществить продуктивный обмен теоретическими наработками, методологическими подходами и результатами эмпирических исследований. Участники единодушно отметили как высокий научный уровень представленных докладов, так и организацию самого мероприятия, способствовавшую содержательной и конструктивной дискуссии.

Научный результат Круглого стола носит многоплановый характер. Во-первых, был осуществлен комплексный анализ современных этносоциальных и этнополитических тенденций в Сибири и на Дальнем Востоке, выявлены ключевые вызовы и определены потенциальные риски. Во-вторых, состоялась глубокая методологическая рефлексия, в ходе которой были критически переосмыслены базовые категории этносоциологии (идентичность, субъектность, предмет исследования) и продемонстрированы возможности применения современных методов сбора и анализа данных – от продвинутых статистических процедур до визуальных исследований. В-третьих, форум способствовал синхронизации деятельности ведущих исследовательских коллективов и наметил перспективные направления для будущих междисциплинарных и межрегиональных проектов. Таким образом, Круглый стол не только подвел определенные итоги развития этносоциологической мысли, но и задал новый импульс для ее дальнейшего развития, а Институт-юбилар успешно выполнил роль одного из ключевых центров притяжения для ученых, занимающихся изучением сложного и многогранного мира этничности в современной России.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declare no relevant conflict of interests

Сведения об авторе: Маклашова Елена Гавриловна, доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской Академии наук (677007, ул. Петровского, 1, Якутск, Российская Федерация); <http://orcid.org/0000-0001-5080-6473>; e-mail: maklashova@mail.ru

About the author: Elena G. Maklashova, Doctor Sc. (Sociology), Chief Research Fellow, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (1 Petrovskiy St., Yakutsk 677007, Russian Federation); <http://orcid.org/0000-0001-5080-6473>; e-mail: maklashova@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 29.09.2025

Доработана после рецензирования / Revised 15.10.2025

Принята к публикации / Accepted 20.10.2025

2025
ГОД ЗАЩИТНИКА ОТЕЧЕСТВА
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН

Подготовка и издание сетевого научного журнала осуществлены
в рамках Государственной программы Республики Татарстан
«Сохранение национальной идентичности татарского народа»

The preparation and publication of the online scientific journal were carried out
within the framework of the State program of the Republic of Tatarstan
“Preservation of the National Identity of the Tatar People”

Академия наук Республики Татарстан является правообладателем исключительных
имущественных прав на свои издания. Любое использование материала данного издания
(размещение в Интернете, перепечатка, переиздание и т.д.), полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

The Tatarstan Academy of Sciences is a holder of exclusive property rights of its own publications.
Any use of the material of this publication (publishing online, reprint, republish, etc.),
in whole or in part, without permission of the rights holder is prohibited.

<https://historicaethnology.org>

E-mail: his.ethnology@gmail.com

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭТНОЛОГИЯ. 2025. Том 10. № 4
Сетевое издание

HISTORICAL ETHNOLOGY. 2025. Vol. 10. No. 4
Online media

Компьютерная верстка – *Л.М. Зигангареева, А.Р. Тухватуллина*

Оригинал-макет подготовлен

в Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ

420111, ул. Батурина, 7, Казань,

Республика Татарстан, Российская Федерация

Дата выхода в свет 1.12.2025 г.

Формат 60×84 ¹/₈

Свободная цена